

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1990

• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5

1990

<i>Семиряга М. И.</i> 17 сентября 1939 года	3
<i>Парсаданова В. С.</i> К истории интернированных в СССР солдат и офицеров Войска Польского . . .	17
<i>Селицкий Франтишек.</i> (ПР). Франциск Скорина в польской науке	27
<i>Лабынцев Ю.</i> Зерцало жития	37
<i>Лифанов К. В.</i> «Национальные песни» Я. Коллара как источник изучения среднесловацкого фольклорно-поэтического койне	47
<i>Невская Т. В.</i> Заметки по этимологии нескольких русских арготизмов	54
<i>Делль Агата Джузеппе.</i> (Италия). Русский перевод «Царства Славян» Мауро Орбини	58

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Аксенова Е. П.</i> «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы)	69
--	----

СООБЩЕНИЯ

<i>Заборовский Л. В., Зазарьина Н. С.</i> Двадцать лет работы сектора истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР . . .	82
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Валева Е. Francis Conte.</i> Les Slaves. Aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale (XI ^e — XIII ^e siècles)	91
<i>Мьльников А. С.</i> Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе	93
<i>Кавко А. К.</i> Франциск Скорина — белорусский гуманист-просветитель, первопечатник	95
<i>Никольский С. В.</i> Slavistický odkaz F. L. Čelakovského (Práce z dějin slavistiky, XI)	97

ЖУРНАЛ

ОСНОВАН

В ЯНВАРЕ

1965 г.

МОСКВА

«НАУКА»

<i>Заградка М.</i> (ЧСФР). Новая книга о литературе Чехословакии	99
<i>Пуцко В. Г.</i> С. Петковић. Морача	103
<i>Орел В. Э.</i> Этимологічний словник української мови	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кавко А. К.</i> «Круглый стол», посвященный энциклопедии «Франциск Скорина и его время»	109
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУТНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБА,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. Н. СМЕРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

СЕМИРЯГА М. И.

17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

«...для польского народа
17 сентября было драмой, но
шесть лет спустя — 9 мая —
мы были вместе в Берлине».

В. Ярузельский («Правда», 1990, 14 IV)

Германского посла в Москве фон Шуленбурга не удивило, когда в 2 часа ночи 17 сентября 1939 г. он был вызван в Кремль к Сталину. Шуленбург ехал с надеждой наконец получить от Сталина конкретный ответ, которого он и его правительство ждали, на вопрос: когда Красная Армия вступит в Польшу и совместно с вермахтом «окончательно решит польскую проблему»? Ведь германские войска уже достигли окраин Варшавы и пересекли согласованную линию, разделяющую «государственные интересы СССР и Германии» в Польше по рекам Нарев — Висла — Сан.

Сталин и присутствовавшие в его кабинете Молотов и Ворошилов встретили посла весьма любезно. Ему было заявлено, что сегодня в 6 часов утра советские войска пересекут границу с Польшей на всем ее протяжении и что соответствующая нота будет вручена польскому послу еще этой ночью. Далее ему было сообщено, что советские представители, включенные в состав смешанной военной комиссии, прибудут завтра или послезавтра в Белосток. Сталин предложил, чтобы во избежание инцидентов немецкие самолеты с сегодняшнего дня не пересекали линию Белосток — Брест-Литовск — Львов [1, Bd. VIII, S. 62].

Через несколько часов польский посол Вацлав Гжибовский был вызван к заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, вручившему ему ноту, подписанную Молотовым. В ней утверждалось, что польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства; Польша потеряла все промышленные районы и культурные центры; Варшава как столица страны больше не существует; польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что Польское государство перестало существовать. Ввиду этого Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей, угрожающих Советскому Союзу. Советское правительство не может безразлично относиться к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих на территории Польши. Красная Армия получила приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно, говорилось в ноте, Советское правительство намерено «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью» [2, с. 448].

Семиряга Михаил Иванович — д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

Польский посол не мог не обратить внимания Потемкина на то, что нота содержала ряд неточностей и передержек, и не принял ее. В ответ Потемкин сказал: «Если нет польского правительства, то и нет польских дипломатов и нет пакта о ненападении» [3, S. 172], заключенного между СССР и Польшей в июле 1932 г. С утра 17 сентября 1939 г. на территории Польского государства в боевом взаимодействии с гитлеровским вермахтом начала действовать и Красная Армия.

С тех пор прошло более полувека. Однако наши представления об этой советской военной акции ограничивались лишь односторонним показом освобождения западных украинцев и западных белорусов, их радости по этому поводу и единодушного голосования за вступление в состав СССР. В стороне оставались такие важные аспекты проблемы, как роль предварительных секретных советско-германских договоренностей, боевое взаимодействие советских и германских войск на территории Польши и некоторые другие.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться ответить на вопросы: что же привело советскую армию к столь противоестественной для нее акции, какие события этому предшествовали и каков был политический и военно-стратегический характер действий советского руководства во главе со Сталиным против Польши в эти трагические для нее дни?

Конечно, при ответе на эти непростые вопросы нельзя игнорировать того факта, что русско-польские отношения на протяжении веков развивались весьма сложно. Коренного изменения не произошло и после Великой Октябрьской социалистической революции, когда Советская Россия приветствовала провозглашение независимости Польши. В 20—30-е годы эти отношения не имели стабильного характера, сказывались старые предрассудки и стереотипы, хотя с 1921 г. действовал Рижский мирный договор, устанавливавший советско-польскую границу значительно восточнее той линии, которая была предложена в 1919 г. Верховным советом Антанты (так называемая «линия Керзона»). В договоре содержались также статьи, гарантировавшие полное уважение государственного суверенитета другой стороны и обязательство воздерживаться от всякого вмешательства в ее внутренние дела.

В 1932 г. между СССР и Польшей был подписан договор о ненападении, который признавал, что мирный договор 1921 г. по-прежнему остается основой их взаимных отношений и обязательств. Стороны отказывались от войны как орудия национальной политики, обязывались воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с другими державами. Такими действиями признавался «всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость» другой стороны [4].

23 сентября 1938 г. Советское правительство сделало польскому правительству предупреждение в связи с подготовкой Польшей акта агрессии против Чехословакии. В тот же день Москва получила ответ: «1. Меры, принимаемые в связи с обороной Польского государства, зависят исключительно от правительства Польской Республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения. 2. Правительство Польской Республики точно знает тексты договоров, которые оно заключало» [5, 1938, 26 IX]. Вместе с тем, в конце 1938 г. оба правительства еще раз подтвердили, что основой мирных отношений между странами является договор о ненападении от 1932 г., продленный в 1934 г. до 1945 г. [2, с. 396].

В начале 1939 г. Гитлер предпринял попытку привлечь Польшу к планируемому им «крестовому походу» против СССР. 5 января 1939 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек с большой помпой был принят Гитлером в Берхтесгадене. Беку было сказано, что существует «единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза». Поэтому Германия заинтересована в сильной Польше, ибо «каждая использованная против СССР польская дивизия означает экономию одной немецкой дивизии». Бек, однако, не согласился участвовать в какой-либо антисоветской акции [3, S. 42].

Необходимость существенного улучшения советско-польских отношений приобрела особую актуальность с весны 1939 г., когда стали ясно просматриваться агрессивные намерения Германии в отношении Польши: в апреле, как позже стало известно, Гитлер принял решение о военном способе удовлетворения своих претензий к этой стране. Польское правительство в то время было в целом удовлетворено советско-польскими отношениями. Так, Ю. Бек 13 мая 1939 г. сообщал польскому послу в Париже, что недавние переговоры Потемкина в Варшаве свидетельствуют «о понимании Советским правительством нашей точки зрения на характер советско-польских отношений, которые в настоящее время развиваются нормально и абсолютно регулярным образом». Бек получил заверение Потемкина в том, что в случае польско-германского вооруженного конфликта Советский Союз будет соблюдать в отношении Польши «благожелательную позицию» [3, S. 44].

Однако позиция правящих кругов Польши в отношении СССР была в целом не только явно непоследовательной, но и враждебной. Во время визита к Беку 25 мая 1939 г. советский посол в Варшаве Н. И. Шаронов заявил о готовности Советского Союза оказать военную помощь Польше. Но предложение принято не было. Близорукость польских руководителей наглядно проявилась в ходе англо-франко-советских военных переговоров, когда Польша категорически воспротивилась проходу советских войск через ее территорию в случае агрессии Германии. Как известно, эта позиция явилась одной из причин срыва трехсторонних переговоров, что, в частности, привело к заключению 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, 28 сентября 1939 г. — договора о дружбе и границе, к другим договоренностям и секретным протоколам к ним. Эти документы имели прямое отношение к судьбам Польского государства.

В секретном протоколе, приложенном к договору о ненападении, в частности говорилось: «2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия» [6].

Записано ясно и недвусмысленно: СССР и Германия присвоили себе право решать судьбу Польши. При чем договор и протокол вступали в силу немедленно, не ожидая ратификации. Такая поспешность была выгодна Германии. Ведь, подписывая договор, советская сторона знала, что агрессия против Польши — дело ближайших дней. В день его подписания, когда Риббентропу потребовалось решение по некоторым неожиданным дополнительным условиям, выдвинутым Сталиным, и он запросил мнение Гитлера, тот сразу же ответил, что согласен [7, с. 58—60].

Таким образом, советско-германский договор не был выбором между войной и миром, он явился актом имперской политики «территориально-политического переустройства» стран Восточной Европы и прежде всего Польши.

Польский народ, который первым в Европе подвергся вооруженной агрессии гитлеровской Германии и, не получив обещанной поддержки от западных союзников, вынужден был в одиночестве и, говоря словами английского историка Дж. Фуллера, «мужественно до донкихотства» сражаться за свою свободу и независимость, оказался в особо трудной ситуации.

Какова же была в эти дни позиция Советского Союза? Когда после подписания советско-германского договора Ворошилов заявил, что этот документ не исключает поставок Польше сырья и вооружений, он вводил в заблуждение Польшу, советских граждан и мировую общественность. Польша выразила желание закупить у Советского Союза оружие и сохранить свои транзитные пути по советской территории, о чем посол В. Гжи-

бовский сообщил 8 сентября. Молотов ответил, что ситуация изменилась, ибо в войне участвуют Польша, Германия, Англия и Франция, поэтому Советский Союз не хочет быть втянутым в конфликт и должен принимать меры для обеспечения своей безопасности [3, S. 120]. Сталин и Молотов позже не опасались за «безопасность» Советского Союза, ведя весьма активную торговлю с воевавшей Германией, в том числе стратегическим сырьем и вооружением, а также предоставив ей льготные условия транзита через территорию СССР.

Вступление советских войск в восточные воеводства Польши и их продвижение до линии рек Нарев — Висла — Сан в принципе было предопределено содержанием секретного протокола от 23 августа. Но германская сторона была, естественно, заинтересована в совместных действиях с Красной Армией с самого начала войны против Польши. В связи с этим приведем один факт.

В конце августа 1939 г. в западную прессу (возможно, это было инспирировано из Берлина) просочились сведения о том, что в связи с обострившимся германо-польским конфликтом советские войска отводятся от границы с Польшей. Сообщение вызвало в Берлине озабоченность, и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма следующего содержания: «В рамках заключенного договора об обменах нотами в осторожной форме выясните, действительно ли от польской границы отводятся советские войска. Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на востоке» [1, Bd. VII, S. 302]. Шуленбург после консультаций в НКВД сообщил, что вскоре будет опубликовано успокоительное заявление о том, что советские войска не собираются уходить от границы с Польшей [1, Bd. VII, S. 318]. Действительно, Советское правительство 30 августа 1939 г. официально заявило, что «ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР» [2, с. 445].

Теперь, после ознакомления с немецкими трофейными документами, опубликованными Пикелькевичем, становится понятен подлинный смысл этого заявления. Гитлер мог быть спокоен: Сталин не отведет войска с польской границы, тем самым фактически сковав польские силы на востоке, чтобы облегчить действия вермахта на западе Польши. Но пока Сталин затягивал оговоренный в принципе ввод советских войск на территорию Польши, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, он хотел психологически подготовить советских людей к восприятию этого неожиданного акта. Чтобы ввести в заблуждение советский народ относительно своих намерений в отношении Польши, советское руководство прибегало к различным манипуляциям. Как сообщил 10 сентября в Берлин Шуленбург, на его пожелание быстрее решить вопрос о вводе войск Красной Армии в Польшу, Молотов объяснил, что Советское правительство ожидает дальнейшего продвижения вермахта и тогда сможет объяснить своему народу, что вследствие немецкой угрозы вынуждено прийти на помощь западным украинцам и белорусам. Подобное обоснование, продолжал Молотов, успокоит народ, и Советский Союз в его глазах не предстанет в роли агрессора [1, Bd. VII, S. 35].

Одним из аргументов в пользу такого обоснования, по мнению Молотова, мог стать факт запятия германскими войсками Варшавы. Вот почему, как только передовые части вермахта достигли окраин города, советский нарком иностранных дел поторопился 9 сентября направить Шуленбургу следующую телеграмму: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи. Молотов» [7, с. 84]. Хотя, как известно, героическая Варшава капитулировала только 27 сентября.

14 сентября Шуленбург направил в Берлин следующую телеграмму: «Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защиту русских „меньшинств“), Советам было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Поль-

ши — Варшава. Молотов поэтому просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы» [1, Bd. VII, S. 47].

Во-вторых, существовала реальная опасность вмешательства в события западных держав. Чемберлен и Галифакс 24 августа публично заявили, что Великобритания будет воевать за Польшу. Советскому правительству эта позиция стала известна уже на следующий день, когда министр иностранных дел Великобритании и польский посол в Лондоне подписали пакт, устанавливающий, что стороны будут оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей страны [8]. Сталин и Молотов не могли не понимать последствий того, если бы Советский Союз с самого начала вмешался в германо-польский конфликт на стороне Германии. На соответствующий запрос Риббентропа Молотов через Шуленбурга ответил, что в подходящее время Советский Союз начнет конкретные действия, но «мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов» [1, Bd. VIII, S. 3—4].

Кроме того, население Советского Союза опасалось, что страна может быть вовлечена в войну на стороне Германии против Польши, Англии и Франции. В одной из телеграмм в Берлин Шуленбург дал следующую характеристику советскому общественному мнению: «Начало войны между Германией и Польшей сильно повлияло на общественное мнение здесь, и в определенных кругах возникли новые опасения того, что Советский Союз будет вовлечен в войну. Недоверие, проявляемое в отношении Германии в течение нескольких лет, несмотря на эффективную контрпропаганду, которая проводится на партийных и производственных собраниях, не может быть уничтожено так быстро. Население высказывает опасения относительно того, что Германия после разгрома Польши повернет против Советского Союза. Воспоминания о германской мощи в мировой войне везде до сих пор живы» [1, Bd. VIII, S. 10]. Поэтому советскому руководству необходимо было выждать время до окончательного выяснения обстановки в Польше. Лишь 17 сентября 1939 г. в 5 часов 40 минут советские войска перешли советско-польскую границу.

Для операции была создана довольно крупная группировка войск — 28 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад и 7 артиллерийских полков резерва Главного командования. В двух фронтах насчитывалось более 600 тыс. человек, около 4 тыс. танков, свыше 5500 орудий и 2 тыс. самолетов.

Вступление советских войск на территорию Польши оказалось для польского руководства неожиданным. Однако оно не сочло возможным рассредоточивать силы для борьбы на два фронта и предпочло сражаться только против немецких войск. Приказ верховного командующего маршала Э. Рыдз-Смиглы гласил: «С Советами в бои не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей, которые вошли в соприкосновение с советскими войсками. С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию» [9].

Заслуживает внимания вопрос, какие же задачи были поставлены перед войсками в ходе акции в Польше. Например, командующий войсками Украинского фронта командарм I ранга С. К. Тимошенко в приказе отмечал, что «польское правительство помещиков и генералов втянуло народы Польши в авантюристическую войну». Примерно то же говорилось и в приказе командующего войсками Белорусского фронта командарма II ранга М. П. Ковалева. В них содержался призыв к населению повернуть «свое оружие против помещиков и капиталистов», но ничего не говорилось о судьбе западных областей Украины и Белоруссии [10]. Это объяснялось, видимо, тем, что после Рижского мирного договора 1921 г. Советское правительство никогда не ставило вопрос о воссоединении западных областей Украины и Белоруссии. Но в последующих

документах отмечалась такая задача войск, как спасение украинского и белорусского народов от угрозы «разорения и избиения» со стороны врагов, подчеркивалось, что советские воины идут в Польшу не как завоеватели, а как освободители белорусов, украинцев и трудящихся Польши. Правда, советское командование еще не имело тогда ясного представления о возможном поведении польского командования, и поэтому советские войска должны были быть готовы ко всяким неожиданностям, но при этом избегать бомбардировок городов и местечек и не допускать никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах [11, с. 247].

Действия Красной Армии на территории Польши продолжались 12 дней. За это время войска продвинулись на 250—300 км и заняли территорию общей площадью свыше 190 тыс. кв. км с населением более 12 млн. человек, в том числе более 6 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов [11, с. 249].

После вступления советских войск на территорию Польши отношения Англии и Франции с Советским Союзом резко обострились и находились на опасной грани. 19 сентября в Москве была получена англо-французская нота, в которой требовалось прекратить продвижение и вывести советские войска из Польши. В противном случае, говорилось в ноте, в соответствии с польско-французским союзническим договором объявление войны Советскому Союзу может произойти автоматически [3, S. 192].

В-третьих, необходимо было успокоить мировую общественность. В Берлине с этой целью 1 сентября было объявлено не о начавшейся против Польши войне, а только об ответных мерах. В указании министерства пропаганды прессе было запрещено употреблять слово «война», так как «мы только отвечаем на польские провокации». Аналогичные указания были даны всем германским дипломатическим миссиям за рубежом [1, Bd. VII, S. 409].

Сталин и его окружение не могли не понимать, что характер советско-германских отношений и акции Советского Союза в Польше могут произвести крайне негативное впечатление на мировое общественное мнение. Поэтому в совместном германо-советском коммюнике, принятом по предложению Риббентропа 18 сентября, но опубликованном лишь 20 сентября, было сказано, что целью германских и советских войск является «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования» [2, с. 449].

Знало ли политическое и военное руководство Германии, кроме Гитлера и Риббентропа, о намерении Сталина ввести войска на территорию Польши и о сроках ввода? Вот что записал 31 августа 1939 г. в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер: «Россия производит известные переброски войск (Состояние боевой готовности по тревоге!). Не исключено, что русские выступят, если наши войска будут успешно продвигаться вперед». 7 сентября он пишет: «Русские выступят». Через два дня новая запись: «Ожидается повышенная активность русских в ближайшие дни». 12 сентября Гальдер сообщает, что в разговоре главнокомандующего генерала Браухича с Гитлером было высказано мнение, что «русские, очевидно, не хотят выступать. Они хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). Русские считают, что поляки будут согласны заключить мир». Наконец, 17 сентября Гальдер записал, что в 2 часа получено сообщение: «Русские двинули свои армии через границу Польши», а в 7 часов немецкие войска получили приказ «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волинский — Брест — Белосток» [12, с. 87, 108, 111, 116, 123].

Таким образом, верховное командование германской армии допускало возможность вступления в Польшу советских войск, но не знало его сроков. Что же касается командующих в действующей армии и особенно командиров передовых частей, то они совершенно не были ориентиро-

ваны в общей обстановке и планировали свои действия на глубину до границы с Советским Союзом.

Используя задержку со вступлением на территорию Польши советских войск, германское командование с 1 по 16 сентября продвинуло свои войска до 200 км восточнее согласованной линии по Нареву — Висле — Сану [13, S. 64]. Передвижение германских войск к дважды менявшейся линии «государственных интересов» на территории Польши было завершено лишь 14 октября 1939 г. [3, S. 233].

Хотя состояние войны между СССР и Польшей не было объявлено, но, по существу, боевые действия против польских воинских частей имели место. Молотов в докладе на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. говорил о «боевом продвижении Красной Армии» и о захвате боевых трофеев, которые составляли значительную часть вооружения и боевой техники польской армии. В той же речи глава Советского правительства заявил, что Польша развалилась благодаря удару сначала германской армии, а затем и Красной Армии [14, № 20, с. 5]. 26 декабря 1939 г. в ответе Гитлеру на поздравление по случаю 60-летия Сталин также отмечал, что советско-германская дружба скреплена совместно пролитой кровью [5, 1939, 26 XII]. В приказе наркома обороны Ворошилова от 7 ноября 1939 г. утверждалось, что Польское государство, «как старая сгнившая телега», разлетелось за 15 дней. «Стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска, выполнив в короткий срок свой долг перед Советской Родиной» [15, 1939, 8 XI].

Оба диктатора не считали нужным упоминать о случаях столкновений между двигавшимися навстречу друг другу германской и советской армиями. Эти столкновения происходили, в частности, потому, что даже высшее командование вермахта не было информировано о заключенных между Германией и Советским Союзом соглашениях. Так, 20 сентября восточнее Львова немецкая артиллерия подбила несколько двигавшихся в колонне советских танков. 23 сентября части 10-й танковой дивизии генерала Шаала по ошибке вели на протяжении нескольких часов бой с советской кавалерийской частью. В итоге, по некоторым данным, погибли два и были ранены 23 советских солдата [3, S. 245].

Прискорбно то, что части Красной Армии в ряде мест вели бои и с польскими войсками. Так, в районе Лашки Муроване они столкнулись с остатками группировки генерала Соснковского, двигавшейся в направлении Львова. Часть группировки сдалась советским войскам, другая во главе с командующим перешла в Венгрию. Имели место бои с группой войск генерала Орлик-Рюкермана.

Тяжелые бои 20—21 сентября развернулись с польскими защитниками Гродно. Утром 20 сентября к городу подошли советские танки, но, встретив сопротивление, вынуждены были отойти. Как сообщала 25 сентября «Правда», в городе упорно сопротивлялись «банды» численностью около 3 тыс. польских офицеров и жандармов, засевших в крепости, костеле и казармах. Советская артиллерия обстреливала эти объекты.

21 сентября советские танки были обстреляны польской артиллерией на подступах к Львову. Но вскоре между польскими защитниками города во главе с генералом Лангнером, державшими фронт против немецких войск, и советским командованием начались переговоры, приведшие к капитуляции гарнизона. В течение нескольких дней продолжались бои между советскими и польскими частями в районе Вильно. 30 сентября развернулся бой польского пехотного полка с советскими кавалеристами в районе Кобрина. Дело доходило до применения гранат и штыковых схваток [3, S. 258]. Ночью 1 октября в районе Влодавы произошло столкновение польской воинской части с советской танковой колонной. Было повреждено четыре танка. В течение двух недель продолжались стычки в районе Сарны. Около Люблина также произошла стычка.

Общие потери польских войск в ходе боев, в основном против вермахта, составили убитыми около 66 тыс., ранеными около 133 тыс. человек. В немецком плену оказались около 350 тыс. солдат и офицеров [16] (по данным верховного командования вермахта, в плен были взяты около 600 тыс.

польских солдат и офицеров [17, с. 853]). Кроме того, многие тысячи польских военнослужащих оказались интернированы в ряде соседних стран [17, с. 638—639].

Как известно из советской печати, в ходе боев погибли 737 советских военнослужащих и 1862 человека были ранены [14, № 20, с. 5]. По официальным данным советских властей, за период освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии Управление НКВД по делам военнопленных и интернированных приняло свыше 120 тыс. военнопленных поляков [18]. Однако по другим данным до середины октября 1939 г. в руках советских властей оказались около 230 600 человек, в том числе около 8 тыс. офицеров [19]. Большинство из них были именно военнопленные, остальные — интернированные. Правда, с июня 1941 г. у нас их стали называть только «интернированными». После прекращения военных действий Советское правительство было обязано освободить всех польских военнопленных и интернированных. Однако часть из них, прежде всего офицеры, содержались в специальных лагерях вплоть до апреля 1940 г. Как теперь известно, до 10 тыс. из них погибли от рук бериевцев в Катыни весной 1940 г.

Власти вели себя недостойно и в отношении польских дипломатов в Москве. При этом нарушался общепринятый в международном праве порядок решения подобных вопросов, игнорировались элементарные нормы приличия и человеческого общения. С 17 сентября чинились всяческие препятствия выезду польских дипломатов, не признавался их дипломатический статус. Как ни парадоксально, лишь благодаря активному вмешательству германского посла Шуленбурга, выполнявшего обязанности дуайена дипломатического корпуса в Москве, 9 октября польские дипломаты и члены других польских представительств выехали в Финляндию. Польский консул в Киеве Матусинский со своим шофером исчезли еще 19 сентября, и их судьба, по данным польских источников, неизвестна [3, с. 265].

Свой «вклад» в развернувшуюся в то время в Советском Союзе антипольскую кампанию внесли средства массовой информации.

С одной стороны, в советской печати подчеркивалось, что польский народ благодаря победе Октябрьской революции получил право на самостоятельное государственное развитие. Однако правящие круги этой страны установили реакционный режим так называемой санации, вели антисоветскую политику, отвергали любые предложения с целью создания вместе с СССР и другими странами единого антифашистского фронта.

Но, с другой стороны, в публиковавшихся после 23 августа статьях извращались факты, давались неправильные оценки хода боевых действий и поведения польских войск и населения. Писатель П. Павленко утверждал, например, будто Польша как государство с 5 сентября «безусловно, уже перестала существовать» [14, № 22, с. 45], хотя известно, что польское правительство эвакуировалось вечером 17 сентября, а гарнизоны Варшавы и некоторых городов-крепостей продолжали сопротивляться до конца сентября.

Предпринималась попытка бросить тень на Польшу и ее народ, прибегая к историческим аналогиям и ссылаясь на высказывания Ф. Энгельса. Так, в журнале «Большевик» была опубликована редакционная статья «Сталинская политика мира и дружбы народов». В ней приводилась цитата из письма Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1851 г., где Энгельс высказывал негативное мнение относительно польского народа и Польши. Автор статьи ратовал за прекращение Англией и Францией войны против Германии, ибо повод, которым они воспользовались для ее объявления, а именно защита Польши, отпал. Польское государство разваливалось, и никто, кроме кучки магнатов, об этом не жалеет [14, № 18, с. 6].

Как не вспомнить появившееся в июле 1939 г. в том же журнале утверждение, что в настоящее время агрессоры ведут «однобокую» войну, на спине слабых и малых держав, против таких крупнейших неагрессивных стран, как США, Англия, Франция. «В этом заключается коренная раз-

лица нынешней обстановки по сравнению с обстановкой 1914 г., когда войну начали две империалистические коалиции» [14, № 13, с. 74].

Если внимательно проанализировать приведенные выше высказывания Молотова и статьи в советской печати, то нельзя не признать, что они представляют собой грубое нарушение международных норм. Чего, например, стоит утверждение, будто Польское государство перестало существовать и поэтому заключенные ранее между СССР и Польшей договоры прекратили свое действие. Как справедливо отмечается в тезисах Комиссии ученых СССР и Польши «Канун и начало второй мировой войны», «оккупация территории Польши германскими войсками не могла перечеркнуть факт существования государства как субъекта международного права, признаваемого союзниками и нейтральными государствами. К тому же 17 сентября еще защищалась столица Польши Варшава, а также продолжали сопротивление части польской армии, способные вести борьбу» [15, 1989, 25 V]. Что же касается президента Мосцицкого, главы правительства Славой-Складовского, маршала Рыдз-Смиглы, министра иностранных дел Бека и других высших государственных деятелей Польши, то они покинули страну и перешли на территорию Румынии лишь вечером 17 и утром 18 сентября [3, S. 185].

Или возьмем утверждение, что вступление советских войск в Польшу вызвано заботой о безопасности Советского Союза, поскольку польская территория могла стать полем для всякого рода случайностей. Но вспомним, что по идее сам советско-германский договор уже «обеспечивал» эту безопасность. Если же наличие непосредственной границы с Германией усиливало угрозу с ее стороны, то зачем же нужно было заключать договор?

Еще дальше в отношении «польского вопроса» советское руководство пошло во время переговоров и заключения договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Эти переговоры, посвященные уточнению границы «государственных интересов» СССР и Германии на территории Польши, начались по инициативе советской стороны. 20 сентября Шуленбург сообщил Риббентропу, что, по мнению Молотова, наступило время совместно решить судьбу Польши и что Сталин склоняется к тому, чтобы разделить ее по линии Писса — Нарев — Висла — Сан. Советское правительство желает немедленно решить этот вопрос на переговорах в Москве с участием самых высоких государственных деятелей обеих стран [3, S. 197]. В ответной телеграмме Молотову 23 сентября Риббентроп сообщил, что «русская точка зрения о прохождении будущей границы по четырем рекам приемлема» [3, S. 206]. Об атмосфере, в которой проходили переговоры в Москве, свидетельствует сам Риббентроп, заявивший, что в Кремле он «себя чувствовал как среди старых партайгеноссен» [13, S. 75].

В принятом документе устанавливалась граница «государственных интересов» обоих государств на территории Польши, хотя в германо-советском коммюнике от 22 сентября 1939 г. она еще именовалась «демаркационной линией между германской и советской армиями» и должна была проходить гораздо восточнее линии, согласованной 23 августа 1939 г. [2, с. 449]. Далее отмечалось, что эта граница признается окончательной и будет устранено военное вмешательство третьих держав в это решение, причем необходимое государственное переустройство стороны производят каждая в своей зоне (статьи II и III), считая, что это «переустройство станет надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений» между ними (статья IV) [2, с. 452].

Небезынтересно заметить, что оба текста договора — на немецком и русском языках — были признаны аутентичными. Но при этом становится непонятным, почему в названии договора на немецком языке слово «дружба» поставлено после слова «граница», а в тексте на русском языке — наоборот. Действительно ли это объясняется различием в стилистике обоих языков или здесь скрывается политический смысл: что Сталин был более заинтересован в предложенной им «дружбе», чем Гитлер? Название документа, как справедливо указывается в тезисах Комиссии ученых СССР и Польши, «фактически обеляло фашизм, деформировало классовые уста-

новки в общественном и индивидуальном сознании, имело тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР» [15, 1989, 25 V].

В одном конфиденциальном и двух секретных протоколах, приложенных к договору от 28 сентября, были уточнены некоторые территориальные изменения в полосе от Балтийского до Черного морей. В частности, территория Литвы была включена в сферу «государственных интересов» СССР, а территория Люблинского и части Варшавского воеводств отходила в сферу «государственных интересов» Германии. Стороны согласились в том, что они будут пресекать действия польского населения, направленные против другой стороны [20]. Тогда же и в последующий период была достигнута договоренность о взаимном переселении из СССР лиц немецкой национальности, а из сферы «государственных интересов» Германии — лиц украинской, белорусской и литовской национальностей. Как доносил в Берлин 17 октября 1939 г. глава немецкой Комиссии по переселению Ф. Твардовский, представители советской Комиссии заявили, что они заинтересованы в переселении только украинского и белорусского «пролетариата и широких масс, а не богачей и евреев» [21].

В договоре от 28 сентября нет ни слова о праве польского народа на государственное существование; объявленное в нем «переустройство» Польши рассматривается только с точки зрения «дальнейшего развития дружественных отношений» между СССР и Германией. В некоторых советских исследованиях утверждается, будто советское руководство решительно воспрепятствовало продвижению германских войск восточнее согласованной линии границы с Советским Союзом. Однако в свете немецких документов вырисовывается иная картина. Так, еще 5 сентября 1939 г. Молотов сообщал Риббентроцу, что советское руководство понимает, что «в ходе операций одна из сторон либо обе стороны могут быть вынуждены временно пересечь демаркационную линию между своими сферами влияния, но подобные случаи не должны помешать непосредственной реализации намеченного плана» [1, Bd. VIII, S. 4]. 15 сентября Риббентроп вторично сообщил Молотову, что Германия связана разграничительными сферами влияния в Польше и поэтому будет приветствовать скорое выступление Красной Армии, которое «освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы» [1, Bd. VIII, S. 54].

В Берлине еще в начале боевых действий возникла идея о возможности в качестве буфера создать где-то в зоне между линиями интересов Германии и СССР «остаточное Польское государство». По этому вопросу генерал Гальдер 7 сентября записал в дневнике: «Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарва с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области Западной Украины — самостоятельны». Как явствует из записи от 10 сентября, германское руководство подготовило специальное обращение к населению Западной Украины, в котором обещало ему «независимое государство» под эгидой Германии [12, с. 108, 111, 114].

О вариантах расчленения Польши 12 сентября говорил и Риббентроп. Со ссылкой на Гитлера он заявил, что при таком варианте «решения польского вопроса» можно будет в случае необходимости вести переговоры о заключении «восточного мира». Одновременно Риббентроп не исключал и варианта, который предусматривал бы расчленение Польши на отдельные составные части, включая Западную Украину [22].

Но Гитлер еще не знал, какова же будет позиция Сталина и Молотова по данному вопросу. Шуленбург выяснил это только на следующий день и сообщил фюреру, что Сталин решительно против сохранения «Польского остаточного государства» и за раздел Польши. Одновременно Молотов выразил недовольство тем, что заместитель начальника оперативного управления верховного командования вермахта генерал В. Варлимонт показал советскому военному атташе в Берлине карту, на которой было обо-

значено, что «имперская граница» Германии должна проходить восточнее Львова. Молотов напомнил, что это противоречит советско-германской договоренности, по которой «линия интересов» должна проходить по р. Сан, т. е. западнее Львова [1, Bd. VIII, S. 81—82].

Во время очередной встречи с Шуленбургом 25 сентября Сталин и Молотов вновь отвергли идею «Польского остаточного государства», так как в будущем, по их мнению, это «государство» может помешать отношениям между СССР и Германией [1, Bd. VIII, S. 101]. В ходе переговоров 28 сентября Сталин пытался обосновать свое негативное отношение к идее «остаточного государства». Он заявил, что расчленение областей с чисто польским населением неизбежно вызовет его стремление к национальному единству, что может привести к трениям между СССР и Германией. Поэтому Сталин был готов передать Германии населенные поляками Люблинское и правобережную часть Варшавского воеводств «в обмен» на Литву [1, Bd. VIII, S. 101, 124].

Таким образом, Сталин предоставил Гитлеру «право» самому решать проблему «остаточного государства». В последующие дни сентября и начала октября правители Германии еще несколько раз говорили об этом «государстве». Последнее упоминание содержалось в речи Гитлера в рейхстаге 6 октября. Но уже 12 октября он подписал декрет об управлении оккупированными польскими областями [23], что означало окончательный отказ от идеи «остаточного государства».

Решение германского и советского правительств от 28 сентября о разделе территории Польши вызвало серьезную озабоченность польского народа и польских официальных лиц. Так, польский посол в Париже, по сообщению агентства Гавас, выразил правительству Франции протест, назвав советско-германский договор нарушением прав Польского государства и народа, международных обязательств и человеческой морали [3, S. 225].

Положение польских патриотов усугублялось тем, что существовала советско-германская договоренность о сотрудничестве в борьбе против польской агитации. Это была не формальная декларация; такое сотрудничество военных властей Германии и СССР в польской кампании, как заявил германский военный атташе в Москве генерал Э. Кестринг, было реальностью и протекало на всех уровнях безукоризненно [24]. Для установления сотрудничества между гестапо и органами НКВД в декабре 1939 г. в г. Закопане, т. е. на польской территории, оккупированной Германией, был создан совместный учебный центр [3, S. 274].

Для обсуждения вопроса об установлении линии разграничения германских и советских войск в Польше 19 сентября в Москву прибыла германская военная делегация. С советской стороны в переговорах участвовали Ворошилов и Шапошников. Генерал Гальдер в своем дневнике 20 сентября по этому вопросу записал: «Форман докладывает: Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. Она проходит по р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала — неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат». Было, в частности, установлено, что эвакуация немецких войск будет осуществлена в восемь этапов на протяжении 14 дней и должна быть завершена 4 октября. Между немецкими и советскими войсками был установлен постоянный пространственный интервал в половину дневного перехода [12, с. 126, 127].

После того, как делегации СССР и Германии провели делимитацию границы между «сферами интересов», к середине октября 1939 г. была осуществлена ее демаркация. Таким образом, если раньше граница СССР с Польшей была протяженностью 1446 км, то граница с Германией составила 1952 км, т. е. на 506 км больше — от с. Мариново (южная точка границы СССР с Латвией) до с. Казачувка (северная точка на советско-румынской границе) [25].

21 сентября был подписан секретный протокол, по которому, в част-

ности, немецкое командование обязано было обеспечить сохранность и передачу советским войскам всех оставляемых объектов. Было также согласовано, что «для уничтожения польских банд по пути следования советские и германские войска будут действовать совместно» [3, S. 199].

Сохранив за собой нефтеносный район Львов — Дрогобыч, который был занят германскими войсками еще в первой половине сентября, Сталин обязался поставлять Германии из этого района по 300 тыс. *т* нефти ежегодно [13, S. 75].

Наглядным примером взаимодействия вермахта и Красной Армии в то время может служить договоренность об использовании радиостанции Минска для наведения германских бомбардировщиков на польские города. Нелишне напомнить, что Геринг в знак признательности за боевое взаимодействие в борьбе против общего врага подарил наркому обороны СССР Ворошилову самолет.

В ходе военных действий командиры передовых частей германской и советской армий обменивались офицерами связи. Было также установлено сотрудничество с командованием ВМС Германии на Балтике. В Гродно, Бресте, Пинске и в ряде других городов еще до капитуляции Варшавы состоялись совместные парады (немцы их называли «парадами победы»). Например, в Гродно вместе с германским генералом парад принимал комкор В. И. Чуйков, в Бресте — генерал Г. Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин.

Высказывания высокопоставленных советских политических и военных руководителей свидетельствуют о том, что акции Советского Союза в Польше, а позже в Прибалтике и против Финляндии рассматривались, главным образом, с точки зрения расширения территории, увеличения населения СССР и других военно-стратегических преимуществ. Именно такую концепцию еще на XVIII съезде ВКП(б) сформулировал Мехлис, ссылаясь на мнение Сталина: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то нужно перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик» [26]. На торжественном собрании по случаю годовщины Октября 6 ноября 1939 г. Молотов особо подчеркнул, что после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии население СССР выросло со 170 до 183 млн человек. В июне 1941 г. в проекте директивы Главного управления политпропаганды «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» говорилось: «Весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории». «Эта наступательная политика выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, в разгроме белофинской авантюры» [27, л. 48—49]. При обсуждении проекта на Главном военном совете А. А. Жданов говорил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Война с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики» [27, л. 84].

В свете приведенных фактов неизбежно напрашивается вывод о том, что акция Советского Союза в Польше в рассматриваемое время вытекала из секретных протоколов к договору от 23 августа 1939 г. с Германией, которые позволяли Сталину действовать в великодержавной манере. Это означало, что Сталин и его окружение руководствовались прежде всего имперскими амбициями, чуждыми принципам социализма и ленинской внешней политике.

Как отмечалось в Постановлении Второго съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», Сталин использовал советско-германские договоренности «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обяза-

тельств». Такие обязательства СССР имел также и перед Польшей [15, 1989, 28 XII].

Эта акция являлась нарушением советско-польского договора о ненападении 1932 г., который 17 сентября 1939 г. не должен был утратить силу. Вместе с тем в политическом отношении она имела неоднозначный характер. С одной стороны, воссоединение украинских и белорусских земель приобретало для народов действительно историческое значение. Но с другой стороны, «то, что восстановление справедливости по отношению к Украине и Белоруссии соседствовало с „территориально-политическим переустройством“ в других землях, не смущало Сталина» [15, 1989, 28 XII]. А ведь речь шла о фашистском закабалении 22 млн. поляков, проживавших западнее линии Керзона. Очевидно, что с такой категорией международного права, как мораль, эти действия не имели ничего общего. Принимая активное участие в имперском дележе стран Восточной Европы, Сталин и Молотов нарушили принцип, провозглашенный Советским Союзом о «неделимости мира».

Важное значение для понимания политического курса Сталина и Молотова по отношению к Польше в 1939 г. и методов его осуществления имеет Постановление Второго Съезда народных депутатов СССР. На основе выводов Комиссии съезд постановил:

Первое. Подтвердить, что советско-германские договоренности 1939 г. утратили силу в момент нападения Германии на СССР.

Второе. Указанные договоренности как по методу их составления, так и по содержанию были отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Они являлись нарушением договоров, заключенных с рядом соседних стран, в том числе и Польшей.

Третье. Секретные советско-германские протоколы были актом личной власти Сталина и Молотова и не отражали волю советского народа. Съезд признает эти протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания [15, 1989, 28 XII].

Со времени тех далеких от нас трагических событий прошло более полвека. Фашистская агрессия против Советского Союза сделала народы СССР и Польши союзниками. Солдаты наших армий вместе сражались за свободу и независимость против общего врага. Но некоторые моменты прошлого, по выражению польского писателя В. Журховского, сидели в памяти, как осколок. Мы «прикрыли» его завесой молчания, вместо того, чтобы «прооперировать» и «удалить».

В подобной «операции» путем объективной политической и правовой оценки нуждается и советская военная акция в Польше в сентябре 1939 г. Только таким путем мы претворим в жизнь положения совместной Декларации президентов наших стран, принятой в апреле 1990 г. «Важно довести до конца работу по восстановлению исторической правды о трудных моментах в русско-польских и советско-польских отношениях, — говорится в этом документе, — всемерно способствовать развертыванию конструктивного советско-польского диалога на всех уровнях, с широким участием представителей общественности, науки и культуры» [15, 1990, 15 IV].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D (1937—1945). B. VII—VIII. Baden-Baden, 1956—1961.
2. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. IV. М., 1946.
3. *J. Piekalkiewicz*. Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik. Berisch Gladbach, 1982.
4. Дипломатический словарь. Т. III. М., 1986, с. 273—274.
5. Известия.
6. Международная жизнь, 1989, № 9, с. 92.
7. СССР — Германия, 1939—1941. Документы и материалы. Т. I. Вильнюс, 1989.
8. The Times, 1939, 26 VIII.
9. Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 r. Warszawa, 1987, s. 193.
10. Партийно-политическая работа в боевой обстановке. М., 1940, с. 8, 141.
11. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. I. М., 1961.

12. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. I. М., 1968.
13. *Irving D.* Hitlers Krieg 1939—1942. Die Siege. München — Berlin, 1983.
14. *Большевик*, 1939.
15. *Правда*.
16. *Rawski T., Stapor Z., Zamojski J.* Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Warszawa, 1966, s. 179.
17. *Polski szyn zbrojny w II wojnie światowej. Wojna obronna Polski 1939.* Warszawa, 1979.
18. Архив Главного архивного управления, ф. 4/п, оп. 2, д. 3, л. 62.
19. *Geneza tworzenia Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR i umowy polsko-sowieckiej.* Т. 1. London, 1948, s. 3.
20. *Hilger G.* Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1956, S. 295.
21. Центральный государственный архив, ф. 500, оп. 3, д. 249, л. 173.
22. *Abschagen K.* Canaris. Patriot und Weltbürger. Stuttgart, 1950, S. 209.
23. *Madajczyk Cz.* Polityka III rzeszy w okupowanej Polsce. Т. 1. Warszawa, 1970, s. 54.
24. *Krammacher F. A., Lange H.* Krieg und Frieden. München, 1970, S. 394.
25. Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 33987, оп. 1, д. 1175, л. 37.
26. XVIII съезд ВКП(б), 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 273.
27. Центральный архив Министерства обороны, ф. 32, оп. 11 302, д. 20.

ПАРСАДАНОВА В. С.

К ИСТОРИИ ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СССР СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

Переход Красной Армией 17 сентября 1939 г. советско-польской границы, установленной по мирному договору 1921 г., интернирование части персонала Войска Польского, трагические судьбы офицерства польской армии оказали огромное воздействие на развитие советско-польских отношений в годы второй мировой войны; последствия этих актов в советско-польских межгосударственных связях, в общественных отношениях ощущаются по сей день. Однако история указанных событий во многом пока остается «белым пятном» в историографии. Разговор о части проблемы, ее наиболее трагическом факте, обобщаемом словом «Катынь», происходил на страницах советской печати дважды: в 1943—1944 и в 1951—1952 гг.; затем этот факт в лучшем случае лишь упоминался. Соответствует этому и скудная документальная база: сообщение «комиссии Бурденко» [1], переписка глав трех держав — СССР, США и Великобритании, заявления ТАСС и ноты СССР 1943 г. [2]. Дополняют ее газетные статьи, сопутствовавшие работе «комиссии Бурденко» (см. [3]). На этих материалах основана немногочисленная литература, издававшаяся в СССР и Польше до начала 80-х годов [4].

С середины 80-х годов проблема интернированных польских военнослужащих и «катынское дело» вновь вышли на страницы печати. В СССР они пока полностью находятся в руках публицистов, не располагающих документами или пользующихся материалами из вторых и третьих рук.

В Польше указанные вопросы стали дебатироваться с рубежа 70—80-х годов. Польские публицисты и историки в основу своих работ кладут только «катынский вопрос», а в качестве источниковой базы (как и большинство западных исследователей) — гитлеровское издание 1943 г. [5], ряд документальных и мемуарных материалов, собранных и изданных вне Польши (библиографию см. [6, с. 179—181; 7]). На Западе работ, затрагивающих проблемы, связанные с интернированными, мало. Принадлежат они в основном польским эмигрантам [8].

Среди потока газетных и журнальных статей, часто имеющих целью не столько разобратся в проблеме, сколько использовать ее в политической борьбе против польских коммунистов и Советского Союза, выделяется монография Ч. Мадайчика «Катынская драма» [6] — первое научное исследование проблемы. На основе доступных автору польских и западных материалов написан чрезвычайно взвешенный труд, который констатирует и анализирует данные об исследовании катынских захоронений, воздействие «Катыни» на советско-польские отношения в 1943 г. и отношения внутри антигитлеровской коалиции. Кроме сообщения «комиссии

Парсаданова Валентина Сергеевна — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Бурденко», автор не располагал иными советскими материалами. Половину объема книги Мадайчика составляет публикация документов, найденных в последние годы в польских, германских и английских архивах.

Настоящая статья является попыткой рассмотреть на советских архивных материалах судьбы интернированного в СССР в сентябре 1939 г. персонала польской армии как части более широких проблем — советско-польских отношений в годы второй мировой войны, судеб польских граждан в СССР в 1939—1945 гг.

В Войске Польском в мае 1939 г. было примерно 18,5 тыс. офицеров, в резерве — 60 тыс, в отставке — 12 тыс. [6, s. 9]. В результате разгрома вермахтом почти миллионной польской армии в сентябре — октябре 1939 г. гитлеровские войска взяли в плен примерно 19 тыс. офицеров и 400 тыс. солдат. Часть армии смогла уйти в Румынию, Венгрию, Литву и Латвию, откуда некоторые двинулись далее, в основном во Францию. Часть польских войск сдала оружие Красной Армии.

В сентябре 1939 г. и впоследствии ни СССР, ни польское правительство не считали себя в состоянии войны. Маршал Рыдз-Смиглы, командовавший польской армией, издал приказ: «С Советами не воюем». Боевых действий, кроме некоторого числа столкновений с польскими пограничниками, а также инцидентов в районе Гродно и с бригадой генерала Андерса, действительно не было. Поэтому к персоналу польских войск, отступавших к Западной Украине и Западной Белоруссии или там находившихся, не применимо понятие военнопленные, хотя оно использовалось в печати и попало в документы и наименования учреждений: 19 сентября 1939 г. было создано Управление по делам военнопленных и интернированных (в системе НКВД СССР), хотя вторая часть его наименования постоянно стала употребляться лишь с июня 1940 г.

В сентябре 1940 г. в СССР были опубликованы частично данные о количестве интернированных: около 180 тыс. солдат и около 10 тыс. офицеров [9]. Общее их число установить, очевидно, трудно: многие сразу же были отпущены по домам [10]. В Польской литературе называется общая цифра интернированных в 220—230—250 тыс. [8, s. 34], гитлеровцы доводили ее даже до 300 тыс. [6, s. 141]. (Цифру эту принял и генерал Сикорский.)

Первоначально существовало 138 (согласно Ю. Седлецкому, 150) сборных пунктов для интернированных. Затем были установлены шесть пересыльно-сортировочных лагерей: Путивльский, Старобельский, Осташковский, Оранский, Козельщанский и Козельский, откуда интернированные пересылались в иные лагеря или репатриировались. Всего в лагерях содержались 130 242 военнослужащих польской армии, включая «доставленных» из Прибалтики [11] (если далее к цифрам и фактам нет особой отсылки, то они взяты из этого источника). Лагеря находились в системе НКВД. Их внутренний распорядок регулировался «Положением о лагерях», в основу которого легли Гаагские конвенции. Редакция положения генеральным прокурором А. Я. Вышинским привела к весьма существенным отступлениям от первоначального проекта. В положение не были внесены экономические статьи конвенции и принципы освобождения интернированных.

Подготовлен прием интернированных не был. Организация лагерей, их материальное обеспечение налаживались с трудом: приспособлялись бывшие монастырские здания и дома отдыха, использовались просто городские здания (как в Старобельске), плохо обстояло с питанием. Ограждений долгое время не имелось, результатом чего был побег 1082 человек.

На основании зафиксированного в международных конвенциях о военнопленных и интернированных права использовать рядовых и унтер-офицеров на работах, на строительство шоссе Новгород — Волынский — Львов были отправлены 14 тыс. человек, на рудники и шахты Украины — 10,3 тыс. (Криворожский, Елено-Каракубский, Запорожский и другие лагеря). Этот шаг сулил выгоды НКВД: содержание и охрана интернированных перекладывалась на систему Наркомата тяжелого машиностроения. К тому же НКТМ по договору с НКВД платил последнему за каждую

отработанную человеко-смену не менее 7 руб. Особенно после 29 ноября 1939 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР о гражданстве жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, интернированные могли перейти на положение вольнонаемных, но распространения такая практика не получила.

Процент невыходивших на работы или отказывавшихся от выхода был разным, часто высоким, что обуславливалось плохой организацией труда, отсутствием соответствующей одежды и обуви, а на дорожных работах — необычайно суровой зимой 1939—1940 г. Выход на работы стимулировался установкой различий в нормах питания. Сведения о трудовых усилиях интернированных и их результатах крайне противоречивы. Вероятно, более близки к истине сообщения о том, что лишь 10—15% работавших выполняли нормы и это были украинцы и белорусы, «желавшие закрепиться за данным предприятием». Формально заработная плата должна была соответствовать нормам оплаты труда советских вольнонаемных рабочих, часть ее можно было пересылать семьям. Крайний разброс данных о зарплате (от 20—30 копеек до 400—500 руб. в месяц), постоянные сообщения о нарушениях договора между НКТМ и НКВД делают маловероятной возможность материального достатка и наличия резервов для помощи семьям. К тому же с интернированных вычитали за жилье и питание.

В октябре 1939 г. проходили переговоры между заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным и германским послом Ф. Шуленбургом об обмене населением, интернированными и военнопленными. Поэтому органы НКВД постоянно различали среди интернированных три группы: проживавших на территориях, отошедших к СССР, к Германии и к Литве. Национальность до июля 1941 г. в определении государственной принадлежности роли не играла.

В начале октября, очевидно, состоялось заседание СНК СССР или Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривавшее вопрос о судьбах интернированных, поскольку 3 октября последовала целая серия документов, касавшихся их перемещений по лагерям, организации торговых точек в лагерях, подключения к этому Центросоюза и т. д. (не считая заработной платы, интернированные могли иметь на месяц до 100 руб. на собственные расходы, остальное, кроме зарплат, надлежало сдавать на хранение в сберкассу; не работавшим вне лагеря в месяц выдавалось 20 руб.).

В тот же день, 3 октября, последовало указание наркома внутренних дел Берии о подготовке к 8 октября 1939 г. документов и формировании команд в соответствии с прежним постоянным местом жительства интернированных для передачи их германским властям. 16 октября состоялось соответствующее решение СНК СССР об обмене военнопленными и интернированными. Были установлены пункты передачи — один в Белоруссии и два на Украине. Однако германская сторона тянула с передачей. Комбриг Ватутин сообщал, что во Львове (для передачи через Перемышль) немецкие представители приехали только 29 октября 1939 г. (эшелоны подвозили органы НКВД, а передавали представители Наркомата обороны, поскольку по международным правилам интернированные должны были находиться в их ведении). Передача и обмен происходили в течение октября — ноября 1939 г.

Когда началась отправка интернированных по месту жительства, многие отказывались ехать на оккупированные фашистами территории. В октябре 1939 г. было дано указание, что жители «германской территории» «при всех условиях должны быть вывезены», «затягивать отправку нет никаких оснований». Однако в октябре начальник управления по делам военнопленных капитан П. Сопруненко разрешил, чтобы отказавшиеся из Путивльского лагеря были переданы областным управлениям НКВД для расселения и трудоустройства. В начале ноября 1939 г. последовало указание начальнику Козельского лагеря Королеву о том, что управление нежелание ехать к постоянному месту жительства считает необоснованным, поэтому необходимо «объяснить» и «направить» (Козельский лагерь в этот период менял свой характер). Как видим, единства и последовательности в указаниях не было. А отказы выезжать из СССР продолжались. Протес-

ты заявлялись вплоть до станций обмена. Обычно подобные желания удовлетворялись.

Транспорты из Осташкова на запад отправлялись, например, 17, 23, 24 октября 1939 г. Германия принимала только военных, «если они жили в немецкой сфере влияния». В документах Козельского лагеря есть указание, что отправленные с одним из транспортов 30 беженцев гитлеровцы не приняли в Бресте и они были возвращены обратно в лагерь (эшелон 26 октября 1939 г.).

В эшелонах направляли рядовых, но были и офицеры. Среди переданных находились 562 инвалида и лиц, в том числе немецкой национальности, за которых ходатайствовало германское посольство. Всего на территорию этнической Польши были репатриированы более 42 400 человек, советской стороне переданы 24,6 тыс. постоянных жителей западноукраинских и западнобелорусских земель через Брест и 13 тыс. через пункты передачи на территории УССР.

Однако принцип отправки «на родину» последовательно не выполнялся, во всяком случае относительно тех, кто попал на работы вне распределительных лагерей. В частности, было дано указание не отпускать людей со строительства шоссе на Львов до завершения его первой очереди (т. е. до декабря 1939 г.), но их не отпустили и после этого срока, что вызывало массовое недовольство, побег (бежало 1,4 тыс. человек), самовольные отлучки домой и т. д. Попытка привлечь к «наведению порядка» прокурора города Луцка не привела к успеху. Прокурор считал, что в самовольных уходах нет состава преступления и руководство строительством не имеет права задерживать советских граждан как военнопленных.

Об итогах роспуска по домам свидетельствуют и данные по Криворожскому лагерю. На 23 марта 1940 г. там остались 6 742 человека, из них ранее проживавших на западноукраинских и западнобелорусских землях — 4 708, в Литве — 347, на территории этнической Польши — 1 691 человек. 22 ноября 1939 г. П. Сопруненко передал в Кривой Рог, что жители этнической Польши «будут находиться продолжительное время на работах» и их можно вербовать на постоянную работу также, как украинцев и белорусов.

19 ноября 1939 г. после массовых вывозов за границу и роспуска по домам последовал приказ Берии о сосредоточении (оставшихся, оставленных или непринятых?) офицеров в трех лагерях — Старобельском, Осташковском и Козельском, что в принципе не противоречило международным конвенциям и принятой практике.

В Старобельске Ворошиловградской области в бывшем монастыре и некоторых зданиях, где проживали генералы и полковники, на 14 октября находились 7 045 человек: 4 813 рядовых, 2 232 офицера, из них шесть генералов. Контингент офицеров в итоге увеличился, их стало 3 974 человека, рядовой состав в основном был вывезен. В Старобельском лагере наиболее активно и организованно требовали от советских властей выполнения международных конвенций о военнопленных и интернированных, о медицинских работниках (в плане режима и освобождения), в Козельском же лагере — соблюдения экономических условий содержания.

Осташковский лагерь, расположенный на Селигере, на острове Столбное, функционировал с 28 сентября 1939 г. На 10 октября 1939 г. в Ниловой пустыни находилось 184 офицера, 6 938 рядовых «из советских воеводств» и 1 913 из этнической Польши, 92 помещика, 14 женщин — всего 9 143 человека. Лагерь не отвечал даже нормам НКВД: 728 человек не имели спальных мест. Взамен убывших «на родину» прибыли новые интернированные из Вологодского, Путивльского, Оранского (станция Шониха Казанской железной дороги) и Козельского лагерей. Здесь собрали чинов полиции, жандармерии, корпуса пограничной охраны, осадников и т. д. Осташковский лагерь отличался и тем, что туда отправляли строптивых и «провинившихся» интернированных. В ноябре из Осташкова для передачи германским властям был отправлен эшелон из полицейских резерва и гражданских лиц (кадровых полицейских отправлять было запрещено). На 1 декабря 1939 г. в лагере насчитывалось 5 963 человека,

в том числе кадровых полицейских — 5 033, тюремщиков — 150, чинов пограничной охраны — 41, офицеров — 268, солдат и унтер-офицеров — 127, полицейских запаса — 169, штатских — 105; из них из этнической Польши — 3 848 человек, из западных областей — 1 919, из Виленщины — 196.

В истории расположенного в 5 км от города Козельска, тогда Смоленской области, Козельского лагеря документы дают возможность проследить три различных этапа. До 1 ноября 1939 г. Козельск-1 был лагерем смешанного типа (на 3 октября 1939 г. 8 843 человека), с пестрым национальным составом. Примерно 6,2 тыс. человек содержалась в основном лагере и 2,6 тыс. в «филиале» в Оптиной пустыни. Среди них были только 170 офицеров, 347 помещиков и 231 беженец. После отправки эшелонов на Запад в лагерь начали свозить офицеров, в том числе из Шепетовского лагеря. 1 ноября 1939 г. пришел эшелон в 2 тыс. человек, 3 ноября — 1,5 тыс. В начале 1940 г. в лагере находились 4 727 человек, в том числе 6 женщины (адмиралов — 1, генералов — 4, полковников — 24, подполковников — 79, майоров — 258, капитанов — 654, капитанов морского флота — 17, низших офицеров — 3 420, представителей военного духовенства — 7, помещиков — 3, князь Святополк-Мирский, крупных государственных чиновников — 43, рядовых, «подлежащих отправке» — 85, беженцев — 131). У многих вновь прибывших не было зимней одежды.

В новых условиях, создавшихся после репатриации и роспуска по домам, руководством управления считало, что необходимы дальнейшие действия в этом же направлении. В частности, начальник первого отдела управления Тишков после командировки в Осташков считал, что необходимо отпустить офицеров запаса («трудовую интеллигенцию») и студентов после индивидуальных бесед с ними. При этом лиц, заявивших о принадлежности к Компартии Польши и к польскому комсомолу, следует особо тщательно проверить. Тишков предлагал отпустить и полицейских запаса («представителей рабочего класса и крестьян») и т. д.

Освобождение большинства рядовых и отправка их на родину вызвали усиление требований офицерского состава об освобождении, определении их правового статуса и отношения к ним в соответствии с этим статусом. В ответ на требования офицеров-врачей в соответствии с Женевской конвенцией освободить их или направить в нейтральную страну, 1 декабря 1939 г. последовал ответ, что вопрос об офицерах будет решен одновременно с вопросом о других военнопленных на общих основаниях.

31 декабря 1939 г. Берия отдал распоряжение о командировании в Старобельский, Козельский и Осташковский офицерские лагеря специальных групп, в основном следователей, под руководством высоких чинов управления для проверки состояния учета, в том числе заполнения персональных анкет. Для Осташковского лагеря было необходимо подготовить дела для особого совещания при НКВД. С этого момента все распоряжения Берии и все документы сразу относились ко всем трем лагерям. Сами же личные дела изучить невозможно — они уничтожены.

Руководство управления считало, что для дальнейшей разгрузки лагерей необходимо отпустить всех лиц старше 60 лет, всех больных, всех офицеров запаса, являвшихся в мирной жизни агрономами, врачами, учителями, инженерами и техниками. На судей, прокуроров, офицеров 2-го отдела Генштаба, членов ряда военизированных санационных организаций и т. д. надлежало оформить дела для рассмотрения в особом совещании при НКВД. Именно с таким предложением обратились к Берии Сопруненко и комиссар управления Нехорошев. На их донесении от 20 февраля 1940 г. Берия наложил резолюцию: «Г. Меркулов (заместитель Берии. — В. П.), переговорите со мной». После беседы Сопруненко получил какое-то иное указание, в чем расписался. Плодом этого указания явились «контрольные справки» от 3 марта 1940 г. по трем офицерским лагерям с полным перечнем по родам войск, чинам, состоянию в кадрах, запаса или отставке.

В 1940 г. прошла серия индивидуальных освобождений из лагерей по личным (родных) и общественным (сельсоветов, организаций и т. д.) об-

ращениям, в основном интеллигенции Львова и Вильнюса, но характерным это явление стало для второй половины года, когда «польская проблема» в СССР выкристаллизовалась в иной ипостаси. Вся эта группа составляла 683 человека.

Опубликованные в книге Ч. Мадайчика немецкие документы говорят (чаще намекают), что в начале 1940 г. между СССР и Германией вновь шли переговоры о дальнейшем обмене интернированными, военнопленными и т. д. В марте 1940 г., в частности и по этому вопросу, состоялась встреча на высоком уровне представителей НКВД и гестапо, проходившая в Кракове и Закопане. Имеющиеся в польской литературе версии о ее характере и итогах прямо противоположны, ни одна не подкреплена документами. То утверждается, что на встрече СССР отказался принять около 50 тыс. жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, то уверяют, что именно Германия не пожелала принять польских офицеров, что повлияло на их судьбы. Именно таково было и мнение второго премьер-министра польского эмигрантского правительства С. Миколайчика [6, с. 31, 97].

Недоступность документов, касающихся советско-германских переговоров относительно польских проблем, не дает возможности осветить рассматриваемые вопросы с этой точки зрения. Тем не менее к какому-то соглашению стороны пришли. С середины апреля до 5 июня 1940 г. шло переселение беженцев и немцев, «как последней возможности переселиться». Мы не знаем даты указанного выше совещания и поэтому не можем сопоставить последовательность событий: совещания и действий, происходивших в новых советских областях (вторая волна депортации) и в лагерях интернированных [12]. По документам, а более событиям, можно судить, что в марте «в верхах» СССР решался вопрос о дальнейшем существовании лагерей. Конкретно об этом говорится в сообщении из Кривого Рога от 26 марта 1940 г. В этот период в Кривом Роге, Еленовке, Держинске-Руде стали готовиться к полной эвакуации лагерей. В ходе очередной проверки наличного состава этих лагерей были — по так называемым законам классовой борьбы — отделены полицейские, тюремщики, активные члены антисоветских политических партий, чиновники, осадники и т. п. Младший начальствующий состав был изолирован от других. Были проверены беженцы. В принципе их надлежало передавать управлениям НКВД по областям для расселения и трудоустройства. На практике это вылилось в третью волну депортации в Казахстан, на Алтай и т. д.

Документами отмечается отправка интернированных из лагерей по двум направлениям. Первое — северные районы СССР, второе — к новым границам СССР на военное и дорожное строительство, строительство аэродромов и укреплений. По приказу Меркулова эшелоны шли в Ровно, Львов (Грудки). Туда отправляли и тех, кто в просьбах об освобождении из лагерей заявлял о своей приверженности социализму, желании служить новой социалистической родине, «чтобы они делом доказали свои слова». По этим же адресам были увезены узники лагерей Криворожья.

Как сообщается в справке о судьбах 130 тыс. интернированных поляков, оказавшиеся во Львовском лагере 1834 человека погибли во время эвакуации в результате бомбежки эшелона немецкой авиацией.

Эти действия затронули и офицерские лагеря. Из Козельска-2 первый эшелон вышел 3 апреля 1940 г., из Старобельска — 5 апреля. Комиссар Старобельского лагеря знал, что эшелоны следуют на Харьков. Комиссар Козельского лагеря, старший политрук Алексеев сообщал, что интернированные знали, что их везут в Смоленск. О направлении их в Смоленск сказал узникам и сопровождавший эшелоны политрук Федоров, за что подвергся суровому наказанию. Многие стремились сами попасть в первые эшелоны, считая, что их отправляют на родину. Польские старосты лагеря приказывали отъезжавшим писать на стенках вагонов конечный пункт маршрутов. Обнаруженные надписи администрация тщательно смывала. Часть интернированных перевозили и переводили в другие лагеря, в основном в Юхновский (бывший дом отдыха «Павлищев Бор»), затем в Грязовец. История с переводом денег Ф. В. Лянгерту от

его жены из Луцка доказывает, что «военнопленных в это время (2—5 мая 1940 г.— В. П.) в (Козельском.— В. П.) лагере не было», о чем свидетельствовали начальник управления и начальник лагеря в документе 1941 г. Но еще ранее, в мае 1940 г. Сопруненко сообщал наркому, что к 20 мая все лагеря были вывезены. Документов, описывающих ход эвакуации Осташковского лагеря, автор пока не обнаружил, но известно, что оттуда «убыли» 6 : 87 человек, остались 112 из Козельска — соответственно 4 404 и 205, из Старобельска — 3 896 и 78 человек.

Это были поляки, украинцы, белорусы, русские, немцы, представители других национальностей. По закону от 29 ноября 1939 г. о гражданстве из 8 980 офицеров польской армии 4,5 тыс. являлись гражданами СССР, ибо ранее постоянно проживали на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Примерно такое же соотношение было и по иным категориям интернированных.

Справка об «убытии» интернированных за подписью начальника управления с характерной датой «3 декабря 1941 г.» (день переговоров Сталина с Сикорским) при подсчете ее отдельных пунктов не сходится с общей цифрой 130 242 человека, что заметил один из адресатов справки. Итоговая справка 1945 г., составленная после окончания второй мировой войны почти сбалансировала цифры, прибавив к 14,5 тыс. графы «убывших», «переданных через первый отдел в распоряжение УНКВД областей, в которых расположены лагеря», т. е. еще несколько сот человек. Ч. Мадайтчик привел расчеты, согласно которым в группе оставшихся должно быть 448 человек [6, с. 23].

В феврале — марте 1940 г. германское посольство начало искать военных и гражданских беженцев немецкого происхождения. 23 августа 1940 г. заместителю наркома иностранных дел В. Г. Деканозову был передан меморандум с просьбой об освобождении «находящихся в советском плену этнических немцев». По этому поводу направлялись также различные ноты, списки. Советские органы долго молчали. С октября 1940 г. они стали отвечать относительно 1 200 выявленных и нескольких сот еще «не распознанных» лиц, что «неизвестно место их нахождения», «не получили еще ответа», это «не этнические немцы» и т. д., т. е. выработан был тот набор ответов, которые получали в 1941—1943 гг., да и позже, польские представители в Москве и Куйбышеве. Только 90 человек прибыли «в Германию или генерал-губернаторство»¹.

Знали ли комиссары лагерей будущую судьбу своих подопечных, для которых добывали новинки кинопроката, покупали настольные игры, художественную литературу на польском языке и учебники иностранных языков, организовывали самодеятельный струнный оркестр, сетуя, что не хватает скрипок и виолончелей? Хочется верить, что не знали. Иначе тон и характер их реляций о ходе эвакуации лагерей заставляет думать, что мир — чудовищная фантазмагория...

В 1943 г. было обнародовано обнаружение в Катынском лесу захоронений узников Козельского лагеря. Автор пока не нашел в документах объяснения этому античеловеческому акту, совершенному сталинским режимом...

Операция по вывозу трех лагерей по времени совпала со второй депортацией из западноукраинских и западнобелорусских земель. Но была ли она с ней связана? Имела ли она отношение к международным событиям? Апрель 1940 г. был этапным для второй мировой войны. Кончилась «странная война». С 9 апреля 1940 г. фашистская Германия покорила Данию, Норвегию, 15 мая капитулировала Голландия, а к концу «операции по лагерям» — Бельгия (28 мая) и Франция (22 июня). Выявлялись трудности в отношениях с Германией. Фашисты начали подготовку к войне против СССР. Советский Союз лихорадочно — в том числе и с помощью интернированных — строил укрепления на западных границах. Менялись советские внешние политические ориентиры. Происходила,

¹ Немцы по происхождению содержались в Козельске, Павлицевом Бору и Грязце [6, с. 131—135].

если не формальная, то фактическая, оттепель в отношениях с Великобританией, была сделана попытка советско-польского сближения². Или в СССР имелись силы, которым не нравилась такая перспектива развития событий и надо было ее навсегда ликвидировать? Или прав С. Миколайчик, и здесь как-то замешана гитлеровская Германия?

Но факт остается фактом: советский репрессивный режим совершил преступление, поправшее нормы международного права, гуманности, нравственности и человечности.

Управление по делам военнопленных и интернированных донесло «на верх», что к 20 мая лагеря освобождены, 9 июня 1940 г. было доложено, что они готовы к приему новых контингентов. Действительно, на территорию страны через два пограничных пункта на советско-литовской границе еще в ноябре 1939 г. были пропущены жители новых западных областей СССР, пожелавшие вернуться. Рекомендовалось проследить, прибыли ли они к месту проживания, в противном случае объявить розыск. Затем в 1940 г. по согласованию с правительствами Литвы и Латвии под прикрытием регистрации интернированных там граждан Польши, в СССР были вывезены чины польской армии. Рядовых распустили по домам, а офицеров и полицейских отправили соответственно в Козельск и Осташков. С июня 1940 г. началась история Козельска-3. В итоге к 1941 г. Козельск стал интернациональным лагерем для интернированных. В нем содержались поляки (в том числе 917 польских офицеров), французы, бельгийцы.

Но новая «польская политика» в СССР продолжала пробивать себе дорогу. Подчеркнутое внимание проявлялось к развитию польской культуры, языка, литературы. Общегосударственный размах был придан празднованию юбилея Адама Мицкевича, изменилось отношение к польским коммунистам.

В октябре 1940 г. из центра последовали приказы в Козельск и Грязовец о доставке к 9—10 октября группы офицеров Войска Польского, в том числе Л. Букоемского, Р. Имаха, З. Берлинга и других в Москву. В Малаховке и Баковке под Москвой, а затем и в самой Москве они начали разрабатывать планы и штаты для формирования в СССР польских национальных воинских формирований. Сразу же встала проблема офицерского корпуса. По воспоминаниям Е. Горчинского, на вопрос об офицерах Старобельска и Козельска (в разговоре вызванных офицеров с наркомом внутренних дел) Берия ответил, что офицеров немного, «мы сделали крупную ошибку, отдав большинство их немцам». По версии, приведенной в воспоминаниях З. Берлинга (будущего командующего Первой польской армией в СССР), ответ звучал так: «Ничего из этого не выйдет. Этих людей нет в Советском Союзе». «Мы совершили с ними большую ошибку», — прибавил Меркулов, участвовавший в беседе [6, с. 63].

Проблема польских офицеров вновь возникла с началом Великой Отечественной войны, с восстановлением официальных отношений между правительством СССР и правительством генерала Сикорского. В соответствии с достигнутой договоренностью, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. все польские граждане, содержащиеся в заключении на советской территории в качестве ли военно-

² В начале июня 1940 г. Сикорский направил в английское министерство иностранных дел, а 19 июня 1940 г. подтвердил меморандум относительно упорядочения польско-советских отношений. Он объявил о готовности от имени польского правительства заявить о разрыве с политикой санации, направленной на расчленение Советского Союза. Соглашался он и на определенные территориальные изменения в этнических белорусских и украинских землях вдоль советско-польской границы в «обмен» на изменение отношения советского правительства к польскому населению той части Польши, которая находится «под советской оккупацией». Польское правительство в борьбе против Германии соглашалось на проход советских войск через польские земли, оккупированные Германией, и на сотрудничество с советским правительством в создании новой польской армии из польского населения для борьбы с Германией как общим врагом [13]. Позиция Сикорского вызвала резкое сопотворление правых и реакционных сил в эмиграции, кризис правительства и отзыв меморандума, но не отказ Сикорского от налаживания советско-польских отношений.

пленных или на других достаточных основаниях, подлежали амнистии. Интернированные (и депортированные) становились свободными людьми. Но... советское правительство соглашалось считать среди депортированных бывшими польскими гражданами только поляков по национальности. Кроме того, по сообщению Молотова (для передачи Сикорскому), в СССР никогда не было 300 тыс. военнопленных. Советское правительство считало, что к июлю 1941 г. в лагерях оставалось еще около 20 тыс. интернированных польских граждан. Сосредоточили их в лагерях Старобельском, Южском, Суздальском и Грязовецком, в который после начала войны был эвакуирован третий Козельский лагерь (в эти три лагеря вернули интернированных, находившихся на работах в Севжелдорлаге, Поное, на Украине).

Грязовецкий лагерь, разделившийся на «националистов» и «красных», по-разному прореагировал на начало Великой Отечественной войны. Часть офицерства (Берлинг, Имах и др.) подала заявления о разрешении участвовать в борьбе против гитлеровцев. Из Грязовецкого лагеря вышли М. Арчишевский («Сидорович») и другие, переброшенные в 1941 г. с рациями в тыл немецко-фашистских войск (см. [14]). Большинство интернированных вступили в армию, которую по соглашению от 14 августа органы польского эмигрантского правительства начали формировать в СССР. Возглавил армию генерал В. Андерс, ранее находившийся в советской тюрьме.

Советское правительство не хотело вносить осложнения в только что восстановленные отношения и предложило всем, изъявившим желание бороться против фашизма в составе национальных формирований, в том числе и создававшихся польскими коммунистами, вступить в армию Андерса. Из лагерей интернированных смешанные советско-польские призывные комиссии призвали в армию 25 115 человек. Более 1 тыс. были признаны непригодными для строевой службы, иные сами отказались вступать в польскую армию. Вскоре армия стала расти за счет депортированных (их вывезли с Западной Украины и из Западной Белоруссии 1 173 тыс. человек, но освободили по национальному признаку только 389 тыс. человек; под следствием находилось и отбывали наказания 120 тыс. человек из этого же региона). В результате численность армии вскоре превысила намеченные цифры. В ее составе было 1,8 тыс. офицеров.

На состоявшихся 3—4 декабря 1941 г. переговорах между Сталиным и Сикорским польский премьер поставил вопросы о помощи полякам в СССР и о дальнейшем развитии армии. Сикорский передал Сталину список офицеров, находившихся в СССР и необходимых для расширения армии до 96 тыс. человек, но в ответ услышал: «Все освобождены!» (хотя 195 человек не были выпущены до конца 1945 г.; кроме того отметим, что 396 человек умерли во время нахождения в лагерях). Польская сторона продолжала настаивать на полном выполнении указа от 12 августа 1941 г. В ответ следовали не только отработанные в 1940 г. заявления, но и фантастические объяснения отсутствия офицеров.

Проблема офицеров и их призыва в армию, связанная с вопросом о гражданстве, а фактически с территориальным вопросом, принципами формирования и использования армии, стала одной из острых в советско-польских отношениях. Наряду с другими причинами это привело в конце августа 1942 г. к уходу с территории СССР на Ближний Восток польской армии (76 тыс. военнослужащих и 43,7 тыс. членов их семей). В их числе были и 25 тыс. интернированных, которые ранее находились в лагерях.

Советско-польские отношения переживали кризис. Судьбы польских офицеров, вернее, возникшие вокруг них политико-дипломатические акции, стали поводом для прерывания отношений между советским и польским правительствами в апреле 1943 г. Толчком послужило обнародование гитлеровцами известного им еще с лета 1942 г. факта обнаружения могил узников Козельского лагеря в Катынском лесу под Смоленском.

«Катынское дело», однако, особая многоплановая тема, которая почти отделилась от трагических судеб интернированных офицеров Козельского лагеря. Катынские могилы неоднозначны и неоднонациональны,

как их до сего дня хотят представить те, кто заинтересован в раздоре между польским народом и народами Советского Союза, кто отождествляет преступления сталинского режима с позицией советского народа — его жертвы. Но для нравственного очищения необходимо до конца выяснить правду о советских и польских гражданах, уничтоженных в Катynie и иных местах, и правду о политическом использовании «Катynie». А это проблемы не идентичные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. М., 1944.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973; Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. М., 1957.
3. Известия, 1944, I; Правда, 1944. I.
4. Prawda o Katyniu. М., 1944; Zbrodnia hitlerowska w Katyniu.— Zbiór dokumentów, 1952, № 5; *Wojczycki B.* Prawda o Katyniu. Warszawa, 1952; Военно-исторический журнал, 1982, № 2.
5. Amtliches Material zum Wassenmord von Katyn. Berlin, 1943.
6. *Madajczyk Cz.* Dramat Katyński. Warszawa, 1989.
7. Deportacje i przemiesz czenia ludności polskiej w głąb ZSRR, 1939—1945. Warszawa, 1988.
8. *Siedlecki J.* Losy polaków a ZSRR w latach 1939—1986. London, 1987.
9. Красная Звезда, 1940, 17 IX.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. I. М., 1961, с. 249.
11. Центральный Государственный особый архив. Коллекция документов.
12. *Парсаданова В. С.* Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941.— Новая и новейшая история, 1989, № 2.
13. Sprawa polska na arenie międzynarodowej w czasie drugiej wojny światowej. Warszawa, 1965, s. 169—170.
14. *Nazarewicz R.* Razem na tajnym froncie. Warszawa, 1983.

ФРАНЦИСК СКОРИНА В ПОЛЬСКОЙ НАУКЕ

Сложилось так, что первый белорусский первопечатник не был широко известен в Речи Посполитой XVI в. В публикациях того времени его упомянул лишь Ш. Будный в своем переводе на польский язык Нового завета (Лоск, 1574), в примечаниях на полях, где он ссылается на отдельные изданные Скориной книги. Кроме того, Будный упоминает Библию Скорины в трактате «Об основных положениях христианской веры» (Лоск, 1676) (см. [1]).

Более существенным было упоминание об изданиях Скорины в трактате XVII в. А. Селявы «Антеленхий, или ответ на язвительное писание законников церкви, отступившей от Святого Духа, именуемое Еленхист» [2]. Автор, ставший позднее униатским митрополитом, отвечает в нем на упреки со стороны православных публицистов в том, что униаты, одобряя западную католическую литературу, подрывают правоту сторонников восточной церкви: «не вы ли сами по сути и на деле позволяете (...) своим людям отравляться учением иноверцев? Еще давно, при предках наших, нам подобных, Русь была сильно отравлена. До унии был Скорина, охваченный ересью гусит, который вам по-русски печатал книги в Праге. Их принимали с благодарностью, достаточно было того, что он звался русином из Полоцка, как он подписался. Наслаждались его книгами, говорили: достойный человек и русин, наш брат, их печатал» (цит. по: [3])¹.

Таким образом, мы видим, что в начале XVII в. некоторые белорусские иерархи считали Скорину еретиком-гуситом и что книги его пользовались успехом у низших чинов белорусского духовенства. Видимо, Селява, хоть и с неудовольствием, цитирует здесь их подлинные высказывания.

Первый польский историк литературы Ш. Старовольский, автор «Сотни польских писателей» (1625), упоминает (в связи с переводческой деятельностью Яна из Глогова), что видел в Москве и вообще на Руси много изданных в Праге книг в переводах на славянский язык доктора Франциска Скорины [4].

В XVIII в. в Польше совершенно забыли о Скорине. О нем вновь стали писать лишь начиная с 1815 г. под влиянием русских и чешских работ. Первым отвел значительное место (20 страниц) «нашему знаменитому соотечественнику» С. Б. Линде в своей обширной рецензии на «Опыт российской библиографии» (1813) В. Сопикова [5]. Линде обращался также к работам Й. Добровского, чешского «открывателя» Скорины, получил от него последний лист скоринского «Акафиста» [6].

Известный польский библиограф Е. С. Бандтке, опираясь на Й. Добровского, тогда же отмечал, что белорусский издатель переводил Библию

Селицкий Франтишек — профессор Вроцлавского университета.

¹ К сожалению, в оссолинском экземпляре «Антеленхия» отсутствует эта страница.

лию с латинского перевода Св. Иеронима «на русский, распространенный в области Полоцка, диалект» [7, t. 1, s. 124—125]. Ссылаясь на «Библиографию» В. Сопикова, Бандтке подчеркивал, что издания Скорины были первыми в Вильно; среди них он упомянул «Апостола», «Псалтырь» и «Катехизис» [7, t. 2, s. 257—259] (неизвестно, что конкретно он имел в виду, приводя последнее название).

Третий выдающийся тогдашний библиограф И. Лелевель привел свидетельство Ш. Старовольского о распространении книг Скорины «в русском государстве и в Малой Руси» (видимо, название Украины уже было запрещено царской цензурой) и перечислил 16 его книг, ссылаясь на В. Сопикова [8]. Позднее Лелевель опубликовал репродукции орнаментов и букв скорининского «Апостола» (1525) и «Пятикнижия» (1519) [9], тем самым отнес эти издания к высочайшим достижениям книгоиздательства Речи Посполитой.

С этого времени Скорина прочно входит в польские библиографические (см., например, [10]) и исторические (см., например, [11—13]) работы XIX в. Заслуживает внимания и работа А. Йохера, поместившего описание «Русской Библии» Скорины (со ссылками на В. Сопикова, П. Строева и П. Кешпена) и опиравшегося, главным образом, на упомянутую статью Линде, из которой цитируются фрагменты скорининских предисловий и послесловий, а также приводившегося высказывания Й. Добровского о белорусском первопечатнике [14].

Постепенно обогащались и знания о жизни Скорины: Ю. Мучковский опубликовал документы о присвоении в 1506 г. «Франциску из Полоцка, литвину» степени бакалавра [15]; М. Вишневский обобщил все то, что до сих пор было известно о Скорине, приводя сведения о том, что Скорина в 1517 г. начал издавать в Праге «белорусские переводы Св. Писания» и что оттуда он перевез кириллический шрифт в Вильно, где продолжал свою издательскую деятельность [16]. Вишневский ошибочно утверждает здесь, что Скорина в Краковской Академии получил степень доктора медицины и свободных наук. Остальные сведения он приводит вслед за Линде, П. Строевым, Й. Добровским (о том, что Зыгмунт I склонил Скорину к переводу Библии, а в 1519 г., когда чехи «вырвались из-под польской опеки», белорусский печатник вернулся в страну, и др.). Вишневский сообщал также о местах нахождения книг Скорины (библиотека Дзялыньских в Курнике, Оссолинских во Львове). Эта обширная глава в популярном учебнике Вишневского стала с тех пор основным источником знания о белорусском печатнике.

В. А. Мацевский год спустя писал о Скорине: «Этот человек, до сих пор скрытый мраком тайны, был мастером лекарского искусства». В отличие от Вишневского, считавшего Скорину православным, Мацевский, судя по имени, видит в нем католика и добавляет: «Но что его заставило оказать услугу русскому языку, неизвестно». Мацевский разделяет предположение Добровского, что его к этому склонил Зыгмунт I [17].

Ф. М. Собецаньский, автор энциклопедической статьи о Скорине, скомпилировал данные Линде, Вишневского, Мацевского и Добровского, добавив новую биографическую деталь, заимствованную у словенского слависта Б. Копитара (1839), о встрече Скорины с Мартином Лютером в Виттенберге в 1525 г. Относительно гравюр в 16 известных изданиях Скорины автор, вслед за Линде полагает, что они были выполнены в Нюрнберге. Факт существования лишь небольшого числа экземпляров скоринских изданий Собецаньский объясняет тем, что русские их уничтожали, поскольку они исходили от приверженца римско-католической церкви [18].

Взгляды польских ученых середины XIX в. на Скорину выразил А. Г. Киркор: «Католики-русины нуждались в своей католической Библии. Эту потребность удовлетворил Скорина (...) Он стал переводить с латинской Вульгаты, а не с греческого или старославянского, как утверждают некоторые, что уже свидетельствует о том, что он был католиком (...) Странными порой бывают судьбы человека, когда он идет своим путем, не угождая той или другой партии (...) Так случилось и

со Скориной. При жизни его терзали, бесчестили, даже привлекали к суду, а после смерти используют его, и труды этого достойного человека каждая из партий присваивает себе и толкует в свою пользу» [19, s. 27—28].

Неясно, о каких партиях пишет Киркор. Мы предполагаем, что речь идет о православных и католиках, в основном — о русских и поляках. Киркор упрекал русского националиста К. Ф. Калайдовича в том, что «он хотел бы, если бы только мог, публиковать лишь то, что доказывало бы, что в Литве от сотворения мира все дышало одним православием» [19, s. 35]. По спорному в то время вопросу о склонности Скорины к лютеранству Киркор писал: «Скорине, человеку для своего времени глубоко образованному, было любопытно познакомиться с Мартином Лютером (...) Лютер хотел его привлечь к себе и обратить в свою веру. Но Скорина остался верным католиком и не дал себя свернуть с избранного пути. Отсюда пошло преследование, его подозревали в том, что он хотел убрать Лютера с этого света, на него нападали и чуть не сожгли на костре» [19, s. 28].

Здесь Киркор использовал данные, установленные упомянутым Б. Копитаром (см. [20]). Он писал и о преследованиях Скорины со стороны православных и о защите его королем Зыгмунтом Старым [19, s. 28—29]. Но Киркор и его современники все еще слишком мало знали биографию Скорины. Это видно и по заметке о нем в «Словаре польских врачей» (Варшава, 1888) Ст. Косьминского, который по-прежнему считает, что Скорина получил медицинское образование в Кракове и не знает о присуждении ему степени доктора медицины в Падуе, черпая свою информацию у Вишневого [21]. Но число новых сведений росло, главным образом благодаря работам русских и украинских ученых. В библиографии Л. Финкеля приведены работы о Скорине Я. Головацкого, А. Соболевского, А. Пыпина и других [22], среди них и наиболее серьезная для того времени монография П. Владимирова [23]. В 1892 г. Ст. Виндакевич опубликовал данные из актов падуанского университета о присуждении Скорине степени доктора медицинских наук [24].

Упоминание о Скорине в энциклопедической статье «Белорусская литература и библиография» А. Ельского сопровождалось информацией о его изданиях преимущественно на основе данных Йохера и Вишневого (даты издания «Псалтыри» и «Акафистов» приведены неточно) [25, s. 646—647]. Сведения о Скорине были помещены и в статье А. Крыньского «Священное Писание на белорусском и малорусском языке», где давался обзор противоречивых суждений Я. Первольфа, П. Владимирова и А. Соболевского относительно языка и источников его переводов [25, s. 706]. Информации о Скорине в последующих энциклопедиях не содержали новых элементов (см. [26]).

В монографии Л. Абрамовича времен Второй Республики [27] Скорине отводилась особая глава, где он оценивался как незаурядный деятель культуры гуманистического типа. Дав обзор существующей литературы, посвященной Скорине, автор поправил ошибки, содержащиеся в работах Крашевского и Вишневого, поместил биографию печатника, цитируя отрывки из его предисловий и послесловий к библейским книгам, описал отдельные издания, в частности, последнюю позицию, названную «Малая подорожная книжица». По мнению Абрамовича, в Праге Скорина сам не занимался печатной деятельностью, ибо в послесловии к первым трем изданиям он писал: «казал есми тиснути». Также и в послесловии к книге Эсфири он отметил: «выложена працею и вытиснена повелением Скорины». В свою очередь, в виленских изданиях нет указаний на руководящую роль Скорины, напротив, он сообщает здесь в одном из послесловий, что книга «выложена и вытиснена працею и великою пильностию доктора Франциска Скорины».

В этой связи автор считал, что в Вильно Скорина лично стоял у печатного станка, поскольку привлечение печатника из Праги повлекло бы за собой большие расходы, а он сам уже приобрел в Праге необходимое умение, наблюдая там за своими изданиями. Сравнение виленских и пражских изданий Абрамович производил, опираясь на данные П. Вла-

димирова, и соглашался с тем, что виленские находятся на более высоком уровне, отличаются изысканным и старательным исполнением. Он допускал, что возникшая спустя несколько десятилетий типография братьев Мамоничей создана на основе типографии Скорины. Он разделял и мысль Владимирова о том, что Скорина прекратил свою издательскую деятельность в результате финансовых затруднений и сложных имущественных проблем, приведших к судебному разбирательству [27].

В рецензии на работу Абрамовича М. Войцеховская дополнила биографию Скорины найденными ею данными из познанских городских актов, касающихся смерти брата печатника Ивана в Познани и оставленного им склада кож, на который претендовали кредиторы Ивана, среди которых — от имени своей жены Малгожаты — выступал и Франциск Скорина. Войцеховская установила, что печатник занимался торговлей. Она сообщила и об обстоятельствах заключения его в тюрьму в Познани (сроком около 10 недель) в результате ложных обвинений со стороны еврейских купцов, кредиторов Ивана. Она установила также, что Скорина был секретарем и придворным врачом виленского епископа Януша [28]. Более подробно все эти данные Войцеховская изложила в своей монографии [29], где содержалась и биография, и освещение деятельности «знаменитого виленского издателя» с учетом работ Владимирова и Абрамовича.

Весьма интересно высказался о Скорине и его деятельности известный историк Г. Ловмянский в весьма критической рецензии на брошюру белорусского священника А. Станкевича [30]. Г. Ловмянский изложил свои взгляды на отдельные факты, затрагиваемые в польской и русской скориниане: он отвергал утверждения П. Владимирова о якобы православном вероисповедании Скорины, в частности, подверг сомнению его утверждение, будто бы у Скорины было православное имя Георгий. По мнению Ловмянского, даже если бы у него действительно было это имя, это не могло бы быть свидетельством православия его носителя, поскольку католики также его употребляли в связи с культом св. Георгия — Ежи в Польше. Однако это имя якобы возникло из неверного превращения латинского слова «egregii» в Георгий во время переписки королевского документа в «Коронную Метрику».

Ловмянский опроверг и утверждение Владимирова о том, что в Полоцке во времена Скорины не было католицизма. Он обратил внимание на несоответствие книг Скорины православной доктрине, на его католическую ориентацию, на гравюры католического характера, на католическое имя печатника «Франциск», на брак с католичкой. Он не был согласен с тем, что Скорина перешел в католичество во время учебы в Кракове, ибо «православные родители или опекуны не послали бы подростка на „еретическую“ учебу к „латинникам“» [31, с. 162—167]. Кроме того, он обратил внимание на тот факт, что Скорина уже в Полоцке должен был получить первоначальную научную подготовку, по крайней мере — в области латыни, ведь иначе его бы не приняли в учебное заведение.

Далее Ловмянский приводит доказательства существования католиков в Полоцке, сообщает о деятельности там бернардинской миссии и отмечает: «Трудно сказать, был ли Скорина в младенчестве крещен как католик, или позже перекрестился. Более вероятно первое, поскольку бернардинцы выступали против повторного крещения православных» [31, с. 168]. Он подверг сомнению и тезис о «белорусском патриотизме» и «демократизме» Скорины, обратив внимание на то, что его отношение к верховным властям Речи Посполитой было «более чем лояльным», поскольку в своих переводах церковнославянское слово «царь» (которое употреблял и Швайпольт Фиоль в своих славянских изданиях, печатавшихся в Кракове) заменял словом «господар», имея в виду литовских князей, особенно Зыгмунта I. Таким образом, по мнению Ловмянского, патриотизм Скорины был «государственно-литовским», а его якобы сангумент по отношению к русскому языку «слишком сомнителен», ибо он трактовал его «поистине по-мачеховски», а именно, когда у него были церковнославян-

ские оригиналы, он переписывал их без значительных изменений, заменяя лишь слова с неясным для тогдашнего читателя значением их русскими соответствиями. Когда же у него не было под рукой церковнославянских оригиналов, он переводил на русский язык чешскую Библию или Вульгату. Приписывание Скорине русского патриотизма или любви к русскому языку основано на недоразумении. Ведь «Псалтырь», которую Скорина предназначал для обучения чтению и красноречию, была издана на церковнославянском языке, как и «Малая подорожная книжица». Следовательно, не русский, а церковнославянский язык популяризировал Скорина [31, s. 175].

Ставя же вопрос, почему Скорина так часто упоминает русский язык, почему он написал, что одной из причин издания Библии по-русски было то, что «он родился в русском языке», ученый отвечал на него просто: потому что типография Скорины должна была стать доходным предприятием [31, s. 176].

Ловмянский полемизировал и с «легендами», которые создавали о Скорине «русские историки», называя его «великим гуманистом». По его мнению, Скорина не проникся идеями гуманизма, был чужд классической античности и по своим взглядам целиком принадлежал средневековью [31, s. 177]. Ловмянский полемизировал с Владимировым относительно причин, побудивших Скорину прекратить издательскую деятельность — он видел их не в судебных процессах и не в пожаре, а в культурном застое тогдашней литовской Руси, в быстром насыщении рынка и падении доходов издателей.

Свою рецензию Ловмянский заканчивал постулатом дальнейшего изучения биографии Скорины и его изданий. Следует отметить, что, несмотря на некоторую излишнюю категоричность, выступление Ловмянского можно оценить как весьма конструктивное. Прекрасный знаток общественной культуры Великого княжества Литовского, он сделал ряд компетентных замечаний относительно современного ему состояния знаний о Скорине, по сей день не утративших своей актуальности и побуждающих исследователей учитывать их. К сожалению, они были опубликованы в провинциальном журнале и поэтому не оказали должного влияния на тогдашних и последующих исследователей Скорины. Поэтому мы позволили себе их здесь более полно привести.

Среди позднейших публикаций межвоенного периода следует отметить упоминание о Скорине в монографии Е. Чарнецкого [32] (см. также [33]), опирающееся на упомянутую монографию Абрамовича и учитывающее данные, сообщенные Войцеховской. Следует также отметить соответствующее место в монографии Т. Щербы, признававшего издания Скорины «непревзойденными и по качеству печати превосходящими современные им венецианские и немецкие издания» [34]. Характерно высказывание западноукраинского ученого М. Кордубы, сделанное им в полемике с его западнобелорусским коллегой Я. Станкевичем, называвшим Скорину «корифеем белорусской литературы». По мнению М. Кордубы, Скорина принадлежит не только белорусской, но и украинской литературе, поскольку белорусская литература выделяется лишь в середине XVII в. [35].

В польских работах Скорину, разумеется, считали белорусом и относили к белорусской литературе, как это делал Ю. Голомбек, автор первого польского очерка этой литературы, видевший в деятельности Скорины начало золотого века белорусской литературы. Голомбек не исключал, что Скорина обратился к переводу Священного Писания под влиянием Лютера. Он неточно определял язык книг Скорины как тогдашний разговорный белорусский язык. Таким образом, облик первопечатника в этом очерке освещен неудовлетворительно [36].

Имя Скорины упоминается в различных работах А. Брюкнера. Более подробно ученый остановился на этой теме в «Истории польской культуры», где верно определен язык изданий Скорины как церковнославянский, изредка «подправленный на русский лад», а также представлена биография печатника с учетом новейших данных (исключая очерк Ловмянского) [37]. То же можно сказать и о статье А. Брюкнера, посвящен-

ной польскому культурному влиянию на соседние страны [38]. В свою очередь Т. Ильяшевич опирался на Ловмянского, когда отмечал, что «причины упадка типографии Скорины следует искать в общем культурном уровне Великого княжества Литовского первой половины XVI в., который до недавнего времени переоценивали» [39].

В специальном номере львовских «Сигналов», посвященном Белоруссии, А. Станкевич в статье о Скорине отметил, что «сегодняшняя белорусская типография в Вильно носит имя великого Скорины, продолжая развивать великую идею своего патрона, идею распространения национальной культуры при помощи печати на родном языке». Он поместил здесь портрет Скорины и фрагменты из его предисловий и послесловий. По мнению Станкевича, «Скорина осторожно вводит в свою „Псалтырь“ белорусский элемент, чтобы не отпугнуть новшеством широкие белорусские массы», что представляется полемикой со взглядами Ловмянского по этому вопросу, как и утверждение, что «Скорина — это великий белорусский патриот». Автор приводит отрывок его предисловия к Книге Юдифь о привязанности людей к своим родным местам, подчеркивает, что Скорина первым «начал ослаблять связь белорусского народа с чуждой ему и бездушной церковнославянщиной и направлять взор его души к собственному, живому народному языку» [40].

После второй мировой войны о Скорине писали польские библиотековеды: К. Сверковский [41], Я. Мушковский [42], Ю. Грыч. Был опубликован документ от 21 X 1532 г., в котором Зыгмунт I заявляет, что доктор Франциск Скорина из Полоцка не обязан платить долгов, оставшихся после его брата Яна (Ивана), виленского горожанина, чего требовали от него кредиторы. Вслед за М. Войцеховской издатель В. Почеха поместил заметку о Скорине, в частности, объясняющую обстоятельства его ареста в Познани; он опубликовал и другой документ от 25 XI 1532 г., в котором король Зыгмунт I берет Скорину под свою опеку и запрещает предавать его суду [43].

В «Библиографии польской литературы периода Возрождения» помещено ничем не аргументированное сообщение, что первопечатник под конец жизни «вероятно, вернулся в Полоцк» [44]. Библиотековеды [45] продолжали публиковать упоминания о Скорине. Указывалось — вслед за Г. Ловмянским, что имя Ежи Скорине было дано в результате недоразумения, а вслед за Брюкнером допускалось, что к переводу Священного Писания первопечатник обратился под гуситским влиянием, публиковалась достаточно детальная библиография скоринианы [46].

Заслуживает внимания статья Т. С. Грабовского, посвященная Й. Добровскому, но содержащая и высказывания о Скорине. По мнению автора, Добровский верно предполагал, что Скорина осуществил перевод Священного Писания по просьбе короля Зыгмунта Старого, который «покровительствовал белорусскому народу, как, впрочем, и все Ягеллоны, охотно использовавшие белорусский язык при своем дворе». Грабовский считает, что «здесь несомненно сыграл свою роль вопрос церковной унии, поддерживавшийся Ягеллонами». Поэтому наверняка польский король предоставил финансовую поддержку Скорине для печатания Библии [47]. Эта мысль, высказанная еще С. Б. Линде, по сей день не опровергнута польскими и зарубежными скориноведами, хотя на ней и настаивают.

Белорусский языковед А. Журавский выступил с характеристикой языка изданий Скорины, отметив у него лишь небольшое число полонизмов, в то время как грамматические и лексические церковнославянизмы использованы сознательно в качестве естественных элементов письменного языка, служа, кроме того, как средство создания возвышенного стиля книг, отличающее его от языка других тогдашних видов русской письменности [48].

Библиотековеды отмечали, в частности, что к издательской деятельности Скорину склонили скорее всего патриотические соображения [49], что до сих пор нет основательного типографического анализа печатных материалов Скорины и его последователей, а это не позволяет решить вопрос наследования этих материалов [50]. Популярная статья Э. Стоц-

кого «Франциск Скорина — врач, печатник и издатель» представляла собой полезную компиляцию работ П. Владимирова, Й. Добровского и М. Войцеховской [51].

В томах «Польской литературной библиографии» имя Скорины встречается лишь начиная с 1961 г., когда здесь была отмечена упомянутая выше статья Т. С. Грабовского. Отражена здесь и моя рецензия на белорусское издание предисловий и послесловий Скорины [52], где я подчеркнул веротерпимость Скорины, избегавшего субъективных акцентов в своих текстах и сохранявшего одинаковое уважение к католицизму и православию. Я полемизировал с утверждением белорусских издателей, что тогдашний католицизм неодобрительно относился к переводам Священного Писания на национальные языки, приводя в качестве аргумента в пользу католицизма Скорины помещенные в его изданиях библейских книг гравюры, носящие западные, а не византийские черты. Я привел фрагменты из его предисловий, охарактеризовал язык, составил словарь его слов и выражений, имеющих форму полонизмов или белорусизмов раннего периода выделения белорусского языка из древнерусского, обратил внимание на его стихотворные десять заповедей, имеющие католическую нумерацию, отличающуюся от православной, указал на введенные им стилистические фигуры [53].

В «Польской литературной библиографии» учтена и рецензия В. Витковского на изданную в Москве книгу «450 лет белорусского книгопечатания» [54]. Автор называет в ней Скорину «великим белорусским гуманистом» и полемически отзывается на утверждение М. Алексютовича о том, что в понимании Скорины «всякое положение (включая библейское) должно быть рационально обосновано, а не приниматься на веру». Он подверг сомнению как голословное и утверждение, что «проявлением свободомыслия Скорины было издание им книг Священного Писания на доступном его народу языке», так и вывод о том, что если при переводе библейских книг Скорина использовал не один, но многие источники, «то это свидетельствует о его независимой позиции как по отношению к православной, так и католической церкви» [55]. Рецензент осветил также другие статьи этого сборника, в целом положительно оценив его. То же можно сказать о рецензии автора настоящей статьи на монографию Л. Баразны [56], сомнения вызвало лишь утверждение о том, что Скорина сам выполнял гравюры, помещенные в изданных им книгах, и гипотеза относительно таинственных букв МЗ на известном портрете первопечатника, якобы обозначающих «Малаванне зделал» (Скорина) [57].

Серьезное значение имело исследование львовского ученого М. Гембаровича «Иван Федоров и его деятельность в 1569—1583 гг. на фоне эпохи», где много места отводилось Скорине. Автор подытожил существующие сведения об отдельных фактах из биографии Скорины — таких, как его служба при дворе князя Альбрехта, познанские процессы, сожжение его книг в Москве, его путешествие в Москву, служба при дворе виленского епископа Януша и др. Он выдвинул и собственные соображения, касающиеся деятельности Скорины, в частности, его якобы намерения возобновить печатное дело во Львове и Кременце. Хотя он не привел убедительных доказательств, но определил некоторые направления дальнейших исследований и архивных изысканий.

Особенно ценны указания Гембаровича на упоминания о Скорине в сочинениях А. Селявы и А. Курбского. Гембарович не согласен с утверждениями Селявы, что современники упрекали Скорину в ереси, и его труды уничтожались. Он приводит факт, что архимандрит супрасльского монастыря Сергей Кимбар в 50-е годы XVI в. приобретал скорининские книги для местной библиотеки и что они там находились и в XVII в., когда монастырь присоединился к уни. При этом он не отрицал, что некоторые православные круги Литвы недоверчиво относились к этим книгам, особенно князь Андрей Курбский, живший в Польше русский политический эмигрант, который обвинял их в близости к иудейским и еретическим книгам. Но поскольку эти упреки появились лишь спустя 50 и 100 лет после появления данных книг, Гембарович допускает, что «в дан-

ном случае Скорина пал жертвой Шимона Будного, который указывал на него как на один из источников своей экзегетики», что имело место лишь после публикации переводов Нового Завета Будного в 1572 и 1574 г. [58].

Обобщающий характер носит и статья С. Росяка в «Словаре деятелей польской книги», где указывается, что Скорина не принимал непосредственного участия в печатании пражских изданий, но вероятно был гравером букв и части декоративных гравюр. Здесь помещено краткое описание изданных Скориной книг, подчеркнута превосходство виленских изданий над пражскими [59]. Однако такие обобщения не всех удовлетворяют. Например, Т. Улевич справедливо настаивал на издании серьезного польского монографического исследования этого «выдающегося врач-гуманиста», которое выходило бы за рамки прежних или новых биографий, очерков или ценной в известном отношении фактографии частного характера [60].

В краткой заметке о Скорине в «Истории Белоруссии» М. Космана в частности говорится, что он обратился к печатанию Священного Писания под гуситским влиянием [61]. Серьезное обобщение современного знания о Скорине содержится в работе М. В. Топольской, считающей, что препятствием в развитии издательской деятельности Скорины были все-таки церковные запреты, а его гуманистическое мировоззрение и отношение к науке тесно связаны с воздействием Возрождения и реформации [62].

В 1980-е годы внимание наших исследователей все более привлекают работы советских авторов, вводящие в научный оборот новые данные, хотя иногда и не свободные от публицистических элементов. Упомяну кратко о двух своих рецензиях на эти работы. В рецензии на библиографию Е. Немировского [1] я обратил внимание на бросающуюся в глаза тенденцию: идеологи царизма и православия XIX в. пытались видеть в Скорине своего сторонника, другие же представляли его еретиком. После второй мировой войны некоторое время в СССР имя Скорины писали в форме Георгий, противопоставляя его «католическому» имени Франциск. С 1956 г. писали Георгий-Франциск и лишь с 1967 г. вернулись к имени Франтишек (по белорусски Францыск, реже Францишак), т. е. к форме, употреблявшейся им самим в его изданиях. Я привел также небольшое замечание относительно того, что в русских библиографических описаниях начала XIX в., где место издания обозначалось «в Праге (под Варшавой)», Немировский ошибочно ставил в квадратных скобках знак вопроса вместо объяснения, что дело тут в неосведомленности в географических названиях соответствующих авторов. Я привел и дополняющую библиографию, включив отсутствующие публикации В. Ластоуского, Я. Голомевка и А. Барщевского [63].

В рецензии на посвященный Скорине сборник трудов [64] среди дискуссионных вопросов я указал на необоснованное мнение, что переводы Библии на национальные языки в XVI в. предпринимались с целью «сорвать с Библии покрывало „божественности“», а также что Скорина издавал Библию «исключительно с просветительскими целями». Я процитировал здесь слова первопечатника о том, что он распорядился печатать «Псалтырь» на русском языке «прежде всего к чести и хвале Бога Единого в Троице, Пречистой Матери Его Марии и всех святых на небе пребывающих, а потом для блага общего, по той причине, что Господь милосердный меня на свет породил в этом языке». Я указал также на необоснованность мнения, что печатавшиеся в Вильно книги Скорины «представляли собой полемическое оружие в борьбе с католиками по вопросам основных догматов христианского учения», как и мысли о том, что читатель книг Скорины был исключительно православным; при этом не учитывается факт, что в его времена существовало очень большое количество обелорусившихся литовцев-католиков, как и чисто белорусского населения, перешедшего в католицизм (с ним по происхождению был связан и сам первопечатник) [65].

Наш обзор ² показывает, что польская наука не может гордиться ка-

² В библиографию польской скоринианы можно включить и главу «Франциск Скорина» из книги автора настоящей статьи [66].

кими-то особыми достижениями в исследованиях, посвященных Франциску Скорине и его деятельности, что она ограничивалась, по существу, освоением и комментированием зарубежных работ. Тем не менее, остается факт, что со времен Линде, Бандтке и Лелевеля не ослабевал интерес поляков к знаменитому полоцкому первопечатнику, а многочисленные польские публикации оказывались иногда плодотворными для русских скориноведов — здесь можно назвать такие имена, как Мучковский, Виндакевич, Войцеховская, Ловмянский, Почеха, Гембарович. Нередко они выполняли роль уточнения по отношению к гипотезам, выдвигаемым в русских и белорусских работах, поскольку касались действительности древней Речи Посполитой. Будем надеяться, что интерес польских исследователей к белорусскому побратиму не иссякнет, что они будут и впредь поддерживать советских скориноведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Немировский Е.* Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины. Описание изданий и указатель литературы 1517—1977. М., 1978.
2. *Sielawa A.* Antelachus. Wilno, 1622, s. 53.
3. *Gębarowicz M.* Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1583 na tle epoki.— *Roczniki Biblioteczne*, 1969, № 3—4, s. 408.
4. *Starowolski Sz.* Setnik pisarzy polskich. Kraków, 1970, s. 127.
5. *Linde S. B.* O literaturze rosyjskiej.— *Pamiętnik Warszawski*. T. 2. 1815, s. 277.
6. *Linde S. B.* O Statucie Litewskim. Warszawa, 1816, s. 11.
7. *Bandtkie J. S.* Historia drukarni krakowskich. Kraków, 1815.
8. *Lelewel J.* Bibliograficznych ksiąg dwoje. Wilno, 1823, s. 47—53, 189.
9. *Lelewel J.* Album rytownika polskiego. Poznań, 1854, karta 47.
10. *Powstański A.* Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego. Wilno, 1839, s. 5.
11. *Baliński M.* Historia miasta Wilna. T. 2. Wilno, 1836, s. 87.
12. *J. Lelewel.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 r. zawartej.— In: *Lelewel J.* Dzieła. T. 10. Warszawa, 1969, s. 197.
13. *Kraszewski J. I.* Wilno od początków jego do r. 1970. T. 4. Wilno, 1842, s. 62, 115—116.
14. *Jocher A.* Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce. T. 2. Wilno, 1842, s. 10—103.
15. *Statuta nec non Liber promotionum philosophorum ordinis in universitate studiorum Jagellonica.* Kraków, 1849, s. 144.
16. *Wiszniewski M.* Historia literatury polskiej. T. 8. Kraków, 1851, s. 407.
17. *Maciejowski W. A.* Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do r. 1830. T. 2. Warszawa, 1852, s. 880—881.
18. *F. M. S. Skoryna.*— In: *Encyklopedia powszechna S. Orgelbranda*. T. 23. Warszawa, 1866, s. 546—547.
19. *Kirkor A. H.* O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Kraków, 1874.
20. Францыск Скарына. Зборник дакумэнтаў і матэрыялаў. Мінск, 1988, с. 77—79, 322—323.
21. *Koźmiński S.* Słownik lekarzów polskich. Warszawa, 1988, s. 461—462.
22. *Finkel L.* Bibliografia historii polskiej, cz. 1. Lwów, 1891, s. 733, 1031, 1641.
23. *Владимиров П.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.
24. *Windakiewicz S.* Materiały do historii Polaków w Padwie.— In: *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. T. 7. Kraków, 1892, s. 158.
25. *Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana*. T. 7. Warszawa, 1892.
26. *Podręczna encyklopedia powszechna*. T. 5. Warszawa, 1900, s. 162; *Encyklopedia powszechna S. Orgelbranda*. T. 13. Warszawa, 1902, s. 541—542; *Encyklopedia polska*. T. 3. Kraków, 1915, s. 364.
27. *Abramowicz L.* Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. 1525—1925. Wilno, 1925.
28. *Kwartalnik Historyczny*, 1926, № 3, s. 473—475.
29. *Wojciechowska M.* Z dziejów książki w Poznaniu w XVI w. Poznań, 1927.
30. *Станкевич А.* Доктор Францышак Скарына першы друкар бяларускі. 1525—1925. Вильно, 1925.
31. *Ateneum Wileńskie*, 1925, № 3.
32. *Czarnecki J.* Wilno w dziejach książki polskiej. Wilno, 1928, s. 3.
33. *Czarnecki J.* Rzut oka na historię książki wileńskiej. Kraków, 1932, s. 5, 20.
34. *Szczerba T.* Dzieje pisma w zwięzłym zarysie. Warszawa, 1932, s. 117—118.
35. *Korduba M.* Kilka uwag w kwestii genezy narodowości białoruskiej.— *Sprawy Narodowościowe*, 1932, № 2—3, s. 203—206.
36. *Gołąbek J.* Literatura białoruska.— In: *Wielka literatura powszechna*. T. 4. Warszawa, 1933, s. 540.
37. *Brückner A.* Dzieje kultury polskiej. T. 2. Warszawa, 1958, s. 356—357.

38. *Brückner A.* Promieniowanie kultury polskiej na kraje sąsiednie.— In: *Kultura staropolska*. Kraków, 1932, s. 366.
39. *Iliaszewicz T.* Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie. Wilno, 1938, s. 20.
40. *Stankiewicz A.* Franciszek Skoryna (1486—1551).— *Sygnaly*, 1939, № 75, s. 2.
41. *Świerkowski K.* Dziesięć wieków książki. *Chronologia*, Łódź, 1949, s. 10—11.
42. *Miszkowski J.* Życie książki. Kraków, 1951, s. 120.
43. *Acta Tomiciana*. T. 14. Poznań, 1952, s. 790—795.
44. *Budzyk K., Pollak R., Stupkiewicz S.* Bibliografia literatury polskiej okresu Odrodzenia. Warszawa, 1954, s. 353.
45. *Golka B., Kafel M., Kłos Z.* Z dziejów drukarstwa polskiego. Warszawa, 1957, s. 133.
46. *Drukarze dawnej Polski*, № 5. Wielkie Księstwo Litewskie. Wrocław, 1959, s. 224—230.
47. *Grabowski T. S.* Josef Dobrovský — twórca naukowej slawistyki.— *Sprawozdania z posiedzeń Komisji PAN*, 1961, s. 143.
48. *Zurawski A.* Uwagi o pożyczkach polskich w języku piśmiennictwa białoruskiego XVI i XVII w.— *Slavia Orientalis*, 1961, № 1, s. 37—38.
49. *Szwejkowska H.* Książka drukowana XV—XVIII w. Wrocław, 1961, s. 105—106.
50. *Błońska M.* Druki cyryliczne w Polsce.— *Przegląd Biblioteczny*, 1962 s. 234.
51. *Wiadomości Lekarskie*, 1964, № 17, s. 1407—1412.
52. *Францыск Скарына*. Прадмовы і пасласлоўіі. Мінск, 1969.
53. *Slavia Orientalis*, 1969, № 4, s. 456—461.
54. 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968.
55. *Slavia Orientalis*, 1970, № 3, s. 318—321.
56. *Баразна Л.* Гравюры Францыска Скарыны. Мінск, 1972.
57. *Slavia Orientalis*, 1974, № 2, s. 267—268.
58. *Roczniki Biblioteczne*, 1969, № 1—2, s. 8—30; № 3—4, s. 408—409.
59. *Słownik pracowników książki polskiej*. Warszawa, 1972, s. 827.
60. *Ulewicz T.* Wśród impresorów krakowskich doby renesansu. Kraków, 1977, s. 252.
61. *Kosman M.* Historia Białorusi. Wrocław, 1979, s. 141.
62. *Topolska M. B.* Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Wrocław, 1984, s. 24, 79, 90, 103—106, 142.
63. *Studia o Książce*. T. 10. Wrocław, 1980, s. 235—236.
64. *Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве*. Москва, 1979.
65. *Studia o Książce*. T. 12. Wrocław, 1982, s. 213—215.
66. *Sielicki F.* Historia literatury białoruskiej do końca XVIII w. Wrocław, 1985, s. 20—25.

ЛАБЫНЦЕВ Ю.

ЗЕРЦАЛО ЖИТИЯ

Имя доктора Франциска Скорины «из славного града Полоцка» становится известным все более широкому кругу людей во всем мире.

В этом, юбилейном для белорусской культуры, году на родине Скорины в Белоруссии, во всей нашей стране и многих иных государствах торжественно отмечается 500-летие со дня рождения славянского просветителя и первопечатника, открывшего для Отчизны совершенно новые литературные горизонты и целую культурную эпоху — эпоху книгопечатания.

В своем «Предъсловии в книгу Иов» Скорина писал: «И всякому человеку потребна чести, понеже есть зеркало жития нашего, Лекарство душевное, Потеха всем смутным наболей тым они суть в бедах и немощах положены, Надежа истинная востания из мертвых и вечного живота» [1, л. 2 об.].

В этой непростой для понимания современного читателя фразе — тысячелетний опыт человечества, указание пути к осмыслению нашего бытия, общечеловеческой его сути, той самой Вечной Истины, поискам которой в разные времена и у различных народов были отданы жизни лучших философов, писателей, музыкантов, художников, религиозных деятелей.

Когда просматриваешь все то, что время сохранило для нас из обширного литературного наследия Франциска Скорины, видишь, сколь еще долго и непросто будет оно входить в круг нашего чтения, ибо нам сложно понять скорининское время, его символику и язык. Чтение скорининских книг — большой труд, труд философский и эстетический.

Франциск Скорина — писатель-философ, писатель-гуманист, выступивший перед своим народом с яркими патриотическими воззваниями, и одновременно глубокий психолог, лирик, сумевший рассказать людям о величайших тайнах мира.

«Зерцало жития нашего» — это не праздные книги, а те сокровенные, единственные, пронесенные людьми через сотни и тысячи лет истории цивилизации. Совсем не случайно, что сберегли, сохранили именно их и, завещая от поколения к поколению, передали и нашему времени. Именно эти «книги книг» и призывает читать великий белорус, твердо убежденный, что именно они есть «Лекарство душевное» и «Надежа истинная».

Наряду со многими книгами, в том числе им самим написанными, Скорина издал в своем переводе значительную часть Библии. Она стала первой печатной Библией у восточно- и южнославянских народов и вышла в свет почти за столетия до появления польских печатных Библий.

Ее издатель начинал свою деятельность одновременно с реформатором немецкого духа, языка и литературы — Мартином Лютером. Их деяния сопоставимы, но известность совершенно несравнима. Франциска Скорину знают куда меньше, а он ведь порой даже опережал своих великих современников: Мартина Лютера, Эразма Роттердамского, многих других.

Лабынцев Юрий Андреевич — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Гравированный портрет Франциска Скорины 1517 г. (С оригинала, хранящегося в Библиотеке АН СССР в Ленинграде)

В том, что Скорина все еще так плохо известен и у нас и тем более на Западе, прежде всего — вина ученых, но в долгу перед Скориной и все мы — его последники.

Задача исследователей, писателей, художников — приблизить его творчество, его образ и идеи к народу, дать возможность прислушаться к слову Скорины, понять его, постичь через слово эту далекую эпоху в истории страны, услышать биение пульса новой народной культуры, литературы — белорусской, вставшей благодаря своему титану вровень с древнейшими и современными европейскими.

Франциск Скорина во многом оказывается первым не только в культурах восточных славян: белорусов, русских, украинцев, но и во всей нашей стране и даже Восточной и Южной Европе. Он открыл и возглавил целое культурное направление.

Любой народ, любая нация, все человечество не могут жить вне культуры, вне определенной природной, материальной и духовной среды. Культура сейчас понимается как несомненное условие самой жизни, возможности нашего существования.

Удивительно, что именно так рассуждал полтысячи лет назад и Франциск Скорина. В 1519 г. он писал: «Понеже от прирожения Звери ходя-

ЛЕЎВІТЪ

З

ІЎДІДЪ

З

Детали графического оформления изданий Ф. Скорины

щие в пустыни знают ямы своя. Птицы летающие по въздуху ведают гнезда своя. Рыбы пльващие по морю и в реках чуют виры своя. Пчелы и тым подобная боронят ульев своих. Також и люди и где зродилися и ус-кормлены суть по бозе к тому месту великую ласку имають» [2].

В другом месте великий белорус записал иные, столь созвучные нашим сегодняшним думам, слова: «Закон прироженный в том наболее соблюдаем бывает. То чинити иным всем, что самому любо есть от иных всех. И того не чинити иным, чего сам не хоцещи от иных имети... Сей закон прироженный написан есть в серци единого кажного человека» [3].

Задолго до гения мировой литературы Л. Н. Толстого Франциск Скорина доверил бумаге такие сокровенные, выстраданные свои мысли, чи-

тающиеся теперь как некая абсолютная законченная формула духовного развития человека: «Есть наивысшая мудрость размышление смерти и познание самого себе» [1, л. 2 об]; «Наиболее любовь ко всем да соблюдает, еже есть совершена над все иные дарования, без нея же ничто проснешно есть» [4].

Средством, инструментом пропаганды этой земной всечеловеческой любви гуманист Скорина избрал печатную книгу, доступную его братьям на Руси благодаря хорошо понятному, близкому к народному языку и значительным тиражам. И как завет всем созидającym Книгу, писателям будущего и самому себе прозвучали слова просветителя: «Також и мы братия не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки пради нашее приносимо им» [5].

«Да совершен будет человек» — вслед за авторитетами древности восклицал Франциск Скорина [6]. Он стремился сделать все, чтобы его народ на родном языке мог постичь сокровенную мудрость человечества.

Как выдающийся европеец-гуманист Скорина страстно желал послужить общему делу духовного возрождения человека, его внутреннему совершенствованию.

Этому и посвящены книги великого белоруса, воспринимающиеся сейчас как самая дорогая национальная реликвия, как духовное сокровище, национальная святыня, как символ всей тысячелетней белорусской культуры.

В 1517—1525 гг. в Праге и Вильне Скорина напечатал 42 книги, переведенные им на язык, близкий к народному, снабженные его литературными комментариями, обширными вступлениями-предисловиями и

ДАННІЛУ СЕДАЩЕМУ СОЛВЫ ПРІНЕСЕ ЯВѢКУ МЪ ОБЕ

КНИГИ СВЕТОГО ПРОРОКА БОЖІЯ ДА
 НІЯ ПОЧИНАЮТЬСЯ • ЗЪПОЛНЕ
 ВЫЛОЖЕНЫ НА РУССКІИ ЯЗЫКЪ
 ДОКТОРОМЪ ФРАНЦУЗСКОМЪ СКОРИНОМЪ
 ИЗЪ ГЛАВНАГО ГРАДА ПОЛОЦКА • НАПРЕДЪ
 БОЖЪ КОУТИ, ИЛЪ ДѢ ПОСПОЛНѢ КНЯЗЦЕ:

краткими концовками. Несколько книг Скорина написал или составил совершенно самостоятельно. Поражает то, что по своему числу книги белорусского просветителя составляют $\frac{2}{3}$ всех изданий кириллицей в мире за XV — первую четверть XVI в. и более $\frac{1}{2}$ подобных изданий, если иметь в виду XV и всю первую половину XVI столетия.

Тем более удивительно, что знаем мы о самом Скорине очень мало. Не известны ни год его рождения, ни дата смерти. Ведутся споры и о правильности написания имени Скорины. Века сохранили для потомков лишь некоторые документы о нем, а главное — его книги, сотни экземпляров книг, хранящихся ныне во многих странах мира. Книги просветителя дают возможность увидеть Скорину — писателя, переводчика и издателя. Без целостного их исследования объективность большинства научных оценок оказывается недостижимой.

Скорина поместил в напечатанных им библейских книгах даже свой портрет, тем самым как бы утверждая собственную индивидуальность, свою личность, свое авторство, несомненную причастность к тем глубинным гуманистическим движениям европейского Ренессанса, которые оформились в его эпоху в виде «христианского гуманизма» Эразма Роттердамского и Томаса Мора.

Для Скорины, так же как и для этих писателей и мыслителей, «Библия, — по выражению В. М. Конона, — человеческая, хотя и боговдохновенная книга»; она прежде всего — «грандиозный... синтез различных форм древней мудрости начиная от фольклора», носящий энциклопеди-

БИБЛИЯ РУССКАЯ

ВЫЛОЖЕНА ДОКТОРЫМЪ
ФРАНЦУЗСКОМЪ СКОРНОМЪ
ИЗЪСЛАВНАГО ГРЯДЯ ПО
ЛОЦЬКЯ, БОГЪ КОСТИ И
ЛЪДЕНЪ ПЪПОЛАНТЫМЪ
КДОБРЫМЪ НАЖЪЧЕННЮ :-

ческий характер [7]. Есть в этой «книге книг» и летописные сочинения (например, Книги Царств), и сказания о героях (Книга Судей), и любовная лирика (Песнь Песней), и бытовые новеллы (например, Книга Руфь), и философские диалоги (например, Книга Иова) и многое другое.

Особая ценность Библии как величайшего памятника мировой литературы ни у кого не вызывает сомнения. Библейские книги оказали огромное влияние на творчество таких корифеев мировой литературы, как Данте Алигьери, Федор Достоевский, Тарас Шевченко, Лев Толстой, Михаил Булгаков и многих других. А. М. Горькому принадлежат такие слова о Библии: «Прекрасная книга, очень люблю ее» [8].

Библия глубоко символична и потому сложна для восприятия, ее необходимо не просто читать, а изучать, только тогда и начнет открываться истинный смысл в ней написанного. Франциск Скорина, вслед за Григорием Великим, считал, что она «под простыми словами замыкает тайну» [9, л. 2].

Такое понимание лежит в основе средневековых и ренессансных учений о символе. Данте Алигьери, например, писал: «...надо знать, что писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах. Первый называется буквальным, и это смысл, который не простирается дальше буквального значения вымышленных слов, — таковы басни поэтов. Второй называется аллегорическим, он

П ОЧИНЯЮТЬСЯ ПЕСНИ ДЯВЫ
ДЯ ПРОРОКА ЦАРЯ ИЗРА
ИЛЕВЯ КЯДИСНЯ ѿ :-

Псаломъ двѣдъ ѿ :-

Блаженъ мѡжъ иже
неиде на совѣтъ нече
стивыхъ, и на пѣти
грешныхъ нестѣ, и на
сѣдалиши гѡбитель
нестѣде • Новъ законѣ
гѣни вола его, и въ
законѣ его побчитса

дѣнь и ноць • И вѡдетъ яко древо сажае и но
приисходившихъ вода, и же плодъ свой да

таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью... Третий смысл называется моральным, и это смысл, который читатели должны внимательно отыскать в писаниях на пользу себе и своим ученикам. Такой смысл может быть открыт в Евангелии... Четвертый смысл называется анаготическим, то есть сверхсмыслом или духовным объяснением писания; он остается истинным также в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе» [10].

В своем взгляде на роль и значение «книги книг» Скорина чрезвычайно близок к Эразму Роттердамскому, этому «Вольтеру XVI века», самому известному тогда европейскому писателю, считавшему, что «Библию должны читать все» [11].

В силу исторических условий, в отличие от западноевропейских гуманистов, Скорина должен был весьма считаться с особой, веками узаконенной восточнославянской книжной традицией, которую, тем не менее, он значительно реформировал. Невозможность отойти в своем литературном творчестве на традиционном литературном языке — церковнославянском — и даже на языке, близком к народному, от этой традиции

(иначе он бы не был понят соотечественниками-современниками), вынуждает Скорину максимально опираться на нее, часто высказывать свои собственные суждения устами известных древних авторитетов.

Использование в творчестве чисто традиционных, восточных, начал и сплав их с западными дали необычайно интересный, неповторимый, оригинальнейший литературно-графический материал, ставящий в тупик при его рассмотрении не только современника Скорины, но и ученого наших дней. Рождающийся художественный образ заставляет одновременно помнить и о литературных особенностях Востока, и о достижениях графического искусства Запада, и о той общности культур, которая свойственна всей Европе. Вот почему невозможно отделить в творчестве Скорины эти две главнейшие европейские культурные традиции: традицию византийского Востока и традицию римского, латинского Запада. Франциск Скорина связал, замкнул их в своем творчестве. Об этом свидетельствуют не только сами тексты скорининских книг, но и их архитектоника, композиция, графика.

Величайшая заслуга Скорины в том, что он предназначает свои издания и сочинения не узкому кругу образованных лиц, пишет для них не на латинском языке, как это делает, например, Эразм Роттердамский, а, используя в основном традиционные литературные жанры и близкий к народному язык, создает народноязычные издания, предназначавшиеся всем людям без исключения. Книги Скорины — «четыре» — подобные тем, которые легли в основание многих европейских национальных литератур, имели самый определенный читательский адрес.

Выпущенные им книги — это не просто переведенные или подготовленные к печати тексты, снабженные теми или иными комментариями. Книги Скорины — сложный комплекс сотен самых различных литературных произведений, написанных, переведенных или подготовленных им к изданию по самым строгим канонам тогдашней европейской науки. Скорина как мастер слова предстает перед нами сразу в нескольких авторских ипостасях: писателя-прозаика, гимнографа и поэта, великолепного переводчика с нескольких древних и новых языков.

Книги Франциска Скорины выступают как единство содержания и его типографского воплощения, служащего своеобразным фоном и обрамлением главного в книге — слова, написанного или переведенного просветителем. Эта неразрывная связь прослеживается на всех уровнях, на мере всех элементов книг Скорины, включая даже мельчайшие.

Почти одинаково важны и титульный лист, и предисловия, и надписания глав, и основной текст, и колофон, и переплет, и все типографские и графические элементы, начиная со шрифтов и до гравюр, а также приемы набора и верстки, манера подачи материала, компоновка страниц, использование красок черного и красного цветов.

Необходимо понимать и помнить, что книги Скорины — это именно единство, нерасторжимое, неделимое. В слиянии искусства словесного, графического и типографского он достиг величайшего совершенства, создал столь простую и совершенную гармонию слова и его материального, книжного, печатного воплощения, к которой в новейшее время так страстно стремились европейские модернисты, русские символисты.

Скорина-прозаик работал во многих жанрах, одни из которых были у нас почти традиционными, другие, и их едва ли не большинство, впервые введены в белорусскую, да и во все восточнославянские литературы именно им.

Авторская работа Скорины хорошо просматривается практически в любом фрагменте каждой из его книг, «на страничках кажных книг моего тружания», как писал о том он сам [12].

Скорина-прозаик известен нам еще очень и очень мало, Скорина-поэт пока не известен совсем. О поэтическом даре Франциска Скорины исследователи до сих пор говорили, да и говорят вскользь, низводят его стихотворный талант лишь до признания за ним «первых опытов» [13].

Общий анализ сочинений Скорины, подкрепленный недавно сделанной находкой А. А. Турилова [14], позволяет предположить, что он был

не просто пионером «восточнославянского стихосложения», но поэтом — большим, сложившимся мастером разнообразных поэтических жанров, писавшим одинаково свободно в традиционной манере Востока и Запада. Эти склонности Скорины к поэзии влияли на характер и стиль его прозы, которая часто стоит на пограничье со стихом. И Библию, особенно Псалтырь, Скорина считает книгами поэтическими и прямо пишет об этом [9, л. 3].

Скорина — поэт-гимнограф — тема неисчерпаемая.

Ему, Франциску Скорине, принадлежат и многочисленные, порой весьма объемные, произведения классического жанра молебний, помещенные в гимнографических сборниках, сборниках канонов и акафистов. В молениях гораздо отчетливее обнаруживается индивидуальность писательской работы Скорины по сравнению с другими сочинениями, входящими в тот или иной сборник.

Творчество Скорины — это синтез старого и нового в белорусской литературе. Без использования старой, классической традиции, без опоры на нее его просто бы не поняли соотечественники.

Суть литературного подвига Скорины в том, что ему впервые столь масштабно и успешно удалось слить в своем творчестве две главнейшие традиции европейской культуры — восточную и западную, ввести новые литературные формы.

Сравнивая сделанное Скориной с творчеством его виднейших европейских современников, нельзя не отметить, что в отличие от многих из них он значительно опередил время, сознание своего народа. Лишь спустя столетия и его, Скорину, назовут великим. Он станет символом всей белорусской культуры. Его, Скорину, а не кого-нибудь иного из соотечественников, мы столь щедро оценим за то, что литература на родном языке оказалась для него и средством, и целью, выделая тем абсолют, который мог указать людям истинный путь в жизни.

За свою жизнь Скорина объездил немало стран, учился в старейших европейских университетах, достиг высших ученых степеней, был доктором «семи свободных искусств» и доктором медицины. Все это дало ему возможность, как никому в восточном славянстве, сопоставить жизненные ценности Запада и Востока Европы, решить для себя и других, прежде всего для «братьев» своих «Руси», те многочисленные философско-гуманитарные, богословские и литературные проблемы, которые и на сегодняшний день все так же важны для нас.

Почти полтысячелетия назад великий белорус ратовал за безусловный приоритет вечных, общечеловеческих ценностей во взаимоотношениях между людьми, народами и государствами. Он указывал возможный и желательный путь развития своего и соседних народов, но не был понят до конца современниками, как не понят он нами и сейчас.

Наследие Скорины еще ждет своего исследования и издания, несмотря на то, что недавно была даже опубликована специальная энциклопедия «Франциск Скорина и его время» [15], готовится к печати факсимильное воспроизведение изданий просветителя¹. Тем не менее почти полностью отсутствуют литературоведческие работы, ему посвященные. Совершенно не проводились детальные текстологические исследования сочинений Скорины. Наконец, не существует и сколько-нибудь полного словаря его языка, о чем с тревогой пишут видные советские ученые [16].

Предпринимаемая попытка факсимильного издания части сочинений Скорины — скорее заслуга издателей и полиграфистов, нежели научных работников. К факсимиле не будет приложен даже минимальный справочный аппарат — его создание потребовало бы напряженной работы многих специалистов.

Одним словом, вопрос об изучении и издании написанного и напечатанного Франциском Скориной не сходит с повестки дня. Его решение потребует долгих и кропотливых исследований, которые в полной мере

¹ Его осуществляет издательство «Белорусская Советская Энциклопедия».

сможет осуществить лишь специальное научное подразделение, куда должны войти филологи, историки, философы, музыковеды.

Хочется верить, что подобное подразделение (отдел или сектор) появится в организуемом сейчас при АН БССР Скорининском центре, призванном начать всестороннее изучение белорусской культуры в ее связях с культурой мировой.

В привилегии 1498 г. родному городу Скорины Полоцку читаем такие слова на старобелорусском языке: «Сказила бы всякие речы с часам старость коли бы учинки людские, которые ж с приречения своего конец мают, через листы не были увечены и годным сведетством ку пришлои ведомости не были приведены» [17].

Слова эти, как ничто лучше, указывают и на скорейшую необходимость приведения «ку пришлои ведомости», т. е. скорейшего издания в надлежащем виде собрания сочинений Франциска Скорины, что сразу же позволит сделать их действительно широкодоступными, по-настоящему читаемыми.

Думается, настала пора публикации сочинений великого славянского писателя и в переводе на современный русский язык с соответствующими пояснениями и комментариями. С этой непростой задачей могли бы справиться российские ученые, объединенные при недавно созданном в Москве издательстве «Наследие», тем более, что в столице находится самое большое в мире собрание оригиналов скорининских книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книга Иова. Прага, 1517, 10 сентября.
2. Предословие доктора Франциска Скорины с Полоцка в книги Иудифь вдовици.— В кн.: Книга Иудифь. Прага, 9 февраля 1519 г., л. 2 об.
3. Сказание доктора Франциска Скорины с Полоцка в книги Второго закону Моисея.— В кн.: Книга Второзаконие. Прага, 1519, л. 1 об.
4. Коринфом первого послания светого апостола Павла сказание доктором Франциском Скориною с Полоцка.— В кн.: Апостол. Вильна, март 1525, л. 36 об. третьего счета.
5. Предословие доктора Франциска Скорины с Полоцка во книги Леувит Моисея.— В кн.: Книга Левит. Прага, около 1519, л. 2 об.— 3.
6. Предословие в Псалтирь.— В кн.: Псалтирь. Прага, 6 августа 1517, л. 2.
7. Конон В. М. Франциск Скорина и Иван Федоров: преемственность просветительских и эстетических традиций.— В кн.: Иван Федоров и восточнославянское книгопечатание. Минск, 1984, с. 17, 24.
8. Наука и религия, 1979, № 2, с. 54.
9. Предословие доктора Франциска Скорины с Полоцка во всю Библию.— В кн.: Книга Бытия. Прага, 1519.
10. Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968, с. 135—136.
11. Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986, с. 675.
12. Предословие доктора Франциска Скорины с Полоцка в книги перьвыи Царств.— В кн.: Книги Царств. Прага, 10 августа 1518 л. 3 об.
13. Беркаў П. Н. Ф. Скарына і пачатак усходнеславянскага вершаскладання.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 245—261.
14. Турилов А. А. Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (К вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания).— В кн.: Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981, с. 241—247.
15. Францыск Скарына і яго час. Эцыклапедычны даведнік. Мінск, 1989.
16. Мурьянов М. Ф. Несколько уточнений к «Словарю языка Скорины».— Советское славяноведение, 1989, № 4, с. 86—94.
17. Центральный государственный архив древних актов, ф. 389, оп. 1, кн. 5, л. 74/89.

ЛИФАНОВ К. В.

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕСНИ» Я. КОЛЛАРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕСЛОВАЦКОГО ФОЛЬКЛОРНО-ПОЭТИЧЕСКОГО КОЙНЕ

Проблема формирования в славянских языках особых наддиалектных образований, функционировавших, главным образом, в произведениях фольклора и оказавших существенное влияние на становление национального литературного языка, уже длительное время привлекает внимание лингвистов. Славистике известны так называемые «фольклорные интердиалекты», существовавшие в ряде южнославянских и восточнославянских языков, например: хорваткосербском, македонском, украинском [1]. Подобная точка зрения высказывалась и в отношении словацкого языка [2]. Однако в трудах языковедов она не получила широкого распространения и всеобщего признания, так как сам языковой материал не был подробно исследован. Высказанная точка зрения, таким образом, до настоящего времени является лишь гипотезой, доказательство которой остается актуальной задачей словакистики. Изучение конкретного языкового материала — языка произведений фольклора — необходимо с целью определения его специфических особенностей и установления соотношения этого языка с конкретным территориальным диалектом, другими диалектами словацкого языка. Сопоставление различных территориальных диалектов с языком произведений фольклора делает возможным определение генезиса отдельных языковых элементов, структуры языка фольклора в целом и выявление важнейших тенденций в его формировании. Актуальными для изучения фольклорно-поэтического койне являются и задачи по изучению интердиалектов вообще, а именно: «...характеризуется ли это новое, диалектное в своей основе, образование новыми признаками, отсутствующими в территориальных диалектах, возникло ли оно в результате смешения ряда признаков иерархически более низких территориальных диалектов или же признаки одного диалекта, занимающего доминирующее... положение...» [3], преобладают в данном языковом образовании. Если какой-либо диалект (или группа диалектов) окажется доминирующим, то наддиалектное образование фольклорного типа будет представлено в нескольких вариантах, так как по крайней мере одна из его составляющих (диалект местного населения), вступающая во взаимодействие с другими составляющими (например, доминирующий диалект или даже языковое образование наддиалектного характера, формирующееся на базе других диалектов), будет иной. Кроме того, норма фольклорно-поэтического койне не будет столь стабильной, как, например, норма литературного языка или даже норма территориального диалекта, поэтому главным объектом описания окажутся тенденции, преобладающие в том или ином варианте этого наддиалектного образования.

Лифанов Константин Васильевич — канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры славянской филологии МГУ.

Важнейшей сферой функционирования наддиалектного образования, формировавшегося в Средней Словакии, было устное народное творчество и особенно народная поэзия [4]. Наиболее значительным собранием словацкой народной поэзии является фундаментальный труд Я. Коллара «Национальные песни», содержащий около двух с половиной тысяч песен. Указанные песни были записаны собирателями в разных районах Словакии и присланы Я. Коллару для публикации. Особое значение для исследователей имеет факт записи и публикации данных песен более чем за десятилетие до кодификации словацкого литературного языка Л. Штуром на среднесловацкой диалектной базе, что исключает использование его рекомендаций при их фиксации¹.

Большой сложностью при изучении языка песен является отсутствие у значительной их части указания на происхождение (место записи), поэтому для получения максимально объективных результатов анализу были подвергнуты лишь те песни, происхождение которых отмечено Я. Колларом, а также если приводилось имя собирателя и комитат, в котором он проживал, при наличии определенных особенностей говора, распространенного в этом комитате, или в песне указаны названия населенных пунктов и содержатся некоторые особенности говора, на территории распространения которого находился указанный населенный пункт.

Мы располагали текстом второго издания «Национальных песен», подготовленного к публикации Э. Паулини [5]. Так как при подготовке к печати Э. Паулини осуществил некоторую корректировку орфографии песен, а также внес отдельные изменения в фонетическую огласовку слов и их грамматические формы, оказалась невозможной исчерпывающая характеристика языка песен. В то же время, наиболее существенные особенности языка песен сохранены, что позволяет выявить наиболее характерные черты его фонетической и морфологической системы. Кроме того, минимальным изменениям были подвергнуты западнословацкие, а также южные среднесловацкие песни (изменения затронули фактически только орфографию), что оказалось особенно существенным для нашей работы.

Анализ текста «Национальных песен» при подготовке к публикации привел Э. Паулини в некоторое замешательство, поскольку он не мог объяснить наличие генетически разнородных языковых элементов в языке многих песен, особенно песен западнословацкого происхождения. В то время Э. Паулини высказывал предположение, что Я. Коллар лично подвергал обработке тексты песен, привнося в них среднесловацкие (турчанские) черты [6]. Однако уже через несколько лет он изменяет свою точку зрения, объясняя данный феномен существованием «среднесловацкого культурного языка (интердиалекта)», зафиксированного в «Национальных песнях» [7].

Сопоставление языка песен с территориальными диалектами показывает существенное различие между песнями отдельных регионов Словакии. Так, среднесловацкие и западнословацкие песни оказываются противопоставленными песням восточнословацкого происхождения, так как в языке первых действительно обнаруживаются интеграционные процессы, свидетельствующие о вытеснении узко локальных фонетических и морфологических особенностей общесловацкими или северными среднесловацкими элементами, тогда как язык восточнословацких песен в значительной степени сохраняет местные диалектные черты, не испытывая или почти не испытывая среднесловацкого влияния.

Северные среднесловацкие говоры представляют собой довольно близкую, единообразную группу говоров, имеющих много общих черт. К сожалению, текст, которым мы располагаем, не позволяет нам охарактеризовать важнейшие процессы, протекавшие в языке северных среднесловацких песен. Обращает на себя внимание практическое отсутствие

¹ Первое издание «Песен светских люда словацкого в Уграх», подготовленное Я. Колларом совместно с П. Й. Шафариком и Я. Благославом, было осуществлено в 1823 г. Второй том песен издавался в 1827 г. Переработанное двухтомное издание вышло в свет в 1834—1835 гг. Важнейший кодификаторский труд Л. Штура «Наука о словацком языке» был издан в 1846 г.

в них инодиалектных вкраплений фонетического и морфологического характера и реализация тенденции к утрате некоторых локальных языковых особенностей, вытесняемых общесловацкими элементами. В качестве примера последнего явления приведем отсутствие в турчанских песнях результатов процесса изменения сочетания $d\downarrow$ ($d + l$ слоговое) в $g\downarrow$ ($g + l$ слоговое). Ср. примеры: ...že tuto v Laclavej neni panny pre nás, /to sme my slušali, neni tak dlhý čas (V—113, s. 321)², Anna moja, Anna, /kdeže si tak dlho? (XII—2, s. 14—15).

Совершенно иную картину представляет язык южных среднесловацких песен. Южные среднесловацкие говоры отличаются значительной расчлененностью и целым рядом специфических, только им присущих фонетических и морфологических особенностей, однако в песнях эти особенности отражаются либо непоследовательно, либо вообще не находят отражения. Наиболее рельефно названные явления представлены в гонтско-новоградских и гемерских песнях. Так же, как и в северных среднесловацких песнях, в гонтско-новоградских и гемерских наблюдаются интенсивные процессы вытеснения локальных элементов элементами общесловацкими, причем это вытеснение может быть как полным (в текстах песен представлены только общесловацкие особенности), так и частичным (встречаются отдельные примеры местных диалектных особенностей).

В качестве полного вытеснения диалектной особенности общесловацким элементом можно привести отсутствие изменения конечных p , $ň$ в m , характеризующего гонтско-новоградский говор. Ср. примеры: Matko má premilá, /vymeň ma z vezenia (XII—12, s. 30); a s pleca skoč na zem, /nebud', Janík, väzeň (XII—12, s. 32); jesto v Abelovej jedon šuhaj hrdý (IV—90, s. 225).

Аналогичным примером из гемерских песен является отсутствие отражения в их языке рецессии долготы на предпоследний слог [8]. Несмотря на то, что Э. Паулини внес существенные изменения в обозначение количества гласных, оно наверняка было бы сохранено, если бы рецессия долготы сопровождалась дифтонгизацией, что характеризует гемерские говоры.

Спецификой системы вокализма гонтско-новоградских говоров является изменение гласных u , $ú$ (i , $í$ заднего ряда) соответственно в e , e_j (e_i) в позиции не после заднеязычных согласных. В большей же части словацких говоров u , $ú$ совпали с i , $í$ (переднего ряда). В песнях же гонтско-новоградского происхождения результаты изменения ue и ue_j представлены лишь спорадически. Ср. примеры: To dala matka / svoj' vlastnú dcéru / do cudzej krajine (XII—I, s. 13); Hoj, vienok, vienok, peknej vienok boliengovej (VII—230, s. 480).

Как правило, в этих песнях отражены общесловацкие формы³, например: ...nejdi do zahrady, / polámeš mi tam / mojej mamičku / na hriadkach l'al'uju (XII—I, s. 14); Pásol Janko kravy / a Anička pávy (XII—12, s. 29); Vyletela holubička / z vysokého okenečka (XII—15, s. 34); Sviet', slniečko, s neba rovno dal do vrby (IV—93, s. 226).

Похожим примером взаимодействия общесловацких элементов с местным диалектным элементом является фиксация в песнях результатов типично гемерского изменения звука $č$ в $š$. В гемерских песнях преобладают примеры в общесловацкой огласовке (со звуком $č$), хотя представлены и гемерские примеры (со звуком $š$). Следует, однако, заметить, что если в гонтско-новоградских песнях результаты процесса $u > e$, $ú > e_j$ вытеснены общесловацкими формами почти полностью, то в данном случае процесс вытеснения результатов изменения $č > š$ не был столь последовательным, причем часто в одной и той же песне представлены взаимоисключающие примеры: Ej, keby si ty, Martin, tej našej Marteše / v Ratkovej na trhu šervenie šišme kúpeu (III—46, s. 202); Ej, s vršku do doliny, z kvetu

² Первая цифра (V) указывает номер тематического раздела в книге, вторая цифра (113) — номер песни в этом разделе, третья цифра (321) — страницу. Следует иметь в виду, что разделы I—XI содержатся в первом томе, а разделы XII—XX — во втором.

³ В тексте сохраняется традиционное этимологическое написание гласных u и $ú$.

makového, / čiže by si bola do humna pre hrable (III—46, s. 202); ale pojdem ku dievčatku švarniemu, / švo mi dajó po Mihale za ženu (VIII—53, s. 541); Oraly by mojo volky, oraly, / koby mali pohoniše z Oravy (VIII—53, s. 541); Ej, na močár, mojo volky, na močár, / nepojdem ja ku neveste navečer (VIII—53, s. 541); Vlakom, sluniaško, vlakom, / pojdeme domo mrakom (VIII—176, s. 571); Hotuj, pane, večeru, / dvanác funto pešenu (VIII—186, s. 572).

Приведем аналогичный пример из области морфологии. Типично геме́рская флексия -мо, выступающая в глагольных формах 1 лица множественного числа настоящего времени, в геме́рских песнях конкурирует с общесловацкой флексией -ме. Ср. примеры: Nebráňte, nebráňte, pobrat' sa nám dajte, / radi sa vidímo, pobrat' sa musímo (VII—85; s. 44); Ráno sme prišli, večer idemo ta domov, ta domov! (VII—243, s. 485); Takiaho pána mámo, / ani ho nepoznámo (VIII—173, s. 570); Máš ty ručník a ja druhý, / pustíme ich po Dunaji (XII—17, s. 35). В целом ряде случаев в связи со значительным диалектным разнообразием невозможно говорить об общесловацких явлениях. В этих случаях престижными оказываются северные среднесловацкие элементы, вытесняющие в южных среднесловацких песнях локальные особенности. Эти процессы также характеризуются как полной реализацией, так и частичной. В качестве примера полной реализации приведем отсутствие в песнях результатов отвердения конечных t', d' характерного для гонтско-новоградских говоров. Наличие мягких t', d' не является общесловацкой особенностью, так как они практически отсутствуют как в западнесловацких, так и в восточнесловацких говорах, т. е. в данном случае речь может идти непосредственно о северном среднесловацком влиянии. Ср. примеры с конечным t': Sviet', slniečko, s neba govno dal do vrby (IV—93, s. 226); zakázala jej / ani k sebe príť (XII—1, s. 13).

Еще более показательным примером проникновения северных среднесловацких элементов в язык южных среднесловацких песен является конкуренция форм с геме́рскими дифтонгом ia < ie и сочетанием va, vo < uo с соответствующими северными среднесловацкими дифтонгами ie, ou. Указанный процесс также свидетельствует о наддиалектном характере языка южных среднесловацких песен. Ср. примеры: náš pán se v nej preberá, / že van peknú paňu má (VIII—186, s. 572); ale pojdem ku dievčatku švarniemu, / švo mi dajó po Mihale za ženu (VIII—53, s. 541); Nito mi jej, nito, príde mi na leto, / na leto zeleno potešenie vernuo (XIV—263, s. 261); Vlakom, sluniaško, vlakom, pojdeme domo mrakom (VIII—176, s. 571); Ale si pošlem koňa vraniaho, / osedlaniaho, pre mojho miliaho (VIII—175, s. 570); Takiaho pána mámo, / ani ho nepoznámo (VIII—173, s. 570); ...ne tak ani zdaleka, / z rochovského vidieka (VIII—173, s. 570); Dočekaám sa mladej ženy na jeseň, / keď odpadne drobný lístok s čerešieň (VII—12, s. 422); Veselá by bola na tom našom dvore, / keby neranili to srdiečko moje (VII—85, s. 441).

В некоторых случаях вопрос о северном среднесловацком влиянии на язык южных среднесловацких песен решается не столь однозначно. Так, например, в гонтско-новоградском говоре после мягких и заднеязычных согласных имена прилагательные имеют флексии с гласным i типа -iho, -imu (в соответствии с литературными флексиями с гласными ie или é)⁴, однако в соответствующих песнях формы с этими флексиями не фиксируются. Ср. примеры: Vyletela holubička / z vysokého okenečka (XII—15, s. 34); Jali, da ho jali / na múry vysoké (XII—12, s. 30); Nech t'a ročujúajú abelovské dievky! (XIV—1, s. 111); zadržala krava / najkrajšieho páva (XII—12, s. 29).

Зафиксированные формы характерны для некоторых северных среднесловацких говоров (турчанских, верхненитранских), поэтому их употребление в названных песнях, вероятно, тоже может рассматриваться как северное среднесловацкое влияние.

⁴ Общий характер языка нитранских песен, из которых приводятся примеры, позволяет сделать вывод, что в данном случае это не верхненитранский говор, который по своему характеру является среднесловацким.

Можно привести еще целый ряд примеров, подтверждающих гипотезу существования наддиалектного образования, формирующегося на территории Средней Словакии и характеризующегося преобладанием в нем общесловацких и северных среднесловацких особенностей, например: отсутствие в южных среднесловацких песнях упрощения групп *dn*, *dl*; отсутствие примеров склонения неодушевленных существительных с основой на заднеязычный по мягкой разновидности; некоторые особенности в отражении результатов вокализации бывшего *ъ* и т. д.

Анализ западнословацких песен также свидетельствует о престиже среднесловацкого диалекта и его участии в формировании фольклорно-поэтического койне и на территории Западной Словакии. Следует заметить, что наиболее сильным это влияние оказывается в районах, непосредственно прилегающих к Средней Словакии. Значительное сходство языка среднесловацких песен и языка западнословацких песен, возникших на прилегающих к Средней Словакии территориях, является вполне естественным, так как, во-первых, контакты между населением этих территорий были особенно интенсивными, а во-вторых, территориальные диалекты также имеют целый ряд сходных черт.

Узко локальные западнословацкие диалектные особенности представлены лишь в песнях, записанных в периферийных областях. В качестве примера приведем отражение результатов изменения $l > u$, представленное в загорских песнях. Ср. примеры: *Zuata, stríbra, statky / a inšé dúchodky v hojnosci má. Ceruško miua, premiua, sceš-li za pána ít?* (VII—349, s. 519).

Одной из узко локальных особенностей окраинного скалицкого говора является отсутствие в его системе согласного *dz*, который изменился в *z*. Во всех же других словацк их говорах этот согласный присутствует. В скалицких песнях нами были обнаружены примеры как с согласным *z*, так и *dz*, т. е. локальная особенность хотя в языке песен и представлена, но она вытесняется общесловацким элементом. Ср. примеры: *Jednou rukou pila, druhou sa topila. / Zezte ma, rybičky!* (XII—7, s. 25); *Už ju odsudzujú, / že ju zamurujú* (XII—47, s. 62).

Аналогичным примером из области скалицкой морфологии является наличие флексии *-u* в формах глаголов 1 лица единственного числа настоящего времени. Ср. пример из скалицкой песни: *Počkajte, postojte, moji draží páni, / až sa já napiju vodičky v Dunaji* (XII—47, s. 62).

Тем не менее, в этой же песне представлены также формы с флексией *-m*, являющейся общесловацкой: *Počkajte, postojte, moji draží páni, / až já zadekujem za vychovávaní. Dekujem, dekujem, múj pantáto milý, / za dobré chováni, za zlé vydáváni.*

Большое значение для изучения фольклорно-поэтического койне имеет изучение отражения ассибиляции (изменения $t' > c$, $d' > dz$) в песнях западнословацкого происхождения. Ассибиляция широко представлена в западнословацких говорах, однако в западнословацких песнях она фиксируется крайне редко и лишь в периферийной области. Ср. примеры из загорской песни *ja ci jedného starého scem pána poradit? ... a ja s tým starým šedzivým do smrci mosím byt* (VII—349, s. 519).

Пример ассибиляции был нами обнаружен и в тренчинской песне (видимо, верхнетренчинской): *Ej veru, mamenko, sobota prichodzí, / ja nemám frajera, ktože ma zobudzí* (VI—2, s. 344).

Как правило же, в тренчинских песнях ассибиляция отсутствует. Ср. примеры: *Už nám Pánboh pomohou, pomohou, / iným l'ud'om nemohou, nemohou* (VIII—85, s. 572); *Už my domov ideme, ideme, / čo večerat' budeme, budeme?* (VIII—85, s. 572); *Ked' ho ty napaseš, do maštal'ky zavri* (IX—24, s. 602).

В других западнословацких песнях ассибиляция не фиксируется, несмотря на то, что она характеризует соответствующий территориальный диалект. Ср. примеры из грнавских песен: *Mati sedí u lavičky, / drobí kúrky do vodičky* (XII—10, s. 28); *druhá plače, že ju mal vziat'* (XII—36, s. 53); *...že ja na nich viset' budem* (XII—36, s. 53); *vidím ja tam šibeničky, / na nich biele holubičky* (XII—36, s. 53).

Особый интерес представляют инфинитивы на *t'*, которые невозможны не только в трнавских, но и в подавляющем большинстве других западно-словацких говоров, т. е. данное явление является очевидным среднесловацким.

Может возникнуть предположение, что Я. Коллар сознательно устранил слова и формы с ассибиляцией из текстов песен под влиянием родного турчанского говора, а также, возможно, чешского литературного языка. Обращение же к текстам восточнословацких песен показывает, что подобное предположение было бы необоснованным: в восточнословацких песнях ассибиляция представлена достаточно последовательно. Ср. примеры из шарипских песен: *Košulečka z lenu, okolo nej dzirka, / so ju vyšivala tota panska dzivka* (V—22, s. 302); *Jaj, povedz mi, povedz, moja mila stala, / kdze še naša perša l'ubosc započala* (XIV—174, s. 244); *Kedz unidzim, kedz uvidzim, ta zle budze, / tak ci zrobitim, že ce zradzim, britka budzeš* (XIV — 225, s. 251).

Показателен и факт распространения в песнях западнословацкого происхождения монофтонгизированных долгих гласных.

В скалицких и загорских песнях отсутствуют слова и формы с дифтонгами, что объясняется отсутствием дифтонгов в скалицком и загорском говорах, например: *Zuata, stribra, statky / a inšé dúchodky / v hojnosci má* (VII—349, s. 519); *čert môže vzít* (VII—349, s. 519); *Spívaj si len, milý sejčku, / spívaj ... písničku* (XII—47, s. 62).

В тренчинских и мьявских песнях преобладают формы с дифтонгами, что также естественно, так как тренчинские и мьявские говоры характеризуются именно наличием дифтонгов. Ср. примеры: *A vy rečte: o Bože! o Bože! / i vám Pánboh pomuože, pomuože* (VIII—185, s. 572); *a ty, moja milá, do postiel'ky l'ahni* (IX—24, s. 602); *Vyliala se Myjava, / všecy mosty pobrala* (XIV—202, s. 246); *... vašu dcéru krásnú / jako hviezda jasnú* (XIII — 11, s. 82).

Особый интерес в этом плане представляют трнавские и нитранские песни, в которых достаточно широко представлены формы с дифтонгами, хотя в соответствующих говорах они отсутствуют. Ср. примеры: *druhá plače, že ju mal vziat'* (XII — 36, s. 53); *Postielečku stielala, / tak žalostne plakala* (XII — 3, s. 16); *Ach, muoj milý, srdce moje, / kde si podel oči moje?* (XII—36, s. 51); *Prišla k nemu jeho milá, / doniesla mu rozmarína* (V—126, s. 326); *puojdeme ich na ulicu čekat', / budú se nám na kurtečke lištat'* (V—29, s. 304). *Ho: ide on k oltáru, ruce sváže, ruce sváže* (VII—209, s. 475); *Ked' ja preň místečka nikde nemám, nikde nemám* (VII—209, s. 475); *Namočte mi šatku vínkem, / zavážte mi hlávku krížem* (XII—14, s. 33); *Dorubali, dosekali / místa na nem nenechali* (XII — 14, s. 33).

В первых примерах показаны среднесловацкие формы, не характерные для указанных говоров.

В текстах представлен и целый ряд других фонетических и морфологических особенностей, свидетельствующих о значительном влиянии северных среднесловацких говоров на язык западнословацких песен. В частности, например, в тренчинской песне нами была обнаружена вокализованная форма предлога *ko*, которая распространена преимущественно в среднесловацких говорах [9], например: *Zajdi mi, sluňatko, však mi ráno vyjdeš, / povedz mi, muoj milý, kedy ko mne prídeš?* (VI—26, s. 349). Вероятно, среднесловакизмом следует признать и формы причастий на *l* со вставным гласным *o* и измененным конечным *l* в *u*, фиксируемые также в тренчинских песнях, так как вставной гласный *o* не характерен для нижнетренчинских говоров, а конечное *u* — для верхнетренчинских (верхнетренч. *romohol*, нижнетренч. *romohou*). Ср. примеры: *Už nám Pánboh romohou, romohou, / iným l'ud'om nemohou, nemohou* (VIII—85, s. 572).

Представляется, что среднесловацкой следует считать и форму *slniečko* со слоговым *Ľ* в тренчинской песне, хотя в восточных нижнетренчинских говорах подобная форма все же возможна. Ср. примеры: *Zajdi mi, sluňatko, však mi ráno vyjdeš* (VI—26, s. 349); *Za rana, za rana slniečko horúce* (IX—24, s. 602).

Очевидным среднесловакизмом является наличие в мьявских песнях слов с мягкими согласными *t'*, *ň*, что невозможно в соответствующем говоре. Ср. примеры: *Než bych sa já pro ňu sekal, / radši bych ju, bratre, nech* (XII—14, s. 33); *prosím vás, i v ten čas, / dajte se mi pro mú milú rúbat' zas, rúbat' zas* (XII—14, s. 33).

Перечисление подобных примеров можно было бы продолжить.

Итак, анализ языка «Национальных песен» Я. Коллара показывает, что среднесловацкие и общесловацкие языковые особенности являлись чрезвычайно экспансивными, вытесняющими узко локальные диалектные элементы. Языковые данные позволяют сделать вывод о том, что на базе северных среднесловацких говоров действительно формируется фольклорно-поэтическое койне, хорошо известное как в южных районах Средней Словакии, так и в Западной Словакии: особенности северных среднесловацких говоров широко представлены в песнях указанных регионов. Восточнословацкие же песни в значительной степени сохраняют свои диалектные особенности и либо не испытывают среднесловацкого влияния вообще, либо испытывают очень слабое.

Рассматриваемое наддиалектное образование не ограничивалось лишь рамками народной поэзии. Так, Э. Паулини [40] отмечал определенное единообразие фонетики и морфологии сказок, собранных и изданных Й. Поливкой [41]. Кроме того, известны факты, свидетельствующие о том, что данное языковое образование перерастает границы чисто фольклорного койне, так как на нем появляются произведения художественной литературы. Эти вопросы, однако, требуют специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод.— Вопросы языкознания, 1967, № 1, с. 23.
2. *Paulíny E.* Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Stúrom.— Slovenská reč, XXI, № 3—4, s. 185.
3. *Рупка И.* Место диалектов в совокупности образований национального языка.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XX. М., 1988, с. 256.
4. *Лифанов К. В.* Наддиалектные образования в истории словацкого языка.— Вестник Московского университета, сер. 9. Филология. 1989, № 1, с. 46—48.
5. *Kollár J.* Národné spievanky, z. I—II. Bratislava, 1953.
6. *Paulíny E.* Edičné poznámky.— In: *Kollár J.* Národné spievanky, z. II. Bratislava, 1953, s. 609.
7. *Paulíny E.* Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Stúrom.— Slovenská reč, XXI, № 3—4, s. 182.
8. *Palkovič K.* Slovenské nárečia. Banská Bystrica, 1981, s. 89.
9. Atlas slovenského jazyka, d. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Bratislava, 1968, s. 65.
10. *Paulíny E.* K prameňom štúrovskej kodifikácie.— Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatúry, r. XII, Praha, 1968, s. 27.
11. *Polivka J.* Súpis slovenských rozprávok, z. I—V. Martin, 1923—1931.

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ НЕСКОЛЬКИХ
РУССКИХ АРГОТИЗМОВ

Традиция этимологического изучения арготизмов восходит к классической работе В. Ягича о тайных языках у славян [1]; арготизмы (в частности, слова «блатной музыки») включил в свой «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмер [2], к жаргонизмам обращались и другие этимологи [3—6]. Арготическая лексика не только интересна в этимологическом плане, но и зачастую ставит перед исследователем проблемы, выходящие за рамки собственно этимологических, так, например, выявление заимствований в арго способно внести вклад в изучение языковых контактов на территории Восточной Европы.

Ниже мы предлагаем несколько этимологий русских (в основном старых, засвидетельствованных в литературе XIX — начала XX в.) арготизмов.

Бани, бана 'часы' [7, с. 14; 8, с. 448].

Представляется возможным связать это слово с польск. *bania* 'купол, луковица, нечто, имеющее выпуклую, пузатую форму, форму луковицы', чеш. *bán, báňe* то же. Называть часы по их форме, напоминающей луковицу, вошло в обычай, вероятно, тогда же, когда в Европе были в моде часы-луковицы — карманные часы сферической, а впоследствии более плоской формы стали изготовлять в начале XIX в. (см. [9]). Таким образом в номенклатуре европейских жаргонов появились часы-луковица: русск. *луковица* 'серебряные часы' [7, с. 47], польск. *cybula* 'карманные часы' [10, с. 36], чеш. *sibule* то же [11, S. 18], ротвельш *Zwiebel* то же (впервые — в 1812 г.) [12], франц. *oignon* название старинных часов сферической формы [13]. Исходя из общего контекста западнославянских заимствований в русском воровском арго (о чем ниже), а также из отмеченной реально-типологической закономерности, предлагаем объяснять русск. жарг. *бани, бана* 'часы' как ассимилированное название часов-луковицы, заимствованное из польского или чешского.

Лопатина 'бумажник у простого, но состоятельного человека', *лопатка* то же, *лопатник* то же, *лопатошник* то же [7, с. 47; 14, с. 35; 15, с. 74; 16, с. 14; 17, с. 5]; ср. в арго мелких торговцев г. Кашина *лопатошник* 'бумажник или кошелек для хранения бумажных денег' [18].

По обилию фиксаций и их географической разбросанности *лопатошник* 'бумажник' может считаться в воровском и смежных арго общераспространенной лексемой. Известна, однако, предпочтительная принадлежность данной реалии, а следовательно, и лексемы, простонародному, точнее, деревенскому элементу низов общества. «Есть карманные воры, которые воруют уже у „грача“ (богатого простого человека.— Т. Н.). ... Это по наружности уже не джентльмены, а напоминают довоенных приказчиков, артельщиков или средней руки купцов. Такие воры про-

исходят всегда из русских. Процесс вытаскивания бумажников у них тот же, как и у „аристократов“, только бумажник с деньгами и документами у них называется не „кожа“, а „лопатник“. Если им случается украсть бумажник без документов, а только с деньгами, то о такой краже они говорят „поторговали гольем“. Вообще жаргон их состоит больше из русских слов, в противоположность „аристократам“, у которых преобладают еврейские выражения» [16, с. 14—15].

Естественно предположить, что носители арго, попавшие в преступный мир из деревни, — бывшие крестьяне или мелкие торговцы, — вовлекают в арго диалектизмы, не известные языку города и к тому же способные натолкнуть на ложную ассоциацию с общезыковым словом. Именно таково русск. диал. (твер., калин., новг., волог., костром., яросл., псков.) *лопáточник*, *лопáтник* ‘футляр для бруска, которым точат косу’ [19, вып. 17, с. 135], произведенное от названия бруска для заточки косы — реалии, хорошо знакомой сельскому жителю.

Нитка ‘граница’, *рвать нитку* ‘переходить границу’ («у контрабандистов» [14, с. 42]); с пометой зап. — «у преступников западной части России» [7, с. 58].

В этом арготизме можно видеть и метафору, однако предпочтительнее, по нашему мнению, было бы трактовать его как кальку с франц. *cordon* ‘бичевка, шнур; кордон’.

Представляется возможным определить место возникновения арготизма. Из славянских языков значение ‘граница’ имеет укр. литерат. и диал. *кордон* (*Ой звидіть ти? — З-за кордону* [20]) и польск. *kordon* (*za kordonem, zza kordonu, emigrować za kordon*) [21], ср. там же *przelamać, rozerwać kordon*. Область распространения польских и украинских говоров — эта локализация вполне соответствует пометам, сопровождающим жарг. *нитка*, *рвать нитку*, однако очертить границы распространения данного арготизма можно точнее, если обратиться к экстралингвистическим сведениям. После отмены в 1850 г. таможенной границы между Россией и Королевством Польским самым крупным центром контрабандистов, проникавших в западную часть России, оставалась Галиция. (О Галиции как о центре международного общения преступников Восточной Европы и, соответственно, о ее роли в истории европейских арго, см. [22; 16, с. 28; с. 47—48; 23].)

Фукá пустить ‘поджечь’.

Засвидетельствовано в жаргоне беспризорных (запись 1924 г. в Чите [24]). Для этимологизации этой лексемы, незасвидетельствованной в известных нам словарях русских арго, существенно следующее заключение исследователя детских жаргонов 1920-х годов: «В материалах жаргона, как беспризорных, так и школьников, — материалах, собранных в разных местах и концах Советского Союза, поражает их большое взаимное сходство... Это один и тот же жаргон, основывающийся на блатном арго» [25 (см. также [26; 27]).

Не останавливаясь на возможности связать арготизм *фукá пустить* ‘поджечь’ со звукоподражательным гнездом русск. *фукать*, укр. *фукати* и т. д., что потребовало бы объяснить нестандартное семантическое развитие ‘дунуть, фыркнуть’ → ‘поджечь’, будем считать русск. жарг. *фукá пустить* заимствованием из чеш. жарг. *fouk* ‘огонь’ [11, S. 23], здесь же *foukavý* ‘шелковый [-искрящийся]’, *foukovnice* ‘фонарь’, а также дублетные формы к *fouk* — *fojk*, *funk* ‘огонь, свет’. В чешском арго это слово — из ротвельша, немецкого жаргона; *Funk*, *Fonk* ‘огонь, свет, спичка’, *funken* ‘гореть, поджигать’ [12, S. 107], ср. идиш *funk* ‘искра’, также в форме *fun’k* [28]. Представляется, что в пользу нашей этимологии говорят как известные связи русского воровского арго с восточноевропейскими (контакты, локализуемые большинством авторов на территории Галиции), так и более частное наблюдение О. Н. Трубочева, заметившего по поводу этимологии русск. (простореч. бранн. из вор. арго) *шкет*, что «целый ряд важных слов разговорно-просторечной сферы, а также более низких стилистических сфер русского словаря заимствован относительно недавно именно из чешского языка» [4, с. 134].

Шемяга 'платок' [15, с. 254; 7, с. 95]; «платок — лепень, но шемяга — носовой обыкновенный» [8, с. 455].

Не исключено, что недостаточно ясное «шемяга — платок» (впервые [15]) переходило затем из одной работы в другую; возможно, впрочем, и влияние на неустойчивость значения *шемяга*, оказанное полисемией русск. *платок*. Не довольствуясь объяснением, данным для *шемяга* в сноске [15, с. 254], обратимся в поисках точного значения лексемы к контексту, в котором она появляется в романе В. Крестовского: «Тетка! Ты мне дай свою шемягу ковровую... Шемяга у нас заместо ризы пойдет... — Что и поп, коли ризы нет,— усмехнулась солдатка и достала из сундука широкий большой платок с бахромой и пестрыми разводами... Один из затейников свадьбы ушел за перегородку и вышел оттуда в распущенном ковровом платке, который он обвязал двумя концами вокруг своей шеи...» [15, с. 246—250]. Итак, *шемяга* — это большой платок, который набрасывают на плечи, повязывают на голову, вокруг шеи.

Мы предлагаем рассматривать данный арготизм как образование типа *душегрейка, телогрея*, т. е. композит со значением 'то, от чего мягко шев' / 'то, что мнет шею'. Подобные описательные названия предметов одежды (и не только одежды) часты в арготической лексике, ср., например, русск. жарг. *надглазница* 'шапка', *тепло, теплуха* 'шуба', *чертогон* 'нательный крест', франц. жарг. *porte-poigne* 'перчатка', *coupe-en-deux* 'пояс'.

Интересно, что *шемяга* — это, вероятно, еще одна косвенная фиксация незасвидетельствованного апеллатива **ši-meġka* (о *Шемяка, Шемякин, Шемяков* см. [29]); ср. также фамилию/Москва/ — *Шемягина*). Жарг. *шемяга* восходит к **шемяка* 'тот, кто мнет шею' с характерным для арготической лексики переосмыслением — перенесением функции деятеля на предмет — и последующим переразложением по типу действительных с экспрессивным *-яга*.

Шмáнать, шимонать 'ощупывать, обыскивать' [7, с. 96; 14, с. 67], *шмонить* 'ощупывать' [17, с. 7], *шмон*, 'ощупка, обыск'; (о)шмáлать 'ощупать', о / *ашмалаш* 'ощупка' [15, с. 74].

Из этой группы лексем вниманием этимологов пользуется а / *ошмáлаш*, чье иноязычное происхождение не подвергалось сомнению [2, т. III, с. 180; 30; 31]. Этимология Н. К. Дмитриева, повторенная И. Г. Добродомовым, состоит в возведении русск. жарг. *ашмалаш* к тюрк. (пов.-тат., башк., узб., тур.) *aşnalaş* 'ознакомление' (из перс. *aş(e)na* 'приятель, знакомый'). По ряду причин это объяснение кажется нам недостаточно убедительным: соответствующий глагол 'знакомить' не засвидетельствован; семантика тюркских слов (тат. *äşnä*, башк. *äşnä*, узб. *oşna* 'знакомый, приятель') далека от сугубо конкретного значения 'ощупывать, обыскивать, шаря руками по одежде, телу обыскиваемого', а предполагать дальнейшее развитие семантики для арготизма-заимствования без соответствующего обоснования представляется слишком произвольным допущением. Без натяжки можно объяснить а / *ошмáлаш* как результат обычной для арготизма маскировки общепонятных русских слов под иностранные, звучащие не по-русски; из тюркообразных жаргонизмов такого рода можно привести в пример *шишбала* 'вор-половинщик низшего разряда' [14, с. 66] — отсутствие этого образования в тюркских языках констатируется Н. К. Дмитриевым, а близость к русск. *шижголь, шишара, шишира, шушера* 'сброд' кажется вполне правдоподобной.

Полное совпадение семантики и не выходящие за рамки экспрессивной вариативности фонетические расхождения лексем *шманать* и *шмáлать* позволяют, на наш взгляд, объединить их. Далее мы предлагаем связывать *шма / онать, шмон* с русск диал. (псков., твер.) *смонуть* 'чесать, например, тело', 'шаркать ногами по полу' [32, с. 247], *смонуть ветку* '(о)шмыгнуть, броснуть', 'чесать, шоркать' [33, т. IV, с. 242], *шмóннуть* 'чесать' [32, с. 308], *насмонуть* 'нарвать листьев с веток, пропустить ветки между сжатými в кулак пальцами' [19, вып. 20, с. 176], *осмóннуть, осшмонить, осмонуть* 'ошмыгнуть, обтереть, оборвать, шмыгнув, оброснуть' [33, т. II, с. 723; 32, с. 163]. (Мы оставляем в стороне вопрос о возможной связи *смонуть, осшмонить* с русск. диал. *шмонить* 'лодыр-

ничать, болтаться', *шмон* 'бездельник, лентяй', *шмольник* 'скряга, попрошайка'; см. о них [2, т. IV, с. 460].)

Собственно *ашмалаш*, *шмон*, ошупка, т. е. обыск с целью обнаружить нечто, спрятанное на теле, в одежде, производится резкими движениями рук, плотно прижатых к поверхности, шаркающих по ней, так что разница между значениями 'осмонуть, обдергать' и 'ошманать' оказывается невелика; приведем, кроме того, примеры аналогичного семантического развития: русск. *прочесывать* 'тщательно искать' ~ *чесать*; русск. *шарить* ~ *шаркать*, *шаркнуть* 'скрести, тереть', русск. диал. *шаргать*, *обшаргать* 'захватить руками, сгладить неровности' [2, т. IV, с. 408—409]; болг. диал. (родоп.) *пџтара* 'обшаривание, поиск', *терам* 'искать' из слав. **tџrati* < **terti* 'тереть' [34].

Что касается русск. диал. (о)смонуть, то его этимология, в вопросительной форме высказанная М. Фасмером: «Возм., связано с *мотать*?» [2, т. III, с. 691], представляется единственно верной. С формальной точки зрения она не встречает трудностей: упрощение группы *-tn-* в производных глаголах на *-n-* — процесс закономерный (см. подробно [35]). Семантическая деривация 'мотать' > 'осмонуть' находит параллель в паре (о)броснуть 'осмонуть' ~ *бросать*, так как *мотать* < **motati* восходит в конечном счете к слав. **metъ*, *mesti* 'бросать' [2, т. II, с. 614; 36].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jagiџ V.* Die Geheimsprachen bei der Slaven.— Sitzungsberichte der phil.-hist. Kl. der Wien. 1896, Bd. V, S. 133.
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
3. *Абаев В. И.* Из истории слов. I.— Вопросы языкознания, 1958, № 1.
4. *Трубачев О. Н.* Этимологические мелочи.— В кн.: Этимология. 1964. М., 1965.
5. Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967.
6. *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
7. *Попов В. М.* Словарик воровского и арестантского языка. Киев, 1912.
8. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Ч. I. СПб., 1871.
9. *Пяпуняров В. И.* История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982, с. 270—272.
10. *Utaszyn H.* Język złodziejski. Łódź, 1951.
11. *Rippl E.* Zum Wortschatz des tschechischen Rotwelsch. Reichenberg, 1926.
12. *Wolf S. A.* Wörterbuch des Rotwelschen. Deutsche Gainersprache. Mannheim, 1956.
13. *Esnault G.* Dictionnaire historique des argots français. Paris, 1965, p. 458.
14. *Траштенберг В. Ф.* Блатная музыка. («Жаргон тюрьмы.») СПб., 1908.
15. *Крестовский В. В.* Петербургские труппы. Т. III. М.— Л., 1937.
16. *Брейтман Г. Н.* Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901.
17. *Ванька Бец.* Босаяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босаяками. Одесса, 1903.
18. *Смирнов И.* Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губ. и их условный язык.— ИОРЯС, 1902, т. VII, № 3, с. 96.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—25. Л., 1966—1990.
20. *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Т. II. Киев, 1908, с. 283.
21. *Skoricka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Т. I. A — P. Warszawa, 1974, s. 46.
22. Язык и литература, 1931, № VII, с. 114.
23. *Budziszewska W.* Żargon ochweśnicki. Łódź, 1957, s. 9.
24. *Виноградов Г.* Детские тайные языки.— Сибирская живая старина, 1926, № 2(6), с. 104.
25. Труды комиссии по русскому языку, 1931, № 1, с. 141—142.
26. *Щепотьев В.* Мова наших школярів.— Етнографічний вісник, 1926, № 3.
27. *Копорский С.* Воровский жаргон в среде школьников.— Вестник просвещения. Журнал МОНО, 1927, № 1.
28. *Wolf S. A.* Jiddisches Wörterbuch. Mannheim, 1962, S. 112.
29. *Трубачев О. Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России.— В кн.: Этимология, 1966. М., 1968, с. 53.
30. *Дмитриев Н. К.* Турецкие элементы в русских арга.— Язык и литература, 1931, № VII.
31. *Добродомов И. Г.* Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии.— В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
32. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1868.
33. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955).
34. Этимология. 1980. М., 1982, с. 25—26.
35. *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфология, словообразование и этимология. М., 1984, с. 143—145.
36. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 107.

ДЕЛЛЬ АГАТА ДЖУЗЕППЕ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД «ЦАРСТВА СЛАВЯН» МАУРО ОРБИНИ

Общеизвестно, что «Царство Славян» М. Орбини смогло стать важнейшим источником для сербской и болгарской историографии XVIII в. только благодаря русскому переводу, появившемуся в Санкт-Петербурге в 1722 г. Но не столь известно, что же представляет собой этот «русский перевод».

Некоторые ученые, например, Дринов, Ягич, Пенев, Велчев, Динев, Вольман, Дуйчев считают данный текст «русским переводом» [1], другие, например, Ангелов и Райков, определяют его как «русское издание» [2].

Первое критическое определение текста русского перевода (не слишком благосклонное, и к тому же сделанное мимоходом) как «перевода посредственного, сокращающего и обедняющего итальянский текст, и даже приблизительно не напоминающего образность и изобразительность оригинала» принадлежит А. Крония [3].

Уже начиная с монографии Радойчича, становится ясно, что русское издание представляет собой сильно сокращенный текст. Во вступительной статье к болгарскому переводу частей «Царства Славян», относящихся к национальной истории, Н. Драгова ссылается на русского Орбини как на «компендиум» или «адаптацию» [4]. И. Конев указывает на полное отсутствие работ, анализирующих русский перевод в сопоставлении с итальянским оригиналом [5]. В сербском ареале Р. Самарджич определяет текст как «русско-сербскую обработку», а М. Павич как «превод на руско-словенски». Обе оценки языкового характера нашего перевода — неудовлетворительны. Считаю полезным привести полностью определения Самарджича и Павича:

«Сава Владиславий није превео целога Орбинија — што се редовно превииа — него је изабрао из њега неколике одељке и преточио их с талијанскога језика на неку мешавину рускога, црквенословенскога и српскога. Значи, журило му се, али ипак је Орбинијев увод и списак писаца из њега пренео у своју књигу на првих тринаест страна, са засебном пагинацијом» [6]; «Владиславићев превод, мора се рећи, сасвим је својеврстан, по много чему. То заправо и није прави превод, већ извод и скраћена верзија Орбиновог списка, по избору и личном нахођењу преводиоца. Својеврстан је, не мање, и језик у који је «Краљество Словена» на овај начин пренесено: то је нека необична мешавина руског, српског и црквенословенског» [7].

Цель данной работы — рассмотреть более конкретно соотношение итальянского оригинала и русского перевода «Царства Славян».

Перевод «Царства Славян» является органической частью программы, предусматривающей перевод и издание самых разнообразных историче-

Делль Агата Джузеппе — профессор славистики Пизанского университета.

ских произведений, часто осуществлявшейся под личным наблюдением Петра Великого. Здесь мы находим «Книгу Квинта Курция о делах содеянных Александра великого царя Македонского», переведенную с латинского (1709, 1711, 1717, 1722, 1724); «Историю в ней же пишет о разорении града Трои» (1709, 1712, 1717); «Историю о разорении последнего Святого града Иерусалима, от римского цесаря Тита сына Веспасианова» (1713, 1716, 1723); «Краткое описание о войнах, из книг Цесариевых» (1711) и др. Основной частью программы являются четыре перевода исторических трудов XVII в., свидетельствующих о значительном идеологическом и конфессиональном плюрализме, призванных внести лепту в процесс культурной модернизации России: строго католические «Деяния» Барония (1719), переведенные с польского компендиума Скарги, «Введение в Гисторию европейскую» Пуфендорфа, переведенное с латинской версии немецкого оригинала (1718, 1723), «Феатрон или позор исторический» протестанта Стратемана (1724) и упомянутое «Царство Славян» (1722).

Длинное заглавие русского издания, утверждающее, среди прочего, что «Книга историография» «переведена» и «напечатана повелением... Петра Великого», не содержит имени переводчика, но свидетельства современников позволяют с точностью указать на Савву Лукича Владиславича, купца, дипломата, «человека на все руки», приближенного Петра.

Савва Лукич Владиславич (1669—1738), «иллирический граф», известный и под именем Рагузинского, из Герцеговины, переселяется в Россию, после пребывания в Рагузе, Венеции и Константинополе (где становится русским агентом) и на протяжении всей своей жизни совмещает с большой выгодой для себя коммерческую, дипломатическую и политическую деятельность. Становится советником Петра по турецким делам, и в частности, по балканской политике, активно участвует в злополучном походе, окончившемся на Пруте в 1711 г. Несколько лет живет потом в Рагузе и Венеции, с 1725 по 1728 г. находим его в качестве русского посла в Китае [8]. Его литературная деятельность ограничивается «Секретной информацией о Китае» [9], преподнесенной императрице Анне, неопубликованным переводом с итальянского «Советов Соломона» [10, т. I, с. 253—254], посвященным Петру, и переводом «Царства Славян».

Об интересе Петра к переводу говорит его письмо Синоду из Астрахани (июль, 1722) во время персидского похода: «Книгу, которую перевел Савва Рагузинский о славенском народе с итальянского языка..., другую, которую переводил князь Кантемир, о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда не мешкая, буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать» [11]. Феофану Прокоповичу приписывается, по установившейся традиции, инициатива перевода Орбини, его редактирование и послесловие, в котором, с точки зрения православной церкви, оспариваются папские заслуги по отношению к кирилло-мефодиевской миссии. В действительности же инициатива перевода не может быть приписана Феофану, который приезжает из Киева в Санкт-Петербург в октябре 1716 г., в то время как работа, или по крайней мере ее первая часть, была закончена уже в 1714 г. Кроме того, известно, что историческо-догматический ответ на «повесть ложную о славенских наших апостолах — Мефодии и Кирилле» был заказан Мусиным-Пушкиным Феофилакту Лопатинскому и написан последним до конца июля 1716 г. [12]. Инициатива перевода принадлежит, по всей вероятности, самому Петру, который увидел в православном рагузинце, знатоке итальянского языка и дел балканских славян, идеального переводчика. Его интерес к переводу во время важной военной операции можно считать дальнейшим доказательством этого предположения.

Что касается авторства послесловия, мы присоединяемся к гипотезе, высказанной П. Н. Берковым: ознакомившись с текстом Лопатинского, Феофан мог счесть его неудовлетворительным и заменить последний текст, написанным им самим [12].

Во всяком случае, кажется странным, что ученые, за исключением

Радойчича, не заметили важное свидетельство Татищева, современника переводчика, которое мы приведем здесь полностью:

«В исходе 1723-го году, как я паки из Сибири возвратился, иллирический граф Владиславич сообщил мне книгу, сочиненную в Далматии игуменом Мауроурбином Историю славян, которую он выбором по его разсуждению нужное перевел и в 1722-м в Санкт-Петербурге напечатана. Сия, как я токмо сначала великой его кафалог употребленных к сочинению оной книг увидел, то я мнил, что в ней нужно быть всему тому, что к сочинению славенорусской истории требовалось. Но как токмо половину прочел, то я сожалел о бумаге и моем времени, туне потерянном, паче же и о том, что оная многих неведущих может к вероятною его басен и сусчих лжей склонить и обмануть. В ней, во-первых, что славяном народы нимало не принадлежасчие, яко готов, остроготов, гепидов, аваров, датчан, шведов и другие многие, присвоил. Второе, начало славян от Скандинавии произвел. Третье, победы над всеми народами и овладение трех частей мира и точно всю Азию, Европу и в Африке часть славяном приписал. Он, писав ту историю, хотя негде авторов воспоминает, но ни книг, ни токмо глав или статей, и годов не объявляет, потому, мню, что он ту роспись книгам негде списал, а тех книг не читал, да и не можно, потому что находятся в том кафалог книги, о которых токмо древние упоминают и давно за погибшие счисляют, а многих я нигде не нашел. Я мню, что в сочинении тоя не столько Мауроурбин, сколько оный италянский граф, переводя, погрешил, ибо то довольно известно, что оный граф более в торгу, нежели философии обучен был, и лутче умел деньги, нежели книги читать. Что же во оной книге для утверждения власти папжской над Русиею влетено, оное Феофан Прокопович, преученый архиепископ, достаточно возразил, а при напечатании той книги в конце приобрчил» [13].

Таким образом, Татищев считает Савву Владиславича, которого он ошибочно принимает за «итальянца», автором русского перевода. Более того, он добавляет, что перевод он получил от самого Саввы, и характеризует его как выборочный: «выбором по его разсуждению нужное перевел», вероятно, основываясь на информации, полученной прямо от Саввы.

В Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина хранятся два рукописных перевода первой части труда (до с. 184 соответствующего печатного издания). В одном из них имеется приписка, где читаем, что перевод «на российский язык» сделан в Санкт-Петербурге в 1714 г. «от некотораго доброжелателя» [10, т. II, с. 577].

Исходя из этого, вслед за Пекарским Й. Дучич, автор единственной обширной исторической монографии о Савве, утверждает: «На жалост, Владиславић је превео само први део ове књиге у којем је реч о Словенима уопште» [14]. Кажется очевидным, что автор не имел в распоряжении экземпляр русского издания.

Рассмотрим, что в действительности представляет собой русское издание «Царства Славян». В первую очередь рассмотрим общее содержание труда, потом перейдем к анализу четырех его частей. Уже Пекарский заметил, что опущены «Посвящение» Бобали и гербы некоторых династий. Приведем здесь список частей, опущенных в русском переводе:

А. «Посвящение» А. Бобали (4 с. б. н.).

Б. Две иллюстрации: 1. Славянин Германского моря.
2. Славянин Иллирика.

В. Два предисловия к итальянскому тексту «Барского родословия»:
1. Дон Мауро Орбини читателю (с. 204).
2. Предисловие автора «Барского родословия» (с. 205).

Г. Список иллирических правителей (с. 240—241)

Д. Гербы семей: 1. Герб Немани; 2. Вукашина; 3. Алтомана;
4. Балса; 5. Князя Лазаря; 6. Боснии;
7. Герцогов св. Саввы; 8. Хельмска; 9. Хорватии; 10. Болгарии.

Е. Все генеалогические древа:

1. Немани; 2. Вукашина; 3. Алтомана; 4. Балса; 5. Лазаря; 6. Котромана; 7. Косача

Ж. Предметный указатель (26 с.) и, наконец, список опечаток и издательских листов.

Другие опущения — некоторые из них довольно значительные — будут указаны ниже.

Помимо опущений, русское издание содержит, как было указано выше, важное добавление под названием «Разсмотрение сея повести», где на с. 1—3 повторяется рассказ о христианизации Моравии Кириллом и Мефодием, а с. 4—11 содержат опровержение Прокоповичем папских тезисов Орбини.

«Царство Славян» легко подразделяется на четыре раздела:

Общая часть — «Первоначалие Славян и происхождение державства их», которой предшествует описание Скандинавии, список «историографов сей истории» и предисловие дон Мауро Орбини читателям (6 б. н. с. 1—203).

Перевод «Барского родословия» (с. 206—239), также снабженный двумя предисловиями — Орбини и самого Диоклеатина (с. 204—205).

Продолжение последней части, описывающее события династии Неманей и содержащее обзор истории Боснии, Хельмска, Хорватии и Болгарии (с. 244—396). В действительности часть, касающаяся Болгарии, представляет собой отдельный трактат, на что указывает сам Орбини на с. 137: «о Болгарии рассказу в специальном трактате в конце сочинения», которому предшествует новое «Предостережение к читателю».

1. «Первоначалие Славян и происхождение державства их». Начнем с количественных данных: текст оригинала содержит 209 страниц. При приблизительном подсчете ему должно бы соответствовать более 300 страниц перевода. В действительности же имеем всего 172 с. (с. 13—184). Таким образом, текстуальный материал сокращен приблизительно на $\frac{1}{3}$. Сопоставим в первую очередь соответствующие титульные листы.

Il Regno de gli Slavi hoggi corrottamente detti schiavoni, historia di Don Mavro Orbini ravseo abbate melitense. Nella quale si vedel'Origine quasi di tutti i Popoli, che furono della Lingua Slava, con molte e varie guerre, che fecero in Europa, Asia, e Africa; il progresso dell'Imperio loro, l'antico culto, e il tempo della loro conversione al Christianesimo. E in particolare veggonsi i successi de'Rè, che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Russia, e Bulgaria.

In Pesaro. Appresso Girolamo Concordia, Con licenza de'Superiori M. DCI.

Книга историография початия имене, славы, и разширения народа славянского. И их Царей и Владетелей под многими имянами, и со многими Царствами, Королевствами, и Провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез Господина Мавроурбина Архимандрита Рагужского.

В которой описуется початие, и дела всех народов, бывших языка Славянского, и единого отчества, хотя ныне во многих Царствях розсеялися чрез многие войны, которые имели в Европе, во Азии, и во Африке. Разширения их Империи, и древных обычаев, в разных временах, и познание веры, Христа Спасителя, под многими Владетельми.

Переведена со итальянского на российской язык, и Напечатана повелением и во время счастливаго владения Петра Великаго императора и самодержца всероссийскаго, и протчая и протчая, и протчая.

В Санктпетербургской Типографии, 1722 году, Августа в 20 день.

Мы привели полностью соответствующие заглавия, и это освобождает нас от необходимости подробного комментария. Укажем только на более прагматический характер русского заглавия, содержащего некоторые не-

обходимые пояснения. Имя *Мавроурбин*, превратившееся у Паисия Хиллендарского, по ошибочной интерпретации сочетания *ou* в качестве диграммы, в *Маврубир*, ввело, как известно, в заблуждение такого скрупулезного историка, как Й. Раич, который цитирует латинского писателя Орбини из сербской хроники Бранковича, и, как другого автора — Мавроурбина из русского текста, о котором ему было известно, что это перевод с итальянского.

В действительности, слияние двух слов в одно, породившее двух Орбини, не является единичным фактом в русском тексте; ограничимся указанием на некоторых из цитируемых авторов: Domenico Marco Nigro, ставший *Домеником Марномигром*. Имеются и случаи (кроме всего прочего, вызывающие улыбку) деления одного слова на два: например, Dithmaro Mersapurgese — Дитмар Мерса Пургер, Luitprando Ticiniense — Люит Пранд Тицыненский, Gothfrido Viterbiense — Готфрид в Стерберкии. Мы не знаем, кому или чему приписать эти неточности, справщику или невежеству Саввы в области истории.

Первые 13 страниц русского текста (далее — Р) содержат сокращенное вступление под заглавием «Краткое собрание историческое народа славянского, его славы и расширения» (в Р с. 1 — 5 соответствуют 3 страницам — без нумерации оригинала, далее — О), за которым следует (на с. 10—13) то, что в О читается под заглавием «Descrittione della Scandinavia che fu l'antica patria de gli Slavi» (с. 1—4).

Считаем уместным остановиться на списке цитируемых авторов — «Описание историографов сея истории», — который Татищеву показался таким сомнительным. В действительности же русский список, переполненный грубыми ошибками, примеры которых приведены выше, ограничивается буквами А — М, оставляя без внимания авторов от Н до Т. Переводчик счел, что достаточна половина алфавита, чтобы поразить русского читателя-современника. Прав был Татищев, который ставил в вину Савве, а не Мавроурбину, недостатки русского текста.

В О с. 5 — 203 представляют собой единый связный текст — «Origine de gli Slavi e progresso dell'Imperio». В Р соответствующие с. 1 — 184, имеющие новую нумерацию, под заглавием «Первоначалие Славян и происхождение державства их», подразделяются на многочисленные главы в соответствии с различными племенами, составляющими единую Славянскую Нацию: Новонаселение Славян в Боемии — т. е. в Чешской земле — и в Польши (с. 39), О народе славянском, нареченном Венеты, или Венеды (с. 50), Имяна разные Славян Венедов (с. 52), О Славянех ругянех (с. 60), О Славянех российских, или Москвитянех (с. 68), Начало знаменательства имене славянского (с. 76), О Готфех славянех (с. 83), Разделение Готфов славян (с. 83), О Вандалех, народе славянском (с. 95), О Верлах, или Эрулах народе славянском (с. 100), О Аварех славянском народе (с. 102), О Аланех славянех (с. 103), О Баштарнех и Певчинах славянех (с. 107), О Унграх, или Ункранех, и Мелликленех (с. 108), О Гиррех и Сциррех славянех (с. 108), О Финнех или Феннех славянех (с. 109), О Даках славянех (с. 110), О Норманнех славянех (с. 111), О Маркоманнах и Квадах славянех (с. 113), О Амазонах женского полу славных воинах славянских (с. 119), О Фраках, людех славянских (с. 123), О Иллирианех славянех (с. 124), О Ардеанех и Пиларианех славянех иллирических (с. 131), О Скордисках славянех иллирических (с. 132), О Сагестанех славянех иллирических (с. 133), О Яподах славянех иллирических (с. 133), О Пеонех или о Паннонех славянех иллирических (с. 134), О Либурнех славянех иллирических (с. 135), О Далматянех славянех иллирических (с. 136), О Дарданех людех славянех иллирических (с. 141), О Мезианех, или о Мизианех народе славянех иллирических (с. 141), О Триваллах людех славянех Иллирика (с. 142), О Агрианех народе славянском Иллирика (с. 144), О Македонянех славянех иллирических же (с. 147), О Иллирианех славянех обще (с. 150), О Далматянех славянех иллирических, о твердости и поступках их (с. 151), Елико надлежит к языку древнему Далматов, и протчих народов Иллирика (с. 151), О благородных и знатных человетех Далматии и Иллирика (с. 153), О разделении Иллирика учинен-

ном от Римлян (с. 156), Урядничества, и достоинства римская во Иллирице (с. 158), О началобитии, о поступках и о делах, памяти достойных Речи Посполитыя рагузския, народа славянского Далматии (с. 160), О войнах начальных Речи Посполитыя рагузския (с. 172), О убежищи поданном от Республики рагузския принцепам и протчим особам великим верным (с. 176), О войнах славных во оружии Речи Посполитыя рагузския (с. 178), О людех ученых Посполитыя Речи рагузския (с. 179), Уезд прилежащий Рагузе (с. 181).

В большинстве случаев деление на главы, имеющее явную практическую и дидактическую цель, соответствует маргинальным глоссам-заглавиям. В некоторых случаях сегментация подсказана самим Орбини, например, «перейдем к Аварам» (с. 124), «перейдем к Маркоманнам» и т. д. Иногда текст подразделен по инициативе переводчика.

Мы уже сказали, что эта первая часть сокращена на $\frac{1}{3}$. К опущениям переводчика, имеющим системный характер, о которых мы уже упоминали, добавим следующие:

А. В принципе опускаются все цитаты, указания на авторов, на их произведения и на отдельные пассажи из них. Исключение составляют несколько цитат, имеющих чисто случайный характер, в большинстве случаев находящихся на первых страницах текста. Исчезает, таким образом, за незначительными исключениями, целый историографический диспут, свойственный позднегуманистической риторической технике опус оратории Орбини [15]. Хотя, как мы знаем, список историков у Орбини раздут до невероятности по сравнению с использованными и прочитанными произведениями, недоумение и отчаяние Татищева, вызванные отсутствием библиографических указаний («ни книг, ни токмо глав или статей, и годов не объявляет»), надо отнести на счет «итальянского графа», более опытного в коммерческих делах, чем в книгах, а не ставить в вину Мавроурбину, о чем догадывался уже сам Татищев.

Б. Опущены тексты элегий Овидия (с. 8—9 и 107—108), общие соображения автора, «научный» — филологический или псевдофилологический аппарат, изображения букв кириллицы и глаголицы (с. 46—47), надпись Маркоманнов (с. 104), целых три страницы, содержащие списки слов вандалских, славянских и итальянских (с. 99—102).

В. В принципе опускаются ораторские речи, речи послов, являющиеся обязательным пунктом ренессансной (и не только ренессансной) историографической риторики: речь Билослава (с. 66—67), рассчитанная на эффект речь Гелимира о тщете Фортуны (с. 122—124). Напротив, приводится целиком посольская речь славян-скифов Александру Великому, так как свидетельствует о древней славе славян.

Г. Некоторые факты опущены как малозначительные, или не назидательные, или, по мнению переводчика, прямо не относящиеся к истории Славян в узком смысле слова, например: военная хитрость Славян (с. 20), Славяне подстрекаются Тотилой (с. 22), венецианские дела и тирада Орбини против Сабеллика, определившего Нарентан: «немногочисленные воры» (с. 30—31), описание литовского язычества и нравов Самоедов (с. 57—58), краткие описания эрульских князей (с. 63—65), полный список славянских князей Ругии (с. 80—83), попытки христианизации Славян Саксонами и Датчанами и язычество Прусов (с. 85—88).

Д. Опускаются или сильно сокращаются описания сражений, поединков, военных операций. Важен исход, а не то, каким путем он достигается; например, эпизод со Славянином, берущим в плен Гота (с. 17), ряд войн Сорабов с Карлом Великим (с. 68—70).

При наличии указанных сокращений для всей этой первой части характерна техника пословного перевода. Там, где опущения значительны, техника перевода может быть описана как «отрезай и шивай» или коллаж: отдельные сегменты текста присоединяются к последующим, отделенным от них несколькими строчками или целыми страницами. Техника сокращенного изложения «своими словами» в этой части текста используется исключительно редко: она встречается на страницах, посвященных войне Сорабов с Карлом Великим (О с. 68—70, Р, с. 56), в главе, посвя-

щенной Иллирам (Р, с. 124—130), и в некоторых других частях текста. В одном случае, в повествовании, касающемся событий в Рагузе, мы имеем прямое указание переводчика: «Вкратце сказать...».

В Р находим и небольшие добавления по сравнению с оригиналом: помимо уже упомянутых оглавлений частей текста, посвященных славянским племенам, добавлены некоторые глоссы и пояснения исторического и географического характера: *valicato l'Istro* (с. 8): перешед Истр реку или Дунай (с. 5), *adoravano le Selve, e Ninfe* (с. 18): кланяются лесам и нимфам *то есть* русалкам (с. 14), *Attila Re crudelissimo* (с. 25): Атиллы Царя жесточайшаго и нареченнаго бич божий (с. 19), *dalla Taurica Peninsula* (с. 46): из Таврика острова — *сиречь из Крыму* (с. 37), *guidati da Tamerlano* (с. 52): водимые от Тамберлана — *то есть Телмир Аксака* (с. 44—45), *Giove, Marte, Plutone, Cerere, Venere, e Diana* (с. 53): Иовиш или Диу, Марс или Апис ... Венеру или Афродиту ... Диане или Артемиде (с. 45), *storsero questo nome in Scлавini, e gl'Italiani in Scлаvi* (с. 95): развратили его в Склавин — *по руски неволничше* — и в Сслав — *то есть неволник значит по руски* (с. 77), *con alcune travi torte, e piegate scorrevano* (с. 134): на некоторых бревнах закрученных и загнутых — *сиречь на лыжах* — претекали (с. 109), *si parla nella Dacia* (с. 135): говорят в Дакии — *в Волошской земле* (с. 109), *in Basilea* (с. 197): Базилеа един из трех надесяти, которые составляют Швейцарскую (с. 180).

Другие добавления содержат различные комментарии переводчика. Они могут быть социологического, эмоционального характера: *ega lor pena di perdere la verginita* (с. 52): казнь им была мучение погублением девства их, *которое мучение вменялось великое в оные времена неизкузловны* (с. 44), *inebbrìo gli Drevliani* (с. 92): и потом в банкете том — *якоже творится обыкло такое дело* — упоила до пьяна Древлян (с. 73). Комментарий может быть «научным»: *Geremia Russo* (с. 171): Йеремиа русянин, *добрый Историк* (с. 149), *e di due lingue fecero la terza* (с. 173): из дву языков разных учинили един третий, *сродствен двум* (с. 152), или профессиональным: *duecento mila ducati* (с. 192): двести тысяч Дукатов: *число безмерно по оному времени велико* (с. 174).

Одно из добавлений патриотического характера, относится к политической морали Рагузы, родины как автора, так и переводчика: *Ma il Senato Rauseo gli lasciò senza taglia* (с. 192): Но Сенат рагузский *никогда не внимал корысти денежной, во своих доброденнях воинских*, уволил их без искупления (с. 174). Другое комментирует знаменитую привилегию Александра славянам и выражает своего рода панславянскую гордость переводчика: *Сия грамота жалованная есть едина от древнейших, какову нивдин иный народ вселенняя может показати, во свидетельство мужества своих предков* (с. 147).

Относительно языка русского перевода необходимо сказать, что он заметно ориентирован на приказный, а часто и на разговорный язык; славяно-русские языковые элементы довольно редки: около десятка аорис-тов, противопоставленных сотням русского прошедшего времени на -л, несколько случаев неполногласия. Разумеется, в русском языке начала XVIII в. церковнославянские формы имеют полное право на существование, но в нашем случае речь идет о русском языке иностранца, специалиста в коммерческих делах и политических интригах, не имеющего особого книжного образования. Именно такой тип русского языка, поддержанного гражданским шрифтом в других областях православного славянства, мог производить впечатление шокирующего разрыва с традицией. «Руски речи прости», которые Паисий Хилендарский был вынужден перевести на «болгарски прости речи и словенски», как раз и представляли собой язык нашего перевода. Оценка языка перевода Радойчичем и Пантичем, как гибридного русско-сербско-церковнославянского должна быть признана ошибочной.

Приведем в качестве примера короткий отрывок текста: «Остановившиеся тамо по нескольком времени близ древней Влардинге, построили фортецию zelo крепкую, которую от имени своего наименовали Славенбург за 900 лет прежде пришествия Христова. А оные которые отгнали

Славян, были Шведы первопрогнатели Аланов, обитавших по всему оному тракту места лежащего между рек Флевы и Швевы» [6].

Русский текст Саввы изобилует, как следовало ожидать, европеизмами, в основном латинского и итальянского происхождения, которые зачастую не имеют соответствующего эквивалента в оригинале: аудиенция, церемония, инструмент, магистр, президент, огни артифициальные, фортеция, отаковати, палестра, балестриеры, компутисты, визита, потентат, сатисфакция и т. д.

Что касается качества перевода с точки зрения ориентации в итальянском тексте, то работа Саввы заслуживает самой положительной оценки. Укажем только на некоторые ошибки и описки: путаница *fame / fama* (Р, с. 9), засвидетельствована и в итальянском языке; *in questo mezo* (с. 16): при сем средстве (с. 12); *in Agunto* (с. 37): во Августе месяце (с. 28), *una cavalla magrissima* (с. 39): кобылу чернейшую (с. 31). В выражении *non ritornavano per la malignità de gli hostieri inviolate* (с. 4): от насилия остариодержцев, не возвращались вспять неразтленны (с. 13) слово *hostieri* значит *хозяева гостиницы*. Это значение было в XVIII в. уже потеряно и Савва приписывает вину растления скандинавских девственников именно *владельцам кабаков* (*osti*) и употребляет слово *остариодержцев*, где *a* венецианского диалекта стоит на месте *e* тосканского.

2. «Барское родословие». Эта часть текста, представляющая собой перевод Орбини редкого латинского источника, легко выделяется как в О, так и в Р. Отсутствует «научный» аппарат и соответствующие цитаты. О насчитывает 34 с. (с. 206—239), Р — 32 (с. 185—216). Потеря текстуального материала составляет более 1/3. Приводим соответствующие заглавия: «La Storia de' Re di Dalmatia, Et altri luoghi vicini dell'Ilirico. Dall'Anno del Signore 495. Fina 1161» (с. 206): «Собрание Историческое о королях далматских и о протчих народах соседних иллирику, от лета Спасительного Христова рождества 495, даже до лета 1161» (с. 185).

Сокращение текста произведено в основном при помощи коллажной техники. В О и Р имеется объединение изоморфных сегментов при опущении других отрезков текста, достигающих иногда значительных размеров. Повествование ускоряется, обязательно фиксируются смерти царей и престолонаследие. В О на с. 220 и 229 находятся описания и двух случаев вмешательства Бога в земные дела, которые опущены в Р, возможно ввиду их невысокой значительности с точки зрения фактографии.

Сокращение в этой части получено и при помощи техники пересказа «своими словами»: нередко в текст вводятся глоссы-заглавия на полях. Отметим резкое возрастание употребления церковнославянизмов, начиная с аористов, кратких согласованных причастий, нескольких конструкций с *еже* + инфинитив.

3. «La Continuazione della predetta storia». Полное заглавие третьей части «Царства Славян» дает ясное представление о ее структуре (с. 244—396): *Continuazione della predetta storia de' Re di Dalmatia. La quale contiene prima l'origine, il progresso, e il fine de' Re di casa Nemagna, che dominarono in Rassia, et Servia. Nel secondo luogo narra la vita di quatro Baroni di Rassia; i quali dopo la morte di Urosc ultimo Re di casa Nemagna, occuparono tirannicamente il Regno di Rassia. Et infine tratta le cose di Bosna, Chelmo, Croatia, e Bulgaria* (с. 244).

В О членение на части подчеркивается иконографическим материалом (династические гербы, генеалогические древа), полностью опущенным в Р.

Необходимо сказать, что из девяти глав О, последние три — «Герцогии Святого Саввы» (с. 380—389), «Герцогство Хельма» (с. 390—393) и «Королевство Хорватии» (с. 394—396), не переведены целиком: первые шесть имеют в Р следующие заглавия: А. «Собрание истории далматской при правительстве королей дому Неманьского, которые государствовали в Рашии и Сербии» (с. 217—236); Б. «Порядок истории о Далматии под правлением Господарей четырех домов, завладетели статов дому Неманьского и первый онаго Вукашин король сербской» (с. 237—240); В. «Последование историй иллирических под правительством дому властохищного Высокорукаго» (с. 240—243); Г. «Последование истории иллирических под

правительством дому Балсина в Зенте» (с. 243—248); Д. «Последованье истории иллирической под правительством дому Лазаря Деспоты» (с. 248—266); Е. «Собрание историческое о королевстве Бошпатском народе славянском» (с. 267—288).

Сокращение текстуального материала в этом отделе более значительно, оно превышает 50% (72 с. вместо 150 ожидаемых). В этом отношении в Р показательно сокращение в Г на $\frac{1}{7}$ по сравнению с О. Переводчик доводит изложение до истории Котора, потом пропускает целых 12 страниц, сохраняя только полторы строчки: «В то же время Венециане учились владетели городу Спалатру, и Траву» (с. 248).

Общей характеристикой перевода являются в первую очередь значительные пропуски по сравнению с текстом оригинала, которые обуславливают синтетический и обрывистый монтаж текста, особенно в Г, Д и Е. В этой последней главе, в соответствии с вышеназванной тенденцией, опущены все части текста, относящиеся к переговорам бана Степана с Мухамедом и с Прием II, которые в О выдержаны в форме посольских речей. В Д речь князя Лазаря, обращенная к солдатам, занимающая в О три страницы (с. 315—318), передается в Р тремя словами: «орациею благоречивою ободрил»: (с. 252). Остовом текста являются смерти, престолонаследия, даты, места и исходы сражений и войн; определенное место отводится живописным, по мнению переводчика, эпизодам.

Но самой типичной особенностью этой части текста является преобладание техники сокращения путем пересказа «своими словами», что приводит к искажениям в последовательности отдельных эпизодов. Типичным является случай в А, где пассаж о непостижимости Провидения (О, с. 248) превращен в начало целой главы, так как говорит о начале Неманьской династии (Р, с. 217).

Преобладающее свободное переложение отдельных частей текста сочетается со «сшивкой» текстуальных отрывков и с наличием цельных, иногда довольно значительных частей текста, переведенных полностью, разумеется, за исключением цитат и «научного» аппарата. Свободное переложение позволяет делать, а иногда и требует этого, небольшие добавления и комментарии, которые отсылают к содержанию опущенного материала и предлагают логически-моралистическое обогащение сухого и лаконичного текста перевода. Приведем некоторые примеры: *Fu prima un povero gentilhuomo; ma poi fu fatto grande insieme co' suoi figliuoli da Stefano Imperadore* (с. 274): убогача шляхты, возвысившагося с сынами *чрез суетмыслие Фортуны* от Стефана царя Сербскаго (с. 237); *Vuk Brancovich... si salvò* (с. 319): Вук же Бранкович *зять и предатель тайный Лазарев* спасеся (с. 252); *era per cadere in terra, se non fusse stato aiutato dalli suoi* (с. 331): едва не паде на землю, аще бы не помогли ему свои, *понеже никогда не имел ведомости о их ослеплении* (с. 260).

Отличное понимание текста оригинала позволяет переводчику успешно справиться со своим переложением-компендиумом. Любопытная ошибка: *le Zente* (с. 346) — *народы* (с. 268), еще раз свидетельствует о его знакомстве с венецианским произношением.

С точки зрения языкового типа, этот раздел текста характеризуется увеличением удельного веса церковнославянизмов: значительно число аористов, несколько случаев употребления имперфекта, отсутствие согласованных причастий, употребление местоимения *иже*, *еже* + инфинитив. Вот один из наиболее выразительных примеров: «Дом Неманьской возимел началобытие в селе Хельмском, в соседстве Луцком, от единого попа, благочестие имеющаго Греческое, зовомого Стефана. Иже оженився по обыкности оногo причта, на единой поселянке породил с нею между прочих единого сына, нареченного Любимир. Той за свой разум и за свою храбрость во оружии, быст от обладателя уезда Хельмского учинен Гюпапом над единою деревнею, реченною Тарнов, которая от его имене по том прозвана Любомир. В ней же поступаая добре, умре» (с. 217).

4. «Трактат о Болгарах: Собрание историческое о королевстве болгарском народа славянского». 76 страницам в О соответствует 46 в Р. Общая потеря текстуального материала — почти $\frac{2}{3}$; этот раздел являет-

ся самой сокращенной частью «Царства Славян». «Предупреждение читателю», читаемое в О в качестве предисловия, в Р является составной частью главы. В ней автор объясняет, что римляне, о которых идет речь в его трактате, являются римлянами «нового Рима» и в дальнейшем слову *Romani* в русском переводе всегда соответствует слово *Греки*.

В отношении техники перевода отметим, что в этом разделе она является особенно смешанной — полностью переведенные части текста перемежаются частями, переданными при помощи техники коллажа и частями, сокращенными путем передачи «своими словами», с введением в текст глосс-оглавлений. Здесь также узловыми пунктами повествования являются смерти царей, престолонаследия, псыходы осад, войн. Р дословно следует за О в тех частях текста, где повествование сосредоточено на этой тематике. Там же, где в О преобладают рассуждения, приводятся различные точки зрения на одни и те же факты, переводчик выбирает только одну версию.

Текст читается легко; преобладают короткие предложения. Это — русский язык, с вкраплениями церковнославянских элементов (в основном аористов); его нельзя определить как «особенный» и тем более «гибридный». Здесь также встречаются небольшие добавления и пояснения, обусловленные сокращенным характером текста. Последний абзац, напоминающий читателю, что «единство делает сильными, а усобицы ведут к поражению» является добавлением переводчика.

Подведем теперь некоторые итоги нашего анализа:

1. В количественном отношении текстуальный материал Р представляет собой половину О. Текст сокращен неоднородно: первая часть сокращена на $\frac{1}{3}$, третья на $\frac{1}{2}$, четвертая на $\frac{2}{3}$. Вторая часть («Барское родословие») не является показательной в этом отношении, ввиду ее особого характера и краткости.

2. Опушения (иконографическая часть, цитаты, научный или псевдонаучный аппарат) имеют, в основном, систематический характер и обуславливают более половины всех сокращений. Опушение трех небольших глав и большей части одной главы является особой проблемой и, возможно, обязано редакторской спешке. Любопытно, что все эти части касаются областей, хорошо известных переводчику.

3. Техника перевода тройственна: дословный перевод, коллаж и сокращенный пересказ «своими словами». В 1 преобладает первый тип; в 3 и 4 представлены все три типа, с увеличением удельного веса третьего.

4. Язык перевода — русский, ориентированный на приказный и иногда на разговорный язык. Известное число церковнославянских элементов характеризует в целом 3 и 4 части; их присутствие несущественно в 1. Напомним, что известны рукописные тексты только части 1 (и было бы интересно сопоставить их с печатным текстом) и что не исключено, что 3 и 4 подверглись в какой-то мере редакторской правке, что объясняло бы и приписывание редакторской работы Прокоповичу, автору послесловия. С другой стороны, можно выдвинуть гипотезу, что 3 и 4 части переведены позднее 1, законченной в 1714 г. Таким образом, временная дистанция и спешка с выполнением работы, за которой следил такой требовательный заказчик, как Петр, могут объяснить отличия, которые являются несущественными, между частью 1 и остальным текстом.

5. Вследствие всего этого «Царство Славян — Книга историография» подверглось коренной жанровой трансформации: из исторического произведения, где широко использована позднегуманистическая «научная» риторика, оно превращается в своего рода пособие, имеющее практическую направленность, полностью отвечающее замыслам Петра в отношении культурного обновления России, чему соответствовала предпринятая переводческая работа.

С другой стороны, перевод полностью сохраняет основную идеологическую направленность оригинала: «национальную» панславянскую возторженность, ревностную историографическую утопичность, которые, если и не ствечали запросам «рационалиста» Татищева, послужили значительным стимулом для сербов и болгар, если учесть временной сдвиг в их культурном развитии в XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дринов М.* Отец Паисий — неговото време, неговата История и учениците му.— В кн.: Съчинения на М. С. Дринова. Т. 1, София, 1909, с. 122; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 9, 73; *Пенев Б.* Паиси Хилендарски. София, 1918, с. 56, 61; *Велчев В.* Отец Паиси Хилендарски и Цезар Бароний. София, 1943, с. 8; *Диневков П.* Паиси Хилендарски.— В кн.: Паиси Хилендарски. Славянобългарска история. София, 1972, с. 29; *Wollman F.* Slovanství v jazykové-literárním obrozením u Slovanů. Praha, 1958, s. 27, 95; *Дуйчев И.* Отзвуки русской историографии XVIII в. у болгар.— В кн.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.— Л., 1966, с. 398.
2. *Ангелов Б.* Паиси Хилендарски. София, 1985, с. 86; *Райков Д.* Българите и България в старата руска книжнина. София, 1983, с. 41.
3. *Stonia A.* Il «Regno degli Slavi» di Mauro Orbini e la «Istoriija Slavenoblgarskaja» del monaco Paisi (1762).— Bulgaria, № 1—3, 1939, p. 16.
4. *Драгова Н.* Мавро Орбини и българските историци през XVIII век.— В кн.: *Мавро Орбини.* Царството на Славяните 1601. София, 1983, с. 9.
5. *Конев И.* Българското възрождане и просвещението. София, 1983, с. 82.
6. *Samardžić R.* L'eruditismo nella storiografia dei Serbi danubiani, in Barocco in Italia e nei paesi slavi del sud (a cura di V. Branca e S. Graciotti). Firenze, 1983, p. 29.
7. *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII в.). Београд, 1970, с. 37.
8. *Павленко Н.* Савва Лукич Владиславич-Рагузинский.— Сибирские огни, 1978, № 3, с. 155—168.
9. Русский Вестник, 1842, № 5, с. 180—243, 281—337.
10. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862.
11. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. IX. М., 1963, с. 498.
12. *Берков П. Н.* Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв.— В кн.: Русская литература XVIII в. и славянские литературы. М.— Л., 1963. с. 17.
13. *Татищев В. Н.* История Российская. М.— Л., 1962, Т. I, с. 330—331.
14. *Дучић Й.* Едан Србин дипломата на двору Петра Великог и Катарине I — Гроф Сава Владиславич. Сарајево, 1969, с. 310.
15. *Broggi-Bercoff G.* L'historigraphie croate du XVIIe siècle: de l'opus oratorium à la recherche documentaire, in Barocco in Italia e nei paesi slavi del sud (à cura di V. Branca e S. Graciotti). Firenze, 1983, p. 93—105.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

АКСЕНОВА Е. П.

«ИЗГНАННОЕ ИЗ СТЕН АКАДЕМИИ» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы)

30-е годы для советского славяноведения — важный и драматический этап. В этот период шло осмысление содержания славяноведения, освоение его новой, марксистско-ленинской методологической основы. В рамках славяноведения и в тесной связи с ним закладывались основы советской балканистики. В то же время изучение славянских и балканских народов не было свободно от догматизма и упрощенчества, излишней политизации; определенное влияние на исследования в этой области оказывала известная теория Н. Я. Марра; наблюдались и явления упадка славяноведения, вызванные вненаучными обстоятельствами. И все же немногочисленным кадрам славистов в те годы удалось сделать немало.

Значительную роль в научном и организационном становлении советского славяноведения сыграл Николай Севастьянович Державин (1877—1953). Как славист он сформировался еще до революции (за труд о болгарских колониях в России [1] Державин получил степень магистра славянской филологии). При всем разнообразии научных интересов ученого болгарская литература и история на долгие годы стала центральной темой его исследований (четырёхтомная «История Болгарии», монографии «Иван Вазов», «Христо Ботев — поэт-революционер», многочисленные статьи по истории болгарской культуры [2]). Он вел также научно-просветительскую работу, выступая с лекциями и докладами, популяризируя знания о славянах. Большое внимание Державин уделял историографии славяноведения, в течение нескольких десятилетий подготавливая монографию по истории славянской филологии в России и СССР (этот труд, которому сам ученый придавал важное значение, так и не увидел свет). Н. С. Державин был приверженцем и активным пропагандистом учения Н. Я. Марра, только в конце жизни под давлением внешних обстоятельств (после статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания») признал его неверным¹ [3]. Научный вклад Державина еще ждет объективной оценки.

Значительное место в жизни Державина занимала педагогическая деятельность. Более 30 лет он преподавал в Ленинградском, а некоторое время параллельно и в Московском университетах, читая специальные

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Многие слависты старой школы даже в период «диктатуры Марра» отрицательно относились к марризму, по официальной оценке, «способствовавшему проникновению марксизма» в гуманитарные науки, в том числе и славяноведение. Профессор Московского университета Г. А. Ильинский называл в письмах к М. Г. Поппруженко эту «модную „лингвистическую“ теорию... смесью невежества, святой наивности и самой дикой фантазии»; профессор Б. М. Ляпунов писал тому же адресату о своих «эволюционных взглядах на языки, отличных от ныне у нас господствующих» [4, с. 142, 177, 178, 223].

славистические курсы, готовя научные кадры советских славистов, активно участвовал в реорганизации высшей школы.

Не только в научных занятиях и университетском преподавании, но и в библиотечной практике Н. С. Державин стремился к сохранению славяноведения как самостоятельной научной области: работая в Публичной библиотеке в Ленинграде, он участвовал в создании Славянского отделения этой библиотеки, а в дальнейшем предпринимал попытки (оказавшиеся в итоге безуспешными) для сохранения комплекса литературы по славяноведению Библиотеки АН СССР.

Во второй половине 20-х годов по инициативе сверху был начат процесс «укрепления» состава Академии путем включения в нее членов партии и беспартийных ученых, признававших марксизм², т. е. людей, идеологически близких к руководству страны (и, в случае необходимости, более послушных его указаниям). После волны арестов в связи с «делом» академика С. Ф. Платонова [7] (затронувших и славяноведение) и «чистки» в Академии были проведены кампании по выборам членов Академии. Дополнительно вводилось более 40 академических вакансий. Кандидатуры выдвигались не только научными кругами, но и общественными организациями (в результате чего академиками становились видные государственные и партийные деятели)³. В этот период, в феврале 1931 г., Н. С. Державин и был избран действительным членом Академии наук СССР⁴.

Используя это обстоятельство, Державин начал активно добиваться организационного оформления славистических исследований в рамках Академии наук. Человек, не лишенный тщеславия, склонный к преувеличению собственных заслуг, Державин, естественно, хотел иметь свой институт. Но объективно эти стремления сыграли положительную роль, поскольку способствовали развитию советской славистики, вступившей в этот период в качественно новый этап. Несомненно велика роль ученого в создании академического Института славяноведения (Ленинград, 1931—1934)⁵. Став его директором, Державин в качестве задач Института выдвинул всестороннее исследование зарубежных славян и смежных с ними народов, а также изучение культурно-национальных проблем тех же народов, входящих в состав населения СССР [10, с. 13], т. е. впервые был поставлен вопрос о комплексном подходе к славяноведению. Эти разработки должны были основываться на историко-материалистическом методе и все исследования служить целям социалистического строительства. Институту выделили всего семь штатных единиц, но несмотря на это планы его деятельности были обширны. Часть из намеченного удалось осуществить. Научная продукция сотрудников Института была в основном опубликована в двух томах «Трудов» (Л., 1932—1934).

² По поводу обновления кадрового состава академик В. П. Волгин в статьях «Реорганизация Академии наук» и «Московская сессия Академии наук» замечал, что в рядах АН было много высококвалифицированных старых специалистов, «органически не способных принять новые установки Академии», но в результате «напряженной перестройки», которая шла «не без внутренней борьбы, подчас весьма упорной... Академия пополнила свой состав коммунистическими силами» [5]. То, как проходил процесс ликвидации самостоятельности Академии наук и подчинения ее административно-командной системе, подробно прослеживает Л. Р. Грэхэм [6].

³ Ученые старой формации относились проницательно-критически к перестройке в Академии и к появлению в ее рядах «коммунистов» и «марксистов» или «примыкающих к ним», таких, как Державин (пришедший «на кресло П. А. Лаврова»). В письмах к М. Г. Попруженко Г. А. Ильинский называл выборную кампанию «небожественной комедией» и сообщал: «В скором времени Вы прочтаете в газетах о трех наших новых академиках... Державине, Каринском и Орлове. Я также был выставлен кандидатом группой ученых, но принужден был задолго до выборов снять ее (свою кандидатуру. — Е. А.) полудобровольно: у нас сейчас не только славистика, но и индоевропеистика признаются науками отжившими, так как „яфетодология“, или марристика провозглашается сейчас как своего рода лингвистическое православие, и горе тем, кто называет этот бред сумасшедшего его настоящим именем!» [4, с. 138, 139, 157, 167].

⁴ Державин не имел степени доктора наук (звание профессора он получил после защиты магистерской диссертации). В 1944 г. ему была присвоена степень доктора honoris causa Софийского университета [8].

⁵ Хотя и до Державина делались попытки создания академического института славяноведения, однако институт был создан по его проекту [9].

Не все в деятельности Института приемлемо с нашей сегодняшней точки зрения (внутри- и внешнеполитические реалии придавали ей вполне определенный идеологический оттенок), но было бы ошибкой недооценивать тот вклад, который Институт внес в становление и развитие советского славяноведения. К сожалению, Институт не смог в полном объеме реализовать свою программу, так как менее чем через три года был закрыт. Причины его ликвидации сейчас все более проясняются. Как вспоминает профессор С. Б. Бернштейн, славяноведение в 30-е годы «было объявлено лженаукой, глубоко враждебной советскому строю», признавалось, что «славянская филология льет воду на мельницу фашистам» [11, с. 78]. Дополнительным аргументом против дальнейшего существования Института были аресты славистов, в том числе и некоторых сотрудников Института [12; 13, ф. 827, оп. 3, д. 37, л. 73—74]. Однако, думается, нельзя отвергать и факторы личного характера (судя по документам и письмам, Державин не пользовался большой симпатией у коллег)⁶.

С переездом Академии в середине 30-х годов в Москву и созданием в академическом Институте истории сектора славяноведения (руководимого В. И. Пичетой) с отделением в Ленинграде (возглавляемым Державиным), Державин в известной мере утрачивает лидирующие позиции в академическом славяноведении, оставаясь главой только ленинградской группы славистов как перед войной, так и в послевоенные годы в составе образованного в Москве Института славяноведения АН СССР.

Таким образом, пик деятельности Державина как организатора науки приходится на первую половину 30-х годов; она нашла отражение в документальных материалах Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР, хранящихся как в личном фонде академика, так и в фонде руководимого им Института славяноведения. Но, кроме того, есть несколько любопытных материалов второй половины 30-х годов. Эти документы позволяют многое осмыслить по-новому, проследить борьбу Державина за сохранение славяноведения в нашей стране и при этом увидеть личность ученого, его поступки не всегда в традиционном ракурсе, не только с «парадной» стороны. На этих документах автор статьи далее и сосредоточивается.

После закрытия в 1934 г. Института славяноведения в Ленинграде Державин остался почти не у дел, считая преподавательскую деятельность недостаточным для себя занятием. Он пытается отстаивать если не свое детище, то по крайней мере необходимость специальных «славяноведных изучений». Думается, что не последнюю роль здесь играли личные амбиции Державина. Но так или иначе, после волны репрессий 1933—1934 гг., нанесшей сильнейший удар по славяноведению, поднимать голос в защиту этой науки было непросто. У руководства Академии Державин найти поддержку не рассчитывал⁷. Не исключено, что после арестов славистов-филологов и сам Державин опасался такой же участи. Поэтому, чтобы показать себя не только лояльным к власти, но и активным ее поборником, он пишет письмо... прямо Сталину (оно датировано 14 ноября 1935 г. и занимает четыре машинописных страницы) [13, ф. 827, оп. 4, д. 680, л. 1—8].

Поводом для письма послужила подаренная Державину и хранившаяся у него более 30 лет фотография рабочей демонстрации 8 марта 1902 г. в Батуме. Увеличенный снимок вместе с оригиналом он решил преподнести Сталину «как редчайший исторический документ уникального характера». В письме Державин совершенно не касается славистики, а останавливается на нескольких эпизодах из своей жизни в Закавказье. В начале

⁶ Это сказалось отчасти и на результатах выборов его в действительные члены Академии наук. Хвалебный отзыв о деятельности Державина был дан Н. Я. Марром. Но на Отделении общественных наук 5 из 13 академиков проголосовали против, на Общем собрании Академии — 11 из 32 [13, ф. 825, оп. 2, д. 76, л. 47 об.— 48] (благодарю М. А. Робинсона, любезно предоставившего эти сведения).

⁷ Обращения Державина к непремемному секретарю академику В. П. Волгину не дали положительного результата [13, ф. 220, оп. 1, д. 31, л. 1—4]. Не мог он рассчитывать и на поддержку Н. Я. Марра, умершего в 1934 г.

письма он сообщает: «С 1900-го по 1904 г. я был учителем гимназии в г. Батуме. В это время мне шел 22-й год. ... Я вел упорную борьбу с черносотенною ⁸ частью гимназических педагогов, защищая детвору гурийцев, армян, аджарцев против наглой черносотенной травли, исходившей из принципиального убеждения, что детям местных национальностей не нужно давать никакого образования». После такой борьбы в школе молодой учитель нередко заходил в аптеку, «чтобы принять успокоительных капель».

Учениками его были дети мелких служащих и рабочих, и Державин был в курсе всех событий, происходивших в этой среде. Он познакомился с меньшевиками Карло Чхеидзе и Исидором Рамишвили (тут же в письме следует оговорка, что он «не был посвящен в расхождения ленинско-искровцев и меньшевиков»). «Я жил, — пишет Державин, — марксистскими интересами, вел пропаганду марксизма среди учеников, и это было известно и названным выше членам местной организации „месамедаси“, или, по-обывательски, просто „дасистов“, переживал все, что происходило у рабочих Батума, знал о Сосо Джугашвили, о его огромной энергии и неутомимой работе, о его беспримерном мужестве, стойкости и широкой популярности среди рабочих».

«Таким образом, Иосиф Виссарионович, — пишет далее Державин, — я являюсь одним из немногих, живым свидетелем Вашей знаменитой революционной работы в Батуме в 1901—1903 годы ⁹. Это было время, когда первые яркие лучи восходящего солнца рабочей революции в Закавказье, зажженные Вашей великой рукой, согрели впервые и мое сознание, укрепили во мне бодрость настроения и твердую решимость безоговорочно и всемерно помогать и содействовать, чем только могу в моем скромном положении учителя и ученого, делу борьбы рабочего класса за свое освобождение».

Н. С. Державин сообщает, что с радостным чувством прочитал в журнале «Большевик» библиографическую заметку о выходе в свет издания «Сталин и Хапим (1900—1902)» ¹⁰ и проработал «прекрасный доклад» Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (август 1935 г.). В этой связи Державин и вспоминал о фотографии 1902 г.

Затем он без излишней скромности касается своей работы в Тифлисе (с 1904 г.), где его застала революция 1905—1907 гг.: «Мне пришлось стать уже в качестве активного деятеля во главе революционного движения трудовой интеллигенции. Я был инициатором создания профессионального „Союза кавказских педагогов“ и активным его организатором; возглавлял правление «Общества народных университетов» и «впервые в Тифлисе организовал систематические публичные лекции и концерты на всех языках местного населения... и лично открыл в Тифлисе под флагом этого Общества 12 школ грамоты для взрослого населения для ликвидации неграмотности на национальных языках». (Заметим, что деятельность эта, заслуживающая всяческих похвал, все же чисто просветительская, а не революционная.)

Кроме того, Державин пишет о своей роли в заполнении лакун в истории событий 1905 г. Он сообщает о проведенном им расследовании «кровавого тифлисского черносотенного погрома 22 октября 1905 года» (жертвами которого стали ученики гимназии): им было собрано много материалов и сделан доклад педагогам. «В 1906 г. мы пытались его опубликовать в печати, — продолжает он, — но начатое печатание было приостановлено, а в 1907 г. мне уже надо было думать о том, как бы его спасти от уничтожения». В 1934 г., накануне 30-летия первой революции, этот доклад был подарен Державиным грузинскому правительству, которое передало его Институту им. Сталина. «Пустовавшая до сих пор дата 22 октября 1905 г. в истории революции в Грузии моими материалами теперь заполнена», — заключает он.

⁸ Это понятие появилось позже, в период революции 1905—1907 гг.

⁹ О характере этой работы подробно пишет А. В. Антонов-Овсеенко [14].

¹⁰ Это небольшой сборник воспоминаний крестьян-абхазцев, живших в окрестностях Батума [15].

Заручившись таким козырем, как письмо Сталину, можно было решительнее бороться за признание славяноведения (и своего места в нем). В связи с этим представляет большой интерес хранящийся в фонде Державина документ от 3 сентября 1936 г. (на 65 листах), который классифицирован как «статья» под названием «Работа академика Н. С. Державина за годы Октября [13, ф. 827, оп. 2, д. 54, 65 л.]. Возможно, эта работа действительно задумывалась как статья (скажем, к 60-летию ученого в 1937 г.), а может быть, и как нечто иное. Особенность документа в том, что он написан рукой Державина, но ... в третьем лице.

В начале текста говорится, что Державин — представитель старой русской социалистической интеллигенции, принимавшей участие в революции 1905 г. в качестве организатора и вождя трудовой интеллигенции города Тбилиси (Тифлиса)¹¹, «безоговорочно примкнул к Советской власти и стал ее неутомимым сотрудником в деле вузовского и культурного социалистического строительства». Все годы после революции он «оставался непоколебимым и верным другом и сотрудником партии и рабоче-крестьянской власти»¹².

Дав себе такую безупречную характеристику, Державин начинает жаловаться на «невыносимую атмосферу, в которую поставлена его работа в Академии наук и за ее стенами троцкистско-зиновьевской бандой». При этом автор не забывает подчеркнуть, что его не оценили по достоинству, в то время как научная и общественно-политическая деятельность «выдвинула тов. Державина на высоту общепризнанного, честного, самоотверженного и заслуженного советского ученого, хотя формально не имеющего ни звания заслуженного деятеля науки, ни советского ордена».

Далее приводятся факты деятельности Державина, «характеризующие его как первого советского ученого в подлинном смысле этого слова» («из беспартийной профессуры»). Один из таких фактов связан с его работой в Ленинградском университете (в 1922—1925 гг. — ректор), где он навел «революционный порядок» в «затхло-реакционном организме университета», проводя массовые увольнения преподавателей и студентов, бывших, по его мнению, кадетами (это «обнаглевшая банда профессоров-контрреволюционеров» — Шимкевич, Одинцов, Боголепов, группа студентов во главе с Соколовым и многие другие). В 1922 г. эта «организация» была «ликвидирована тов. В. И. Невским при содействии тов. Державина». В то же время «по инициативе Державина» была организована «Группа левой профессуры», насчитывавшая до 100 человек. В ее ядро входили члены партии М. В. Серебряков, М. К. Лемке и беспартийные В. В. Светловский, Н. А. Гредескул и Н. С. Державин, ставший председателем группы, которая была «ударным кулаком» против «контрреволюционной профессуры». Эффект создания группы не замедлил сказаться: в противоположном лагере, по словам Державина, «началось разложение... стали наблюдаться... колебания, боязнь за свою шкуру и т. п.».

Годы, когда Державин возглавлял университет, представляются ему, видимо, особенно значимыми, потому что через 20 с лишним страниц он вновь возвращается к ним, дополняя подробностями о проведенной им «основательной чистке профессорско-преподавательского состава. Часть преподавателей, реакционной и идеологически чуждой интересам пролетариата профессуры (Одинцов, Боголепов, Карсавин, Лосский, Лапшин и др.) была выслана за границу, часть освобождена от работы в Университете (Кареев, Гревс и некоторые другие). Из списков студентов было вычеркнуто тов. Державиным шесть тысяч (из 12 тыс. — Е. А.) студен-

¹¹ В подстрочном примечании Державина к этому месту, как бы мимоходом, но в то же время с явным расчетом, сообщается, что «в последние годы ожесточенной травли академической троцкистско-зиновьевской банды, неуверенный в своей безопасности, тов. Державин передал некоторые документы по революционному движению в Закавказье 1902—1905 годов тов. Сталину, часть — Грузинскому Правительству, которое передало их в Институт имени И. В. Сталина».

¹² Вместе с тем в партию Н. С. Державин вступил лишь в 40-е годы (в 1945 г. — по одним данным [16], в 1942 г. — по другим [17]). В архиве хранится черновик его заявления о приеме в партию от 1940 г. [13, ф. 827, оп. 3, д. 66, д. 13].

тов». Затем были исключены еще 2 тыс. студентов (правда, эта акция объяснялась тем, что данные студенты давно порвали связь с университетом и прикрывались студенческим билетом, «дававшим обладателю некоторые общественные права и преимущества»). Не без некоторого горделивого чувства далее сообщается, что подобные действия ректора университета вызвали «в русской белоэмигрантской прессе на западе взрыв негодования по его адресу и характеристику его как „большевистского жандарма“».

В 1925 г. ректорская карьера Державина оборвалась. Из дальнейшего изложения событий выясняется, что в 1925 г. в университет влился Географический институт и «лидером университетской профессорской черной сотни, ее мобилизующим центром явился академик Ферсман». Эта «партия» выдвинула на должность ректора кандидатуру «реакционного профессора Дерюгина». В споре между ним и Державиным, «несмотря на значительный перевес черносотенной профессуры над левою группой¹³, оба кандидата получили одинаковое число голосов». Комиссия во главе с Мининым (который, как отмечает автор документа, вскоре оказался в рядах оппозиции) решила вопрос не в пользу Державина.

Интересно отметить, что в подтверждение каждого приведенного факта Державин перечисляет фамилии людей, которые могли бы засвидетельствовать правильность его слов (еще больше он называет имен тех, кому не симпатизирует или считает своими противниками по тем или иным причинам). Подобный прием для статей не характерен. Сведения такого рода в то время обычно сообщались в иных целях...

После описания с хвалебными эпитетами общественной и организационной деятельности следует очередное перечисление собственных заслуг: «прекрасный оратор», «пламенный защитник новой советской орфографии»; в течение долгих лет «был единственный беспартийный кадровый ленинградский профессор, печатавший свои научные и публицистические статьи и заметки в ленинградских партийных газетах»; статьи Державина о Шахматове, Венгерове, Ушинском показывали «растерянной и напуганной революцией интеллигенции... что большевики ценят и чтят память честных выдающихся ученых, ценят науку, как своего ближайшего сотрудника в деле строительства новой жизни»; «помогал партии и советской власти в деле выяснения задач революции в области вузовской реформы и нового культурного строительства, в деле приближения трудовой интеллигенции к рабоче-крестьянской власти и партии».

С 1925 по 1928 г. Державин был деканом факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, но и эту должность ему пришлось оставить, по его словам, из-за «систематического срыва его работы Зейделем, Пальвад্রে, Богаевским, Захером, Ковалевым и некоторыми другими». Следующий за этим шаг вниз по служебной лестнице — должность заведующего кафедрой русского и славянских языков того же факультета, на базе которого в 1931 г. возник самостоятельный Ленинградский институт истории, философии и литературы¹⁴. ЛИФЛИ, пишет Державин, с первых же дней, «как теперь выяснилось, находился в руках троцкистско-зиновьевской группы» (ее «ставленники» — деканы В. Ф. Шишмарев, И. И. Мещанинов, А. С. Орлов), «ликвидировавшей кабинет славяноведения тов. Державина... и почти ликвидировавшей изучение научного наследия академика Марра». Кроме того, «троцкистское» руководство института все время держало Державина «в черном теле, вдали от какой-либо возможности активного влияния на дела Института».

Затем Державин возвращается на несколько лет назад, в конец 20-х годов, чтобы остановиться на своей неудавшейся деятельности на библиотечном поприще. Виной тому, по его мнению, «шайка» библиотечных работников (В. Э. Банк, Менстер, И. И. Яковкин), выступивших против него и добившихся смещения с должности заместителя директора по административно-хозяйственной части (на которую его привлек тогдашний ди-

¹³ Возможно ли это было после державинских «чисток»? Подобное «соотношение сил» не может свидетельствовать лишь о том, что политика ректора не завоевала достаточного числа сторонников.

¹⁴ В этом Институте Державин продолжал заведовать той же кафедрой.

ректор ленинградской Публичной библиотеки, его «учитель и друг» Н. Я. Марр). Новый заместитель директора, Андерсон, вскоре был «разоблачен как контрреволюционер» и выслан из Ленинграда. Деятельность этой группы библиотечных работников, в том числе и направленную лично против него, Державин характеризует так: «Это была не случайность, а система, только сейчас, при вскрытии работы троцкистско-зиновьевской банды в Ленинграде, получающая свое подлинное освещение». Державин остался в библиотеке заведовать организованным им Славянским отделением, но вскоре, по его собственным словам, «стараниями Менстера» отделение было закрыто и в 1930 г. он прекратил работу в библиотеке.

Следующий этап связан с Институтом славяноведения. Из текста документа следует, что академик Державин «кладет огромный труд на создание академического Института славяноведения, который приступает к работе с осени 1931 года, развивает интенсивную научно-исследовательскую работу и за два года своего существования выпускает два солидных тома трудов по 35 печатных листов каждый»¹⁵. «С осени 33 года против тов. Державина в Академии Наук начинается наглый поход со стороны троцкистско-зиновьевской банды, осуществляемый академиками Волгиным¹⁶, Орловым, Мещаниновым, Самойловичем и их агентами, срывающей его работу, закрывающей в июле [месяце] 1934 г. его Институт, отстраняющей его от какой бы то ни было активной работы в Академии (их лозунг — „Державина никуда не выдвигать“), выкрадывающей его научные труды, снимающей его доклады с сессионных заседаний АН¹⁷, не пускающей в печать его ученых статей, лишающей его, большого мастера публичного слова и пламенного оратора, права выступать на общеакадемических собраниях и митингах, ликвидирующей, наконец, в мае [месяце] 1936 г. ... последнюю ячейку славяноведных изучений в АН и в СССР» (кабинет славяноведения Библиотеки АН).

«Теперь белогвардейская сволочь на Западе может торжествовать свою победу: славяноведение в СССР не существует, советская власть не интересуется славянскими народами, их жизнью, их культурой, историей, их революционной борьбой за свое раскрепощение! Это, конечно, наглая ложь, но что так блестяще и неожиданно для Запада было опровергнуто академиком Державиным созданием академического Института славяноведения, было во всяком случае разрушено троцкистско-зиновьевской бандой».

Далее говорится о «блестящей лекционной работе» Державина. Заканчивается этот не совсем обычный документ фразой о том, что такова в ос-

¹⁵ По поводу выхода первого тома «Трудов» Г. А. Ильинский в письме М. Г. Попруженко заметил: «Сборник производит странное впечатление: рядом с вполне научными и вполне приличными статьями (Сперанского, Грушевского, некоторых других), там помещены и такие, которым бы скорее надлежало появиться в разных газетных листках, чем в органе высшего научного учреждения. В общем, сборник представляет концерт статей, в котором какофонические тоны преобладают. Да и как же иначе, когда палочка дирижера безжалостно фальшивит на каждом шагу?» Относительно второго тома, накануне его выхода в свет, он сообщал, что «статьи публицистического характера... в нем будут, кажется, еще более преобладать над строгой наукой, чем в первом томе» [4, с. 175, 186]. Тем не менее это издание содержало немало полезных материалов.

¹⁶ Открытые выпады Державина против Волгина в это время можно объяснить тем, что в 1935 г. Волгин был отстранен от должности непререваемого секретаря Академии. Однако в 1944 г., когда Волгин был уже вице-президентом АН СССР, Державин писал ему в одном из писем, что многим ему обязан, что Волгин для него всегда был «образцом прекрасной ориентировки во всех деталях сначала университетской, а затем, начиная с 1931 г., и академической жизни, образцом выдержки опытного администратора и человека с широким научным и политическим кругозором» [13, ф. 827, оп. 4, д. 658, л. 7 об.]

¹⁷ В неотправленном письме В. П. Волгину от 7 декабря 1934 г. Державин недоумевал, почему именно его доклад был снят из программы работы первой сессии АН (после переезда Академии в Москву), сетовал на то, что его лишили «права делиться своими открытиями и достижениями с ученой и массовой советской общественностью». Кроме того, как обычно, Державин отмечает международную значимость своего выступления: «Моего доклада на сессии ждали, между прочим, широкие круги болгарской революционной эмиграции в Москве, внимание которых к работам нашей АН, я полагал было бы не безразличным» [13, ф. 827, оп. 4, д. 658, л. 2].

новых чертах «неутомимая деятельность тов. академика Державина с первых дней Октябрьской революции и до настоящего дня».

В 1937—1938 гг. прошла новая, более мощная волна репрессий, ударившая и по научной интеллигенции. Массовая печать того времени была переполнена выражениями негодования по отношению к «пособникам троцкистов», «вредителям», «шпионам» и т. п. Трудно сказать, верил ли Державин в возводимые массовые политические обвинения или, учитывая ситуацию, «держал парус по ветру», но так или иначе в конце 1936 или начале 1937 г. он решил выступить, в духе этих обвинений, с критикой недостатков в научно-исследовательской работе АН СССР [13, ф. 827, оп. 3, д. 15]¹⁸. Его идеологическая позиция обосновывалась тем, что «никогда в мире не было, нет и не может быть науки аполитической», наша научно-исследовательская работа «должна быть насковзь пропитана партийностью... ярко выраженным устремлением к борьбе за ... марксистско-ленинско-сталинскую методологию». Для этого необходимо единство рядов ученых, но, по мнению Державина, его нет и «по-прежнему в моде добродушно-либеральное отношение к этой проблеме», что является «наилучшим условием для успехов вредительства». Международная обстановка, «происки японско-германского фашизма и его наймитов — троцкистских бандитов, шпионов, диверсантов и вредителей требуют от нас обоюдной спайки в интересах повышения бдительности и борьбы с вредительством». В этих условиях, считает Державин, на «ученых беспартийных большевиков» ложится такая же ответственность, как на партийцев. Вопрос о повышении роли беспартийных ученых, к которым принадлежал и он сам, был поставлен не случайно. Политические процессы того времени против старой большевистской гвардии дали возможность Державину сказать: «На опыте мы убедились в том, что партийный билет нередко служил ширмой, за которую укрывался негодяй и вредитель».

Затем к общей критике присоединяются частные, даже личные мотивы: «Руководители — товарищи партийцы не всегда прислушиваются к открытому голосу беспартийных товарищей, и часто этот голос оставался гласом вопиющего в пустыне, а затем и замолкал вовсе. Судьба кабинета славяноведения Библиотеки АН, Институт славяноведения». Он писал также: «В течение трех лет с 1933—1936 г. в Ленинградском Отделении АН царил троцкистский террор по отношению к беспартийным большевикам, и мы не находили себе никакой защиты у наших уважаемых товарищей партийцев [...] Мы были лишены права слова, права печатания своих трудов, права выступления с докладами на сессиях [...] Я был лишен даже бесспорно принадлежавшего мне права пользоваться академической машиной».

Приведем еще один отрывок из этого документа; мысли, высказанные в нем, звучат очень современно, но в контексте событий того времени и личных амбиций Державина они приобретают несколько иной смысл: «Людей у нас достаточно, но у нас царит поразительное неумение маневрировать людьми, расставлять их по местам, использовать наилучшим образом наличные силы, потому что самокритика была у нас зажата, демократизмом и не пахло, господствовал бюрократический централизм».

Наконец, в 1938 г. Державин делает последнюю решительную попытку добиться «реабилитации» славяноведения (чему способствовала и изменившаяся международная обстановка). В июле он подготавливает докладную записку Председателю СНК СССР В. М. Молотову о положении славяноведения в СССР [13, ф. 827, оп. 3, д. 20, л. 34—46]. Упомянув в начале о своей 40-летней деятельности в области славяноведения, Державин останавливается прежде всего на двух причинах «политически эффективного» воздействия советской науки на славянские страны. Первая заключается в убеждении славян в том, что мощный Советский Союз является их единственным бескорыстным другом и защитником. Вторая основывается на том, что славяне долго находились под инациональным угне-

¹⁸ К сожалению, не ясно, предназначался ли этот текст для устного выступления в Академии или для публикации в печати. В деле отсутствуют листы с 1 по 10 и 26—27.

тенем, и вопросы языка, истории, литературы играют доминирующую роль в политических отношениях славянских стран. На базе этих наук, имеющихся у них «наилучшую разработку», можно создавать прочный оплот «против своего и чужеземного фашизма». Таким образом, для обоснования необходимости научных разработок в области славяноведения Державин привлекал прежде всего политические факторы, имея в виду в то же время и воздействие науки на изменение политической ситуации.

Н. С. Державин справедливо замечает, что научные связи СССР со славянскими странами «не достаточно активизированы, вернее говоря, вовсе не активизированы», но причины этого указывает лишь частично, считая, что такое положение сложилось благодаря «отстранению славяноведных исследований на последний план, а также и пренебрежению, господствующему в некоторых академических кругах, к этой области знания, что, несомненно, как я убежден, должно расхохотаться со взглядами правительства» (последнее замечание содержало намек на намерение Советского правительства открыть до 20 филологических факультетов в университетах с обязательным преподаванием на них славянской филологии¹⁹).

Затем Державин останавливается на причинах «вымирания славяноведения». Первая из них — отсутствие необходимых кадров (в Ленинграде три слависта-филолога — Н. С. Державин, В. Г. Чернобаев, К. А. Пушкаревич и один лингвист — Л. В. Матвеева-Исаева; в Харькове — один лингвист, Л. А. Булаховский; в Одессе — один лингвист, С. Б. Бернштейн²⁰). Значительную отрицательную роль, на его взгляд, сыграла ликвидация филологических факультетов и превращение их в педагогические вузы (отсюда — потеря кадров для преподавания славистики в вузах). Пагубно сказалась и ликвидация в АН Отделения русского языка и словесности, «которое до революции было организующим центром филологических исследований в России», вело большую научно-исследовательскую и издательскую работу»²¹. «История же славянских литератур, этнография и фольклор славянских народов до сих пор имеют перед собою двери нашей Академии Наук фактически закрытыми».

Державин объясняет, что последние 20 лет является «в СССР старшим по научному стажу специалистом в области славянской филологии»²², и это дает ему моральное право считать себя «ответственным за судьбы своей науки», которую он хотел бы видеть «обеспеченной надлежащей организационной обстановкой». Державин замечает, что кое-что он сделал в этом плане, но не всего удалось добиться. К положительным результатам своей научно-организационной и педагогической деятельности Державин относит то, что благодаря его усилиям «изучение славяноведения в СССР никогда за годы Революции не прерывалось, хотя и было представлено только в одном Ленинградском университете»²³. За развитием в нем славянской филологии он следил с 1920 г.²⁴: «С 1920—22 г. по поручению

¹⁹ Державин справедливо полагал, что нельзя изучать восточнославянские языки в отрыве от других славянских языков, но объяснял это не научной необходимостью, а тем, что раздельное изучение языков может породить «вредную политически иллюзию о „самостийности“ этих языков».

²⁰ В этом списке отсутствует Москва и не упомянуты историки-слависты (хотя и вместе с ними картина оставалась бы столь же безрадостной).

²¹ В 1927 г. Державин считал, что это Отделение «совершенно захирело и превратилось в богадельню для инвалидов» [4, с. 108].

²² Действительно, многие представители старшего поколения славистов уже ушли из жизни, эмигрировали или были репрессированы.

²³ Московский университет Державин упорно игнорирует, хотя в нем преподавали такие известные слависты, как Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, Н. Л. Туницкий, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров и др. Хорошую постановку славистики в Ленинградском университете он приписывает результатам своей деятельности в качестве ректора университета и декана факультета языкознания и материальной культуры, отмечая при этом: «Факультет наш лучший во всем Союзе по организации и по преподавательскому составу» [4, с. 108, 109]. Профессор С. Б. Бернштейн, напротив, считает, что можно говорить о расцвете славянской филологии в Московском университете в 20-е годы, в то время как в Ленинградском университете, при некотором оживлении славистических исследований, на подготовке лингвистов отрицательным образом сказывалось псаждение принципов яфетической теории Марра [14, с. 78—79].

²⁴ Профессором на кафедре славянской филологии он был с 1917 г.

правления я организовал в Ленинградском университете факультет общественных наук и обеспечил надлежащую постановку преподавания на нем ряда дисциплин по славянской филологии». И в дальнейшем «настойчиво проводил линию» на самостоятельное изучение славянских языков в университете. Далее Державин отмечает свои заслуги в создании Славянского отделения Публичной библиотеки, закрытого по инициативе директора библиотеки Комакадемии Менстера (впоследствии репрессированного [13, ф. 827, оп. 3, д. 62, л. 10].).

Следующий сюжет в докладной записке — внешнеполитический. В 30-х годах отношение к эмигрантам (по терминологии того времени — «белоземлякам») в нашей стране было однозначным. Державин вспоминает о состоявшемся в 1928 г. в Белграде IV съезде русских ученых («белоземляков», за отсутствием иной классификации), на котором звучала возмутительная ложь, о том, что СССР «не интересуется славянами и не изучает их», а подлинные представители славяноведения находятся в эмиграции. Чтобы опровергнуть эту «клевету», а также в интересах советской науки, пишет Державин, «я поставил вопрос о создании Института славяноведения». Специально отметив, что институт приступил к работе, имея «скромные силы специалистов-славяноведов», автор дальше подчеркивал, что «Институт развил большую научно-исследовательскую работу, впервые нащупывая новые пути в этой нетронутую-черноземной тогда еще области знания²⁵ и делал первые опыты применения в практике марксистско-ленинской методологии в славяноведении. Полученное нами от царского режима наследие в области славистики носило на себе сильную печать типичной формалистической науки». Нужно было «перевернуть» все старое и заложить основы новой советской науки. Эти основные методологические принципы и задачи советского славяноведения, напоминает Державин, сформулированы в его статьях [10; 18]. Памятуя, вероятно, о бесславном финале деятельности Института, Державин делает небольшую самокритичную оговорку, что достигнутое за время существования Института — это лишь «первые робкие шаги советского славяноведения, не лишены, конечно, и недостатков, и неизбежных ошибок».

Подчеркивая важность создания Института, Державин придает особое значение внешнеполитическому резонансу успехов советской науки, явно преувеличивая и влияние славяноведения на политику, и собственную роль в этом. Во-первых, создание центра советского славяноведения, пишет он, «в передовых кругах славянской демократической общественности произвело исключительное впечатление как выражение интереса Советского правительства к славянским народам, и подняло здесь антифашистские настроения». Во-вторых, находясь в научной командировке в 1933 г. в Праге, Державин прочел лекцию о строительстве национальной культуры и национал-фашизме, доклад о происхождении славян. Эти выступления, по его мнению, показали успехи советского славяноведения и интерес у нас в стране к славянским народам. Державин уверенно заявляет, что его миссия послужила укреплению культурных связей, что через год привело к «оформлению дипломатических отношений Чехословакии и СССР».

Даже печальный день закрытия института у Державина ассоциируется прежде всего с международным событием: это произошло «10 июня 1934 г., в день, когда Малая Антанта вступила в дипломатические отношения с Советским Союзом» (тем самым автор как бы намекает на опрометчивость закрытия учреждения, занимавшегося как раз странами, вошедшими в это политическое объединение).

Державин прямо не пишет о том, что «поход» против института и его закрытие он связывает с общим гонением на славистику и славистов, но намекает на это, называя время начала «похода» — осень 1933 г. Затем Державин останавливается на документе, который положил конец существованию института: он цитирует постановление Президиума АН,

²⁵ Явная недооценка достижений дореволюционного славяноведения.

подписанное непременно секретарем академиком В. П. Волгиным, согласно которому Институт славяноведения «как самостоятельная единица, недостаточно мощная для выполнения означенных задач», т. е. широкого изучения славянских народов, был ликвидирован «в целях усиления работы всех обществоведческих учреждений АН» в той же области²⁶. Державину была выражена благодарность.

С того момента прошло четыре года; этот срок позволил Державину сделать неутешительный вывод: после ликвидации Института славяноведения «никакого усиления работы ... вплоть до настоящего дня не произошло. Славяноведение, таким образом, оказалось изгнанным из стен Академии»²⁷. В объяснении причин Державин идет по накатанному и самому «традиционному» в ту пору пути (еще раз используя возможность отплатить за свою обиду и в то же время показывая, что речь идет не о его личных противниках, а «врагах народа»): «Весною 1935 г. (после убийства С. М. Кирова.— *Е. А.*) начались первые аресты среди членов академического центра троцкистско-зиновьевско-бухаринской банды, и среди арестованных оказалась, между прочим, вся та группа субъектов, которая на одном из заседаний, предшествовавших постановлению Президиума от 10 июня 1934 г., в связи с моим отчетным докладом о деятельности Института вела себя с исключительно циничной развязностью и фактически предпринимала ликвидацию Института. Это были — Томсинский, Печерский, Забиров, Троцкий, Булаховский (? — *Е. А.*). К ним присоединился б[ывший] академик Самойлович. Лидером провокации был Томсинский»²⁸.

Далее Державин с пафосом и как обычно преувеличивая выдвигает собственную версию причин истребления академической славистики (в то же время замечая из осторожности, что его мнение может быть и ошибочным): «...у меня возникла мысль, не представляет ли собою непримиримый нажим на наше славяноведение со стороны врагов народа дело немецко-фашистской агентуры с тем, чтобы убрать с дороги наступающего на славянские страны фашизма такую серьезную препопу, как идеологическое влияние на широкую славянскую демократическую общественность, хотя бы и через науку, обаяния Советского Союза». На следующей странице Державин уже отбрасывает все сомнения и с уверенностью заявляет: славяноведение было «с корнем вытравлено из стен Академии наук, по моему глубокому убеждению, замаскированными, но впоследствии выявленными врагами народа»²⁹.

Установив, таким образом, причину упадка академической славистики, Державин, видимо, полагал, что были все основания для преодоления

²⁶ В те годы наметилась тенденция укрупнения институтов, и с этой точки зрения Институт славяноведения был очень уязвим («Какой же это институт — 7 человек?» — проинизировал В. П. Волгин [13, ф. 827, оп. 3, д. 37, л. 67]). Однако для выполнения поставленных перед институтом задач Академия могла бы при желании увеличить штат, укрепить материальную базу института, но это не делалось. Трудно усмотреть логику в оправдании рассредоточения славистических изучений. Такой подход отрицательно сказался на развитии славяноведения.

²⁷ После закрытия Института небольшие очаги славяноведения остались в БАН (кабинет, в котором работал К. А. Пупкаревич) и в Институте языка и мышления (кабинет славянских языков), но первый в 1936 г. прекратил свое существование, а во втором преобладали исследования по русскому языку. В письме Молотову Державин сообщает, что когда ему удалось добиться решения Президиума о сохранении в БАН специального кабинета, Забиров сказал ему: «Мы закроем вам и кабинет славяноведения». Более подробно о состоянии славяноведения с 1934 по 1938 г. Державин пишет в докладной записке президенту АН В. Л. Комарову 23 мая 1938 г. [13, ф. 827, оп. 3, д. 62, л. 3—19]. В частности, он отмечает, что за четыре года не вышло ни одного сборника статей по славяноведению.

²⁸ В 1936 г. Державин писал только о «троцкистско-зиновьевской банде», но в 1938 г. уже прошел процесс Н. И. Бухарина и название «враждебной» группировки соответственно изменилось. В упоминавшейся записке В. Л. Комарову Державин вновь перечисляет тех же «членов троцкистско-бухаринской банды», которые вели «усиленную агитацию» против института с осени 1933 г. а в 1934 г. играли «активную роль» в деле его ликвидации, но при этом вместо Булаховского называет Бусыгина [13, ф. 827, оп. 3, д. 62, л. 11].

²⁹ Истинные причины преследования славяноведения, как и незаконных репрессий вообще, в то время вряд ли могли быть верно поняты. Анализ их — задача наших дней.

этого состояния. Поэтому в конце письма он в деловом тоне сообщает, что в 1938 г. он уже обращался к президенту АН В. Л. Комарову и вице-президенту Г. М. Кржижановскому по вопросу о необходимости создания в Институте мировой литературы АН СССР отдела истории славянских литератур (предварительно получив согласие директора института И. К. Лупшоло) ³⁰. Оба руководителя Академии «были очень внимательны».

Но Державин хочет заручиться поддержкой более высоких властей, поэтому с ученическими интонациями обращается с вопросами к Молотову (в «авторитетном слове и указании» которого нуждается): «не противоречит ли моя настойчивая борьба ... точке зрения правительства и партии»; «отвечают ли интересам Советского Союза мои устремления к тому, чтобы всемерно поднять, развить и укрепить в СССР изучение культуры, языков и быта славянских народов». Из самой постановки вопросов ясно, каких ответов ждал Державин (ждал, видимо, и признания своих заслуг). И все-таки уверенности не было. Поэтому заканчивает он письмо в духе смирения, обещая, если не прав, «безоговорочно сложить оружие» и ограничить «свою деятельность скромными рамками университетского преподавания».

Здесь приведены лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее яркие и убедительные документы, свидетельствующие о том, как в сложной и небезопасной обстановке 30-х годов один из старейших в то время славистов, академик Н. С. Державин, своими методами принимал меры по спасению «славяноведных изучений» в рамках Академии наук. Нетрудно убедиться, что методы и средства, к которым прибегал ученый, не всегда можно назвать достойными. Далеко не безразличны были Державину его собственное место в науке и роль в организации советского славяноведения. Поддаваясь общему настрою, господствовавшему в период сталинщины, Державин далеко не всегда давал справедливые оценки своим коллегам, навешивая распространенные в то время ярлыки; может быть, вполне искренно не понимал реальных истоков гонения на славяноведение. Но в то же время через призму его восприятия удается увидеть поистине драматическое положение славяноведения в 30-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России, т. 1. София, 1914; т. 2. Пг., 1915.
2. Список трудов академика Н. С. Державина в области славяноведения (1898—1952). Сост. К. Н. Державин.— Кр. сообщ. Ин-та славяноведения, М., 1953, № 11.
3. *Державин Н. С.* Яфетическая теория академика Н. Я. Марра.— Научное слово, 1930, № 1; *Державин Н. С.* К вопросу о происхождении болгарского народа (Письмо в редакцию).— Вопросы истории, 1952, № 7.
4. Българо руски научни връзки XIX—XX век. Документи. София, 1968.
5. Вестник Академии наук СССР, 1931, № 1, стб. 11; № 5, стб. 1.
6. *Graham L. R.* The Soviet Academy of Science and the Communist Party, 1927—1932. Princeton, 1967.
7. *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова.— Вопросы истории, 1989, № 5.
8. Николай Севастьянович Державин. М.— Л., 1949, с. 4—5.
9. *Логачев К. И.* Советское славяноведение до середины 30-х годов.— Советское славяноведение, 1978, № 5, с. 99.
10. *Державин Н. С.* Наши задачи в области славяноведения.— Тр. Ин-та славяноведения, Л., 1932, т. 1, с. 1—14.
11. *Бернштейн С. В.* Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века).— Советское славяноведение, 1989, № 1.
12. *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки.— Советское славяноведение, 1990, № 2.

³⁰ Здесь наблюдается сужение практических шагов до программы-минимум, которая соответствовала личным творческим интересам Державина. Трудно сказать, почему он не ведет речь о возрождении института, возможно, потому, что в результате репрессий стала весьма ощутима нехватка кадров славистов. Но допустимо и другое предположение: вряд ли можно было рассчитывать на восстановление института в Ленинграде и во главе с Державиным; после переезда Академии в Москву такой институт скорее всего мог быть создан в столице под руководством кого-либо из московских славистов, что не отвечало устремлениям Державина.

13. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
14. Антонов-Овсеенко А. В. Сталин и его время.— Вопросы истории, 1989, № 7, с. 93—110.
15. Пономарев Б. Рец. на кн.: Сталин и Хашим (1901—1902 годы). Некоторые эпизоды из батумского подполья. С предисл. Н. Лакоба. Сухум, 1934, 41 с.— Большевик, 1935, № 1.
16. Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964, стб. 598.
17. Берков П. Н. Академик Николай Севастьянович Державин (К 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности).— Вестник ЛГУ, 1947, № 12, с. 122.
18. Державин Н. С. От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии.— Вестник Академии наук СССР, 1931, № 10, стб. 37—44; Державин Н., Корблев В. Институт славяноведения.— Вестник Академии наук СССР, 1932, № 1, стб. 37—40.

ЗАБОРОВСКИЙ Л. В., ЗАХАРЬИНА Н. С

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Сектор возник в августе 1970 г. в рамках начавшейся с 1968 г. крупной реорганизации работы Института славяноведения АН СССР, значительного расширения проблематики его исследований, общих структурных изменений, что нашло выражение в его преобразовании в Институт славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ). Сектор стал преемником (в рамках хронологии исследований) двух подразделений прежнего Института — сектора славяно-германских отношений и сектора феодализма и капитализма. Кроме того, он был усилен специалистами по истории Византии, Румынии и Венгрии из Института всеобщей истории АН СССР. Новую структурную единицу возглавил прежний руководитель сектора славяно-германских отношений, выдающийся советский полонист д-р ист. наук В. Д. Королюк. С сентября 1981 г. во главе сектора стоит видный советский ученый, крупный византист, болгарист, специалист по истории славяно-византийских отношений и связей чл.-корр. АН СССР, иностранный член Болгарской АН Г. Г. Литаврин.

Количественный состав сотрудников сектора всегда был невелик, колеблясь в пределах 13—15 человек, но заметно рос его научный потенциал. Характерен такой показатель: в момент образования в сектор (14 человек) входили один доктор и шесть кандидатов исторических наук, а ныне, при том же общем количестве сотрудников в секторе работают: один член-корреспондент АН СССР, четыре доктора и восемь кандидатов исторических наук. Совсем недавно трагически рано мы потеряли серьезного специалиста по истории югославянских народов в эпоху феодализма д-ра ист. наук Е. П. Наумова. Именно качественный рост позволяет сектору справляться со значительно увеличившимся объемом плановой и сверхплановой научной работы.

Характеризуя основные направления секторской работы, достигнутые результаты и планы, отметим, что нацеленность научных усилий сектора определялась ведущими линиями развития советской славистики и балканистики с учетом эволюции соответствующих отраслей мировой исторической науки, сложившимися исследовательскими традициями и реальным составом коллектива. Сектор изучал сложный комплекс вопросов социально-экономической, политической и культурной истории (с первых веков н. э. по XVII в.) народов зарубежных славянских стран, восточнороманских народов и венгров, проблемы истории Византийской империи, разнообразные связи Руси со всем этим регионом по трем главным направлениям.

Заборовский Лев Валентинович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Захарьина Наталия Сергеевна — младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

С 1970 г. и в течение ряда лет сектор имел название сектора древней истории и истории средних веков, ибо сотрудникам подразделения была поручена разработка большой и новой для них темы: «Славянский и восточнороманский этногенез, формирование раннесредневековых народностей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, этническая история и этническое самосознание славянских и ряда балканских народов». При этом были использованы важнейшие элементы методики работы, апробированные в секторе славяно-германских отношений, творчески развитые и продолженные.

Первый элемент — максимальная координация научных усилий в широком масштабе. Указанная выше тема по самому своему характеру требовала комплексного, междисциплинарного подхода, привлечения специалистов разного профиля. Помимо историков, было налажено конструктивное сотрудничество с филологами ИСБ и частично — с учеными иных специальностей.

Второй элемент — практика регулярного издания сборников с привлечением обширного круга авторов. В прежнем секторе почти ежегодно выпускались сборники; новому, по не зависящим от него причинам, лишь частично удалось поддержать эту полезнейшую традицию (см. [1, с. 281—282; 2]). В некоторой мере недостаток удалось компенсировать появлением совместных трудов в рамках программ научного сотрудничества с внесекторскими академическими центрами (особенно Кишиневом, Львовом) (см. [1, с. 280—281]). Опубликованные в них исследования сотрудников сектора, многих других авторов, включая археологов и филологов, стали существенным вкладом в изучение указанной темы. Но все же это было взаимодействие прежде всего с историками и между историками, т. е. несколько одностороннее и неполное. Поэтому именно сектору пришлось уделить особое внимание исследованию центральной проблемы — проблемы возникновения и развития раннефеодальных славянских народностей, формирования их этнического самосознания (со времени появления в первых веках н.э. письменных известий о славянах).

В данной связи весьма уместным оказался третий элемент опыта работы сектора славяно-германских отношений: одновременно с изучением основной проблематики издание важнейших источников по теме. В этом сотрудники сектора следовали также традициям крупнейших советских историков и славистов акад. В. И. Пичеты и М. Н. Тихомирова; существенное значение имела и возможность воспользоваться высочайшим уровнем публикаторской культуры, характерным для византиноведения. В 1970 г. вышло издание «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности» (подготовлено канд. ист. наук А. И. Роговым, в значительно расширенном виде книга появилась в ЧСФР в 1976 г.). Особо выделим два крупных труда. Первый из них: *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. (М., 1989), увидевший свет в серии «Древнейшие источники по истории народов СССР», был подготовлен сотрудниками Института истории СССР и ИСБ, в том числе семью членами сектора. Появление в СССР перевода этого важнейшего источника по истории не только Византии, но и соседствующих с ней и более отдаленных народов и государств Балканского полуострова, Центральной и Восточной Европы, Кавказа стало крупным достижением советской исторической науки. В книгу включены греческий текст, его параллельный перевод, подробный аналитический историко-филологический комментарий к главам памятника, являющийся во многих случаях фактически небольшим, но емким исследованием наиболее темных и спорных мест памятника и истории указанных регионов.

Второй труд, подготовленный сектором по плану Отделения исторических наук АН СССР, — два выпуска в настоящее время сданного в издательство «Наука» «Свода письменных известий о древних славянах (I — начало IX в.)» (отв. ред. вып. 1 — Г. Г. Литаврин и д-р филол. наук Л. А. Гиндин, вып. 2 — Г. Г. Литаврин). «Свод» предназначен не только

для специалистов разного профиля, особенно не историков, но и для широкого круга научной общественности, в том числе вузовской. При работе над «Сводом» авторский коллектив имел в виду: собрать максимально полный комплекс иноязычных письменных источников соответствующего времени о славянах, включая даже небольшие, но важные свидетельства (часть из них никогда не переводилась на русский язык); издать выверенные оригинальные тексты; выполнить новые переводы всех источников с тщательнейшими историческим, филологическим и текстологическим комментариями. Для подготовки первого выпуска (I—VI вв.) который требовал особой филологической «отделки», наряду с членами коллектива ИСБ (кроме названных выше укажем канд. ист. наук С. А. Иванова, научно-техническая работа проведена Н. С. Захарьиной) была привлечена группа сотрудников ленинградских и московских академических учреждений. Второй выпуск сделан в основном силами секторских работников, а также Л. А. Гиндиным и канд. ист. наук А. В. Подосиновым (Ин-т истории СССР АН СССР).

В ходе всей этой многосторонней работы удалось выйти на новый уровень обобщения по рассматриваемому направлению исследовательской работы. Свидетельством тому в первую очередь стал сборник статей «Формирование раннефеодальных славянских народностей» (М., 1981). Сектор считает опыт издания такого рода сборников, предваряющих публикацию коллективной монографии, весьма полезным при разработке любой крупной проблемы и необходимым эту практику продолжить. В частности, был подготовлен коллективный труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982) (отв. ред. В. Д. Королюк, зам. отв. ред. Г. Г. Литаврин), выполненный сотрудниками сектора (10 человек), филологами ИСБ (акад. Н. И. Толстой, д-р филол. наук, проф. Вяч. Вс. Иванов, Л. А. Гиндин, канд. филол. наук В. Э. Орел) и д-ром ист. наук Я. Д. Исаевичем (Ин-т общественных наук АН УССР). В мировой науке до сих пор отсутствовало подобное исследование этнического самосознания в рамках всей славянской общности или нескольких ее ветвей. В этом издании были намечены основные этапы и главные особенности становления этнического самосознания в раннесредневековый период, показаны черты сходства и различия этого процесса в отдельных частях славянского мира. Хронологически труд доведен до начала XII в., включая историю ранней государственности у славян, что относится уже ко второму главному направлению секторской научной работы.

Некоторые из выполненных или осуществляемых в секторе исследований находятся на стыке двух важнейших направлений. Это серия монографических статей Г. Г. Литаврина «Этнополитические процессы на Балканах в IX—XI вв.» (завершена в 1980 г.); коллективный труд «Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв.» (М., 1985) (отв. ред. Г. Г. Литаврин), в котором сотрудники сектора (с участием медиевистов Калининского гос. ун-та и ИНИОН АН СССР) подвергли сравнительно-историческому анализу общее и особенное в создании и эволюции раннеславянской государственности на Балканском полуострове в условиях взаимодействия с развитой византийской государственной моделью. Сюда же можно отнести целевой международный проект по проблеме «Образование и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе» (ответственный с советской стороны Г. Г. Литаврин). Он реализуется прежде всего сотрудниками сектора и институтов: балканистики Болгарской АН, чехословацкой и всеобщей истории Чехословацкой АН и исторических наук Словацкой АН с целью установления черт единства и своеобразия в исторических и историко-культурных процессах, протекавших в то время в славянских землях. В 1983—1989 г. в государствах — участниках проекта было проведено три совместных симпозиума, материалы которых либо изданы — «Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей» (М., 1987), «Typologie raně feudalních slovanských států» (Praha, 1988), либо готовятся к публикации. Успешный

ход исследовательской работы позволил приступить к завершающему ее этапу — подготовке представителями сектора (7 человек) и трех названных институтов обобщающего труда «Раннефеодальные государства и народности: южные и западные славяне VI—XII вв.» (отв. ред. Г. Г. Литаврин). Эта коллективная монография уже сдана в издательство. Она имеет важное методологическое значение не только для изучения эволюции феодальной формации, но и для исследования закономерностей межформационных переходов. Для данных эпохи и региона подобная обобщающая работа не имеет аналогов в историографии.

В какой-то мере к этой же промежуточной группе принадлежат написанный по плану двустороннего сотрудничества ИСБ, институтов чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, исторических наук САН совместный сборник статей «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение» (М., 1985), а также подготовленная д-ром ист. наук Б. Н. Флорей для серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» публикация «Сказания о начале славянской письменности» (М., 1981), где изданы важнейшие источники по истории славянской культуры — Жития св. Константина (Кирилла) и Мефодия, создателей славянской письменности.

Второе, вполне традиционное и ведущее направление научной деятельности сектора: «Генезис феодализма и образование феодальных государств в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Закономерности образования феодальной формации». И по этому направлению сектор стремился издавать важнейшие исторические сочинения того времени. В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» появились два таких произведения: «Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в.» (М., 1972). Это монументальное издание, подготовленное Г. Г. Литавриным, содержит греческий текст с параллельным переводом, во введении и подробнейшем комментарии-исследовании памятник включен в обширную панораму тогдашней византийской жизни. Другое издание: *Видукинд Корвейский. Деяния саксов* (М., 1975) (подготовлено д-ром ист. наук Г. Э. Санчуком). Публикация труда саксонского хрониста X в. продолжает начатую еще сектором славяно-германских отношений практику издания немецких хроник, как важнейшего источника по истории Германии и соседнего славянского мира. В книге даны латинский текст, перевод и текстологические комментарии, основательно проанализирована историческая и литературная ценность труда в контексте современной хронисту эпохи. В серии «Памятники исторической мысли» в 1988 г. была издана давно подготовленная известным византологом проф. М. Я. Сюзюмовым «История» одного из крупнейших византийских авторов второй половины X в. Льва Диакона (отв. ред. Г. Г. Литаврин, редактор перевода С. А. Иванов, участвовавший также в комментировании).

В определенной степени поддерживалась традиция выпуска в свет тематических сборников (см. [1, с. 281]). Удалось добиться и большей, сравнительно с первым направлением, сбалансированности в работе, издав несколько фундаментальных индивидуальных монографий. Выделим комплекс исследований Г. Г. Литаврина. Это и основополагающий труд «Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия, 976—1081 гг.» (М., 1977), в котором рассмотрены кардинальные проблемы более чем ста весьма бурных лет истории империи, проанализированы социальная структура тогдашнего византийского общества и важнейшие элементы и особенности византийской государственности. Это и переиздание в расширенном виде работы Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (София, 1987), а также его книга «Как жили византийцы» (М., 1974; София, 1984). Важнейшие, вызывающие острые дискуссии в историографии проблемы социально-экономического и политического развития народов и государств Юго-Восточной Европы в эпоху развитого феодализма изучены в книге Е. П. Наумова «Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма» (М., 1975).

Указанные издания стали хорошей базой для подготовки сектором коллективных трудов по второму основному направлению его работы. Первый из них: «Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси» (М., 1988) (отв. ред. Г. Г. Литаврин, зам. отв. ред. А. И. Рогов, авторы: Г. Г. Литаврин, А. И. Рогов, Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, канд. ист. наук В. П. Шушарин, О. В. Иванова, В. К. Ронин). Приуроченный к 1000-летию крещения Руси он, однако, лишь частично связан с юбилеем, а фактически возник органично, в ходе разработки сектором проблем раннего и развитого феодализма в странах данного ареала, в результате чего все более четко осознавалась необходимость специального анализа процесса христианизации соответствующих народов как одного из центральных явлений их исторической жизни. В книге рассмотрены классово-политические функции христианской религии и церкви в раннефеодальную эпоху и культурно-идеологическая роль христианства в развитии тогдашнего общества. В данной связи авторы уделили существенное внимание изучению культурологической стороны христианства в рамках функционального места культуры в обществе той поры. Последовательно проведен типологический сравнительно-исторический анализ процесса христианизации в названных двух регионах и в Древней Руси X—XII вв.

Столь же естественно сектор обратился к продолжению работы по исследованию эволюции этнического самосознания славянских народов, на сей раз применительно ко времени развитого феодализма (XII—XIV вв.). По уже сложившейся практике вначале был выпущен сборник статей «Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе» (М., 1988) (отв. ред. Е. П. Наумов, кроме семи сотрудников сектора в нем приняли участие лингвисты ИСБ и сотрудница ИНИОН АН СССР). За ним последовал (по плану Отделения исторических наук АН СССР) труд «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма». (М., 1989) (отв. ред. Г. Г. Литаврин и Вяч. Вс. Иванов). Эта коллективная монография с самого начала задумывалась как совместный труд историков и филологов, прежде всего ИСБ (9 членов сектора и 6 филологов), в работе приняли участие также Я. Д. Исаевич и канд. ист. наук О. А. Акимова (ИНИОН АН СССР). В данном комплексном междисциплинарном исследовании освещены важнейшие особенности и эволюция этнического самосознания славян в переломную эпоху феодальной раздробленности и постепенного складывания сословных монархий в политической области и широкой немецкой колонизации в этнической сфере, а также прослежено воздействие этих процессов на развитие народного самосознания и их осмысление в памятниках исторической мысли и литературы, выявлены основные этапы оформления «национальных языков» периода развитого феодализма.

Третье основное направление научной работы сектора, также частью перешедшее от его предшественника: «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в системе общеевропейских политических, международных и культурных отношений в феодальную эпоху. Связи России с балканскими народами и государствами». Хронологически центр исследовательских интересов сектора здесь постепенно смещается к периоду позднего феодализма и времени османской экспансии и господства на Балканах. По этому направлению менее значительной была публикаторская деятельность. В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» вышли: «Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы» (М., 1978) (издание подготовлено А. И. Роговым); «Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год» (М., 1989) (издание подготовлено канд. ист. наук А. И. Виноградовой и канд. ист. наук Г. П. Мельниковым, отв. ред. Б. Н. Флоря). Г. П. Мельников участвовал в переводе труда С. Герберштейна «Записки о Московии» (М., 1988). Гораздо большее развитие получило издание сборников статей (см. [1, с. 281]) и индивидуальных монографических работ. Остающиеся до сих пор спорными в историографии вопросы внутреннего развития балканских государств накануне и в на-

чальный период османского завоевания рассмотрены в серии монографических статей Е. П. Наумова «Балканы в эпоху турецкого нашествия» (завершена в 1979 г.), а по несколько иному времени, территории и в рамках начинавшегося осmano-австрийского противоборства — в монографии В. П. Шушарина «Венгерская этносоциальная общность в эпоху обострения классовой борьбы и экспансии Османской империи (XV—XVI вв.)» (завершена в 1989 г.). Сложнейшая и весьма актуальная в современной исторической науке проблематика международных отношений (а также культурных связей) в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIV—XVIII вв. рассмотрена в сборниках материалов Комиссии историков СССР и ПНР (см. [1, с. 281; 3]), в издании «Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма» (М., 1989) (отв. ред. Г. Г. Литаврин, частью затрагивается и более раннее время); в монографиях д-ров ист. наук И. Б. Грекова, Б. Н. Флори, канд. ист. наук Л. В. Заборовского (см. [1, с. 282; 4]); в серии монографических статей д-ра ист. наук Л. Е. Семеновой «Дунайские княжества в системе международных отношений Юго-Восточной Европы второй половины XV — первой четверти XVI в.» (завершена в 1989 г.). Значительное внимание уделялось исследованию проблем истории культуры и культурных связей славянских стран, вопросам взаимодействия и взаимовлияния культур народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья (см. [1, с. 281, 282; 5]).

По третьему направлению научной деятельности сектора были опубликованы также два коллективных труда. Книга «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений» (М., 1984) (отв. ред. И. Б. Греков, зам. отв. ред. Л. Е. Семенова) была подготовлена преимущественно сотрудниками сектора, а также авторами из академических институтов востоковедения, истории СССР и его Ленинградского отделения и Археографической комиссии. В монографии проанализированы основные особенности и этапы внутри- и внешнеполитического развития государства Османов и превращения его в империю, представлена социальная и политическая обстановка на Балканах, способствовавшая успеху османской экспансии, воссозданы основные узлы взаимоотношений стран этой части Европейского континента с державой Османов в контексте европейской международной политики, прослежено отражение борьбы против имперского гнета в памятниках литературы и искусства славянских народов. Издание «Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.» (М., 1990) (отв. ред. Б. Н. Флори) целиком выполнено членами сектора, которые впервые в историографии, опираясь в значительной мере на неопубликованные источники из советских архивов, рассмотрели все формы связей (экономических, политических, культурных) между Россией и народами региона, находившимися под властью Османской империи, установили специфические черты таких контактов. Ценной особенностью издания является большое документальное приложение.

Неизменной чертой работы сектора все эти годы было активное участие его сотрудников в выпуске ИСБ обобщающих историй отдельных стран (см. [1, с. 280]); укажем также на «Историю Венгрии» (Т. I. М., 1971) (отв. ред. В. П. Шушарин, которому принадлежит и основная часть текста тома). В последние годы члены сектора участвовали в создании более популярных работ подобного типа: «Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1987) (отв. ред. и автор разделов по XVII в. включительно Г. Г. Литаврин); «Краткая история Румынии...» (М., 1987) (Л. Е. Семенова написала главы, хронологически охватывающие время до 1830 г.); в аналогичных трудах по истории Венгрии участвует В. П. Шушарин, подготовивший текст до конца XVII в., по истории Югославии — Е. П. Наумов (отв. ред. и автор разделов до конца XVIII в.).

Столь же широко представители секторского коллектива привлекаются к участию в обобщающих трудах и публикациях, нередко выходящих за хронологические рамки проблематики сектора, подготовливаемых другими подразделениями ИСБ и иными научными учреждениями. Тако-

вы издания ИСБ: сборник документов «Первое Сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия» (Т. 1—2 М., 1980—1983) (Е. П. Наумов член редколлегии второго тома и его составитель вместе с д-ром ист. наук И. С. Достьян); «Международные отношения на Балканах 1815—1830 гг.» (М., 1983) (Л. Е. Семенова — один из авторов); работы Института всеобщей истории АН СССР: «История Европы» (Т. 2—4) (авторы и члены редколлегии — Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, Л. Е. Семенова, А. И. Рогов, Г. П. Мельников); «Культура Византии» (Т. 1. М., 1984) (Г. Г. Литаврин член редколлегии); (Т. 2. М., 1989) (отв. ред. Г. Г. Литаврин при одновременном авторском участии, один из авторов тома — А. И. Рогов); (Т. 3, отв. ред. и один из авторов Г. Г. Литаврин); «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма» (Т. 1—2. М., 1985—1986) (в составе коллектива авторов В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин, В. П. Шушарин); труды Института истории СССР АН СССР: «Образование и развитие Древнерусского государства» (в печати, в составе авторского коллектива Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря, В. К. Ронин); Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (М., 1982); издания МГУ им. М. В. Ломоносова: «Очерки истории русской культуры XVI в.» (Ч. 2. М., 1977); «Очерки истории русской культуры XVII в.» (Ч. 2. М., 1979) (А. И. Рогов — один из авторов и член редколлегии; наряду с другими создателями «Очерков» отмечен Государственной премией 1982 г. в области науки); работы Института истории АН Молдавской ССР: «Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.)» (Кишинев, 1987) (Л. Е. Семенова и Б. Н. Флоря члены редколлегии, Л. Е. Семенова также один из авторов).

Неизменно велико число внесекторских внутрисююзных и зарубежных изданий разного типа, в которых помещают свои исследования сотрудники сектора. Укажем лишь некоторые примеры: с 1977 г. Е. П. Наумов неоднократно публиковался в сборниках «Вопросы истории славян» (Воронеж) и «Дантовские чтения» (М.); в институтском издании «Балканские исследования» активно выступали Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Л. Е. Семенова, а также А. И. Рогов и Л. В. Заборовский. Отметим также издания: «Второй международный конгресс на българистика. Доклады. Пленарии доклады» (София, 1986) (Г. Г. Литаврин); «VIII Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации» (М., 1978) (Г. Г. Литаврин); «VIII Международный съезд славистов. Славянские литературы. Доклады советской делегации» (М., 1978) (Е. П. Наумов, А. И. Рогов); «Хрестоматия по истории южных и западных славян» (Т. I. Минск, 1987) (Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, С. А. Иванов, О. В. Иванова, В. К. Ронин) и др.

Немалую долю в научной продукции членов сектора составляли статьи, рецензии и другие материалы, публиковавшиеся в советских и зарубежных периодических изданиях: «Советское славяноведение», «Византийский временник», «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Советская этнография», «Средние века», «*Études balcaniques*», «*Byzantinoslavica*», «*Revue Bulgare d'histoire*» и др. В некоторых из них члены сектора вели и ведут большую научно-организационную работу: В. Д. Королюк был заместителем главного редактора журнала «Советское славяноведение», Г. Г. Литаврин и Б. Н. Флоря входят в состав его редколлегии; Г. Г. Литаврин являлся заместителем ответственного редактора, а ныне — ответственный редактор «Византийского временника».

Представители коллектива сектора постоянно и активно выступали с докладами и сообщениями на различных международных и всесоюзных научных форумах по обширной проблематике социально-экономической истории, классовой борьбы, экономического развития, социальных движений, истории международных отношений, культуры, искусства, литературы, общественно-политической мысли, церкви в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе эпохи феодализма (см. [1, с. 282—283]).

Отметим также участие в таких крупнейших международных собраниях ученых, как съезды славистов: VII (Варшава, 1973) — А. И. Рогов, VIII (Загреб, 1975) — Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, А. И. Рогов, IX (Киев, 1983) — Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря, X (София, 1988) — Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря, А. И. Рогов, С. А. Иванов; конгрессы по изучению истории и культуры стран Юго-Восточной Европы: V (Белград, 1984) — Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Л. Е. Семенова, VI (София, 1989) — Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов; I и II конгрессы по болгаристике (София, 1981, Москва, 1986) — Г. Г. Литаврин; конгрессы византистов: XVII (Вашингтон, 1986) — Г. Г. Литаврин, С. А. Иванов. Группа сотрудников сектора во главе с Г. Г. Литавриным как председателем оргкомитета участвует в подготовке XVIII Международного конгресса византистов (Москва, 1991), где прочтет также доклады и сообщения. Из иных международных форумов укажем симпозиумы, посвященные 300-летию со дня смерти Ю. Крижанича, 1100-летию со дня смерти Мефодия (Нитра, 1985), 800-летию Второго Болгарского царства (Тырново, 1985), 1000-летию крещения Руси (Тудинг, ФРГ, Москва, 1987, Белосток, Салоники, 1988), 400-летию патриаршества в России (Москва, 1989). Большой объем научно-организационной работы выполняли Г. Г. Литаврин, И. Б. Греков, Л. Е. Семенова, В. П. Шушарин как ответственные с советской стороны за деятельность соответственно советско-болгарской, советско-польской, советско-румынской и советско-венгерской комиссий историков.

Из общесоюзных научных форумов выделим одно приобретшее значительную популярность и признание начинание сектора: ежегодные (с 1983 г.) Чтения памяти В. Д. Королюка. Постепенно они стали своего рода лабораторией для отработки многих вопросов, связанных с основными направлениями секторской научной деятельности, в том числе и в перспективном плане. С 1988 г. эти Чтения включены в план Отделения исторических наук АН СССР под общим названием «Славяне и их соседи» с соответствующими подзаголовками: «Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. VI—XIII вв.» (1988), «Международные отношения в эпоху феодализма» (1989), «Этнопсихологические стереотипы в средние века» (1990). В двух последних случаях были изданы сборники части докладов. На 1991 г. запланированы Чтения по теме: «Католицизм и православие в средние века», взаимосвязанные с намеченным сектором исследованием проблем Брестской унии 1596 г. и ее исторических последствий.

В целом в 1971—1976 гг. ученые сектора приняли участие в 19 крупных международных и 21 всесоюзном научных форумах, в 1977—1982 гг. — соответственно 42 и 24; в 1983—1989 гг. — 41 и 56.

Задумываясь о работе сектора за 20 лет как о некоем целом, в ней можно выделить несколько аспектов. В секторской работе имелась центральная ось — разработка истории формирования и развития раннефеодальных славянских народностей и государств в органичной увязке с историей Византии примерно по XII в. С известной долей условности эту эпоху можно назвать «византийской», во всяком случае для Балкан (иные приоритеты формировались в Центральноевропейском ареале). Именно применительно к ней сектором выполнено наибольшее число коллективных исследований, издано источников, освещены многие важнейшие процессы. Конечно, сделано далеко не все, но именно здесь мы ближе всего подошли к возможности синтеза, в том числе типологически-регионального. Гораздо меньше удалось до сих пор сделать по периоду развитого феодализма, хотя и тут есть достижения и наметились определенные перспективы. Думается, на основе уже сделанного сектором для времени перехода от развитого к позднему феодализму постепенно кристаллизуется еще одна большая задача, которая, возможно, станет новым центром работы сектора на много лет: исследование «османской» эпохи на Балканах и проблемы развития многонациональной государственности в Центральной и Юго-Восточной Европе во взаимосвязи с изучением постепенно возрастающей роли России здесь, включая расширение ее контактов с бал-

канскими народами (XV—XVII вв., с вероятным в будущем выходом в XVIII в.).

В заключение кратко остановимся на некоторых, находящихся в процессе выработки и уточнения задачах секторской работы в ближайшие годы и в несколько более отдаленном будущем. В создавшейся ныне общественно-политической обстановке, для которой характерны живой интерес широких кругов читателей к истории даже отдаленных эпох, особое внимание к освещению наиболее острых вопросов прошлого народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и их взаимоотношений, сектор считает необходимым готовить такие исторические работы, которые бы в еще большей мере отвечали реальной правде истории во всей ее сложности. В связи с этим новым содержанием наполняются и уже апробированные исследовательские программы. Очерченные выше главные направления научной деятельности остаются для коллектива сектора актуальными, но появляются ранее слабо изучавшиеся темы. В соответствии с рекомендациями Отделения исторических наук АН СССР сектор продолжает изучение основных закономерностей развития этнического самосознания народов исследуемых регионов, на сей раз в переходный период к позднему средневековью, в эпоху османского завоевания. Имеется в виду к 1992 г. подготовить очередной, третий коллективный труд на эту тему: «Проблемы развития этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XV в.». Вместе с тем сочтено целесообразным частично переместить центр тяжести на сторону проблематики эволюции исторического самосознания народов на тех же землях. С этой целью запланирован новый коллективный труд: «Славянские историки эпохи Возрождения». Одновременно это станет мостиком к новому большому и актуальному направлению — истории общественно-политической мысли.

Часть членов сектора будет занята в выполнении международного проекта по линии ЮНЕСКО — создании первого тома коллективного труда «Очерки истории славянских культур». Намечено продолжение многостороннего сотрудничества с историками стран центральноевропейских, в том числе по теме «Славянские культуры и их место в культурном развитии средневековой Европы». По проблематике истории международных отношений сектор готовит коллективный труд «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Очерки политических взаимоотношений» как продолжение аналогичной книги по XIV—XVI вв. По инициативе дирекции ИСБ сектор приступит к подготовке коллективного труда «Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI—XVII в.».

Сектор намерен продолжать оправдавшую себя практику издания источников и намечил несколько конкретных сочинений («Жития Стефана Лазаревича», «Русские сочинения о Флорентийской унии», «Хроника Адама Бременского» и др.). Будет продолжена работа по подготовке сотрудниками сектора индивидуальных монографических исследований, что послужит основой для выхода в будущем на новую, более высокую ступень обобщения и соответствующих ей работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ↓

1. Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
2. *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. (Политическая и этническая история). М., 1985.
3. *Polska a Rosja w XVII w.* Warszawa, Poznań, 1989.
4. *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
5. Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

FRANCIS CONTE. *Les Slaves. Aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale (VI—XIIIe siècles)*. Paris, 1986, 734 p.

ФРАНСИС КОНТ. *Славяне. К истокам цивилизаций Центральной и Восточной Европы (VI—XIII вв.)*

В последние годы в мире усилился интерес к проблемам славистики как комплексу взаимосвязанных общественных дисциплин — истории, археологии, этнографии, философии, культурологии, филологии. Значительным явлением в этом плане стала рецензируемая книга профессора Парижского университета (Сорбонна IV) Франсиса Конта, вышедшая в серии «Эволюция человечества». Автор поставил перед собой цель не только дать широкому кругу читателей всестороннюю и достаточно полную информацию о славянских народах в рассматриваемый период, но и оценить их вклад в развитие мировой цивилизации.

Кто такие славяне? Каково их происхождение? Образуют ли они вполне определенную общность в плане этническом, лингвистическом, культурном? Какие отличия разделяют славянские народы? Каков их вклад в духовную, культурную, политическую области развития человечества? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, Ф. Конт, используя разнообразие источников (хроника, летописи и т. д.) и значительное число исторических, археологических, этнографических и филологических исследований ученых славянских стран, СССР, Франции, Англии, США, ФРГ, анализирует возникновение и эволюцию дохристианских славянских цивилизаций, образ жизни славян, их мифы и верования, социальные и политические структуры, участие в мировой торговле, роль Рима и Византии в развитии славянских народов. При столь широком круге рассматриваемых вопросов Ф. Конт предпочел хронологическому принципу изложения материала тематический, который позволил ему выделить несколько крупных проблем. Каждой из них посвящен один из восьми самостоятельных, тематически завершенных разделов книги.

Первый раздел называется «Славянское пространство». На основании древнейших

письменных источников и археологических данных автор определяет первоначальную территорию расселения славянских племен, затем переходит к рассмотрению миграционных процессов в V—VII вв., описывает распространение славян на север, юг, запад и восток и сопротивление, которое им оказывали соседние народы вплоть до XII в. (на территории Пелопоннеса к XI в. и Германии к XII в. продвижение славян было остановлено, но на востоке, по мнению Ф. Конта, их экспансия продолжалась до XIX в.). Особое внимание уделено борьбе славян с Византийской империей в VI—VII вв.

В следующем разделе «Наследие славянских цивилизаций в дохристианскую эпоху» Ф. Конт анализирует развитие славянских народов до начала их контактов с христианскими государствами Запада и Востока, их материальные и духовные структуры. Значительное место занимает проблема славянского этногенеза, который рассматривается как непрерывный процесс со времени выделения праславянского языка из «индоевропейской языковой общности». Автор дает краткую характеристику сформировавшимся на основе праславянского языка восточнославянским, западнославянским и южнославянским языкам, останавливается на этимологии названия «славяне». Раздел содержит обширные данные о хозяйстве славян, основу которого составляло земледелие, образе их жизни, обычаях, развитии социальных структур. Особое внимание уделено проблеме образования «Руси», «Русской земли» и характеристике народа, создавшего это государство — «русов».

Третий раздел посвящен положению женщины в славянских землях. Ф. Конт анализирует социальные и семейные функции женщины и приходит к выводу, что у славян нередко встречался тип энергич-

ной, решительной, властной женщины — хозяйки дома. В то же время близость Востока, турецкое и татарское иго, несомненно, наложили отпечаток на социальный статус женщины; в определенные периоды времени она паходила в полной зависимости от мужчины. В книге воспроизводятся многочисленные славянские «феминистские» легенды и мифы о богинях, русалках, ведьмах, княгинях и их влиянии на жизнь общества. Магические культы, связанные с женщиной как символом сверхъестественных сил и символом плодородия, сохранились в славянских странах почти до наших дней.

В четвертом разделе «Славянские общества» ученый прослеживает эволюцию семейных структур славян с древнейших времен до XIX в., описывает такие институты, как задруга, жупа, мир, артель; анализирует проблему власти и демократии в жизни общины, значение коллективной собственности. Автор приходит к выводу, что древние общинные традиции жизни и ведения хозяйства у славян оказались весьма живучими, сохранились вплоть до XX в. и наложили отпечаток на некоторые формы общественной и хозяйственной жизни в славянских странах (например, сохранение задруги в Югославии).

«Славяне и Восток. Мифы и реальность» — название пятого раздела книги. Географическое положение славянских земель обусловило их решающую роль в контактах между Западом и Востоком. Прежде всего, славяне выполняли роль щита оседлых народов Европы во время нашествий кочевников — скифов, сарматов, печенегов, половцев, монголо-татарских завоевателей, турок. В то же время, по мнению французского ученого, разрушения и опустошения, причиненные кочевниками, не должны заслонять тот факт, что различия в историческом развитии Востока и Запада отнюдь не означали их несовместимости. В средние века восточные народы оказали существенное влияние на духовную и материальную жизнь славян, их язык, менталитет, верования, обычаи. В середине XIX в. в некоторых славянских странах возникли идейные течения, которые использовали это историческое наследие для обоснования специфики, отличительных черт России, а также Польши от Запада. Ф. Конт рассматривает эти течения (которые он называет мифами), параллельно показывая реальное место восточных народов в развитии славян. Так, «сарматский миф» служит польской аристократии для

обоснования древности и экзотичности ее происхождения (из далекого Ирана). «Скифский миф» возник в России в эпоху, когда русские историки, публицисты, писатели стремились найти свои корни, специфику России по сравнению с западной моделью развития, которую они отвергали, подчеркивая близость России к Востоку, к Азии. «Евразийский миф», возникший на основе «скифского», воспроизводит одну из главных тем в истории общественной мысли в России, да и во всем славянском мире: искушение Запада, зов Востока. С этим «разрыванием» славян между Западной Европой и Азией соотносится еще одно разделение (одновременно духовное, политическое и географическое): начиная со времени принятия славянами христианства они оказались «поделенными» между Византией и Римом.

Этому вопросу и посвящен шестой раздел книги «Славяне между Византией и Римом». Автор описывает борьбу между ними за обращение славян в свою веру, процесс христианизации отдельных славянских народов. Со времени принятия христианства болгарскими, сербскими, русскими в греко-православной, а словенцами, хорватами, чехами, словаками и поляками в католической форме религиозная и политическая культура, видение мира и его художественное отражение стали развиваться у разделенных по религиозному признаку славянских народов в разных направлениях. Значительное место уделено жизни и деятельности проповедников христианства в славянских землях, создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия и их учеников.

Раздел седьмой «Наследие Византийской империи» посвящен развитию славянских стран после принятия ими христианства. Славянским странам, ставшим православными, Византия даровала письменность и искусство (через религию), видение мира, основанное на законе и на признании роли государства. Ф. Конт особо останавливается на развитии государства в России и установлении абсолютизма, явившегося, по его мнению, развитием византийской авторитарной политической модели.

Но Византийская империя внесла свой вклад и в духовное развитие славянских народов, принявших католичество, — через тему славянской солидарности, получившую развитие в Чехии и позднее в Польше. Идея славянской солидарности возникла еще у учеников Кирилла и Мефодия, получила свое развитие в историче-

ской мысли Киевской Руси в XII в. Каждый славянский народ в период апогея своего развития проникался своего рода мессианством и обращался к этой идее, стремясь использовать ее в своих интересах, но заявляя при этом, что действует на благо всего славянства.

В последнем, восьмом разделе книги «От славянской идеи к авторитарному панславизму» ученый прослеживает развитие этой идеи на протяжении нескольких веков, вплоть до середины XX в. В разные периоды времени она принимает разные формы: славянское самосознание, славянская солидарность или взаимность, панславизм. Обращает на себя внимание то, что, анализируя эволюцию славянской идеи в России, Ф. Конт усматривает связь между панславизмом русских славянофилов и сталинским авторитаризмом (в книге предлагается термин «сталинский неославизм»). «Сталинский неославизм», считает автор, трансформировал в своих целях основные идеи русофилов: мессианской роли русского народа соответствует авангардная роль Советского Союза, славянскому братству — пролетарский интернационализм, противопоставлению России Западу — противостояние социалистического лагеря (прежде всего СССР) капиталистическому. Нам представляется, что здесь имеет место определенный схематизм подхода к данному вопросу, традиционный для значительной части французской историографии.

При внушительном объеме книги незначительное значение имеет форма изложе-

ния материала. Анализ историка сочетается в труде с повествованиями современников описываемых событий — летописцев, путешественников, дипломатов, которые погружают читателя в атмосферу того времени. Книгу оживляют и многочисленные отрывки из произведений художественной литературы: автор широко цитирует Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Пушкина, А. Мицкевича, Я. Коллара и многих других писателей и поэтов.

На страницах книги Ф. Конт не раз напоминает о влиянии истории на современность, устанавливает диалектическую связь между фактами далекого прошлого и настоящим. В познании прошлого славянских народов, их духовной жизни французский историк видит ключ к пониманию их сегодняшнего дня, а это, с точки зрения ученого, имеет важное значение для всего человечества, поскольку славяне населяют в настоящее время Евразию и большую часть Европы и составляют треть населения Европейского континента. Признавая значительный вклад славян в развитие общеевропейской цивилизации в прошлом, Ф. Конт высоко оценивает культурную жизнь славянских народов и в наше время, считает, что общественная мысль славян во многом способствует взаимопониманию между народами. Читателю, несомненно, будет полезно познакомиться с книгой Ф. Конта, содержащей обширную информацию по различным вопросам истории и культуры славянских народов.

Валева Е.

Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отв. ред. Е. П. Наумов. М., 1988, 168 с.

Как указано во «Введении» к рецензируемому сборнику, его содержание отражает некоторые итоги работы коллектива историков и лингвистов над исследованием процессов развития этнического самосознания в эпоху развитого феодализма (с. 3). Важно подчеркнуть, что сборник отражает один из этапов комплексной разработки вопросов этнической истории и этнического самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы периода феодализма. В рамках этого исследовательского проекта, осуществляемого Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, уже выпущен ряд коллективных трудов¹, причем по-

следним был сборник «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья» (М., 1982), получивший высокую оценку в печати (см. рецензию на эту работу Саливна А. Н. [2] и Исламова Т. М. [3]).

Новый сборник состоит из трех взаимосвязанных разделов: «Этнические представления в средневековых источниках», «Этнические процессы и развитие феодальных народностей» и «Проблемы этноязыковой и культурной истории». Затрагивая в основном период XII—XIV вв., авторы стремились показать особенности генезиса этнического самосознания народов ареала в контексте нового, по сравнению с раннефеодальным, этапа развития Центральной и Юго-Восточной Европы.

¹ В качестве примера назовем [1].

Они считают, что общий процесс этнической эволюции в период развитого феодализма заметно осложняется. «Одни народы, уже сформировавшиеся и сложившиеся, с высоким уровнем политико-государственного и этнического самосознания (как, например, Болгария) подпадают под иноземное господство. Другие, как, например, Чехия, с развитием немецкой колонизации также оказываются в принципиально новых исторических условиях, когда в рамках одного государства начинают сосуществовать представители двух разных этносов, близких между собой по общему уровню развития и играющих значительную роль не только в экономической, но и в культурной и политической жизни общества» (с. 3). Соглашаясь с обоснованностью избранного критерия периодизации, можно с полным правом утверждать, что поставленную перед собой задачу авторы выполнили. Следует только высказать сожаление, что в сборник не вошли материалы, касающиеся польской этнической истории.

Не занимаясь реферированием содержания рецензируемого труда, хотелось бы подчеркнуть, что включенные в него работы имеют не только конкретно-научный, но и более широкий методологический интерес. Прежде всего это относится к первому из трех названных разделов. В самом деле, анализ средневековых письменных источников под углом зрения отразившихся в них представлений об этническом самосознании способен раскрыть богатый информационный пласт, далеко не всегда попадающий в поле зрения исследователей. О результативности подобного подхода свидетельствуют, например, статьи Б. Н. Флори и Г. П. Мельникова, построенные на материалах чешской Збраславской хроник и так называемых Прокопских легенд. Столь же плодотворен избранный подход и в других статьях первого раздела. В этой связи отметим, что при анализе средневековых письменных источников, независимо от их жанра, важно применение сопоставительного метода. В качестве одного из примеров сошлемся на «Слово о полку Игореве»: «Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святъславлю...» [4]. На современный русский язык «венецици» чаще всего переводится как «венецианцы»², хотя такое прочтение не кажется убедительным: почему автор «Слова» вводит их в один ряд с немцами, греками и мораванами (тем более, что в порядке перечисления видна определенная террито-

риально-географическая направленность — с севера на юг)? Несравненно ближе к истине был В. А. Жуковский, который в своем переложении памятника «венецици» передавал как «венеды». Иначе говоря, речь шла не о венецианцах, а о полабских и поморских славянах, именовавшихся «всндами», «венедами» и в XI—XII вв. игравших немало важную роль в политической истории Центральной Европы. Сказанное подтверждается данными средневековых хронистов и польских историков XVI в. Представляет интерес замечание Т. Улевича, что «Венецией» в тот период часто называли легендарную Винету, никакого отношения к итальянскому городу не имевшую [6]. Приведенный пример показывает, что сопоставительный подход к анализу и этнической интерпретации памятников средневековой письменности заслуживает самого пристального внимания.

Говоря об этнических процессах у полабских и поморских славян, а равно и у некоторых других славянских общностей Центральной Европы, впоследствии ассимилированных немецким этносом, хотелось бы обратить внимание на статью В. К. Ронина, в которой рассматривается почти совершенно не исследованная тема о характере самосознания карантанской и ободритской знати. Автор известен рядом работ по истории и культуре полабских славян и его новая статья, расширяя ареал исследования, будет способствовать лучшему пониманию этнических процессов у той ветви западного славянства, которая позднее прекратила существование как самостоятельный этнос.

Вообще неоднозначность этнической истории, участие в ней различных компонентов, их взаимопереплетение, переплавка является одной из сквозных тем рассматриваемого сборника. Так, в статье Е. П. Наумова, посвященной специфике этнических процессов в Центральной Сербии начала XIV в., ставится важный вопрос о воздействии на эти процессы демографических факторов, в частности существования романо-далматинского и романо-влашского этнокультурных компонентов, которые автор определяет в качестве субэтносов консолидировавшейся сербской народности (с. 90—91). Нам кажется, однако, что в целях единства употребляемой терминологии романоязычное население Балкан следовало бы именовать волохами, чтобы не смешивать его с мунтянской (валахи) народностью

² Такого же прочтения придерживается и Б. А. Рыбаков (см., например, [5]).

и влахами Трансильвании. Подобное разграничение, в частности, было закреплено в коллективном двухтомном труде «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980—1981).

Нельзя не обратить внимания на интересные размышления Г. Г. Литаврина относительно понятийного аппарата исследования этнической истории, хотя в его статье речь идет, на первый взгляд, лишь о весьма конкретной зоне — византийско-болгарском пограничье X—XIV вв. С методологической точки зрения наиболее существенной является попытка автора разграничить понятия этнического и этно-социального самосознания (с. 67). Исходя из теории этноса, разработанной рядом советских исследователей, Г. Г. Литаврин подчеркивает, что в отличие от этноса феодальная народность (а именно этот тип социальной организации этноса им рассматривается) «представляла не только этническое, но и социально-политическое единство» (с. 65). Такой подход представляется обоснованным и с теоретической и с фактологической точек зрения. Сомнение вызывает лишь употребление понятий «широкое» и «узкое» значение «этноса». Дело в том, что именно вкладывать в содержание того и другого. Нужно также различать понятия «самосознание» и «сознание», что в тексте статьи не всегда последовательно выдержано. Но в целом работа Г. Г. Литаврина ценна именно стремлением автора соединить общетеоретический и конкретно-научный подходы.

В статьях Вяч. Вс. Иванова, Е. В. Чешко и Р. М. Цейтлин, завершающих сборник, освещены лингвистические аспекты этнической истории народов аре-

ла. Считаю очень полезным включение этого раздела в контекст проблематики этнических процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе. До сих пор богатейшие ресурсы информации, которыми обладает лингвистика, в историко-культурные и этнографические исследования введены далеко не в полной мере. Между тем, как убедительно свидетельствуют статьи названных авторов, комплексное культурологическое изучение истории языка чрезвычайно плодотворно.

Авторы рецензируемого сборника и ответственный редактор Е. П. Наумов продали большую работу. Остается пожелать, чтобы она была продолжена и дальше, как в тематическом, так и в хронологическом отношениях.

Мыльников А. С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1976; Формирование раннефеодальных славянских народностей. Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1981; Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987.
2. Советское славяноведение, 1983, № 6, с. 111—112.
3. Советская этнография, 1984, № 4, с. 157—161.
4. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, с. 88.
5. Рыбаков Б. А. Историческая канва «Слова о полку Игореве».— Наука и жизнь, 1986, № 9, с. 36.
6. Ulevicz T. Świadomość słowiańska Jana Kochanowskiego: Z zagadnień psychiki polskiego Renesansu. Kraków, 1948, s. 56.

Франциск Скорина — белорусский гуманист-просветитель, первопечатник. Минск, 1989

И к этому пророку отношение в отечестве было не из лучших. «Франциск Скорина,— читаем во введении к книге,— из тех просветителей, кто обогнал свое время и чья самоотверженная деятельность не была понята во всей ее полноте ни современниками, ни ближайшими потомками. Современники, за редким исключением, отчасти не замечали, отчасти замалчивали его; потомки долгое время видели в его наследии только издательское ремесло, явление локальное, не

имеющее общенационального, а тем более мирового значения».

500-летний юбилей Скорины (ок. 1490—ок. 1551), отмечаемый в нашей стране и, по решению ЮНЕСКО, мировой общественностью, способствует появлению новых работ, рассеивающих туман забвения и преодолевающих упрощенный подход к этой крупной фигуре в истории отечественной культуры. Минувший год обогатил скориниану сразу несколькими новинками. В серии ЖЗЛ увидела свет

книга О. Лойки «Скорина»; в Минске вышущен сборник «Наследие Скорины» («Спадчына Скарыны»), куда вошли материалы первых Скорининских чтений, проведенных в 1986 г. «Скорининским календарем» («Скарынаўскі каляндар») порадовало читателей, а скорее счастливых-библиофилов (тираж издания всего 1000 экз.) издательство «Мастацкая літаратура». Составленная Ю. Лабынцевым книга — это своеобразная хрестоматия скориноведческих материалов, включающая и фототипическое воспроизведение текста «Экклесиаста», изданного Скориной в Праге в 1518 г. Фундаментальным подарком к юбилею явился энциклопедический словарь «Франциск Скорина и его время» («Францыск Скарына і яго час»), вышедший в издательстве «Беларуская Савецкая Энциклапедыя». Ожидается появление русского перевода этой энциклопедии — крупномасштабного свода научной информации о жизни и творчестве выдающегося гуманиста-первопечатника на фоне эпохи Возрождения, старобелорусской культуры, с учетом общеславянского и общеевропейского историко-культурного контекста.

Пополняет «юбилейный» ряд и рецензируемая книга. Общими усилиями историков, философов, филологов, искусствоведов нарисован творческий портрет разносторонней, поистине энциклопедической личности Скорины: доктора искусств и медицины, философа, библеиста, писателя, литературного критика, переводчика, редактора, комментатора и издателя первопечатной «Бивлии русской» (Прага, 1517—1519), зачинателя книгопечатного дела на территории нашей страны (Вильно, 1522—1525). Не все равнозначно в коллективном труде, но — и это главное — в нем намечилось преодоление прежнего усеченного, упрощенно-атеистического взгляда на просветительство, морально-этические, эстетические воззрения христианского гуманиста. Священное Писание было воспринято белорусским просветителем — это хорошо показано в статье В. Конона — как символический синтез реальной истории, художественного и нравственного опыта человечества, как незамутненный источник гармонизации земного и горнего, материального и духовного в непростой, сотканной из противоречий жизни человека.

Подкупают также новизной размышления Л. Шакуна над стилистикой скорининских предисловий и послесловий к пе-

реводимой Библии, вдумчивый художественный анализ которых раскрывает перед читателем еще одну, малоизвестную ипостась Скорины — мастера слова, блестяще сочетавшего высокий церковнославянский стиль и живую образную, народно-белорусскую речь. Этим во многом и объяснимы демократизм, доступность его книг, адресованных «людям простым, посполитым рускаго языка». О результатах своих изысканий сообщает на страницах сборника А. Турилов, открывший недавно акростиhi первопечатника в рукописных списках акафистника его «Малой подорожной книжки» (Вильно, 1522). Гимнографические творения Скорины, как установил ученый, распространялись в рукописях на протяжении XVI—XIX вв., и не только на Руси («от Подмосквья до берегов Белого моря»), но также на Балканах, в сербских списках, что значительно проясняет вопрос о взаимосвязи белорусско-сербских, а также межславянских литературных связей в целом. Художественно-иллюстративные достоинства скорининских изданий в сравнении с книжно-графическим искусством Чехии, Германии рассмотрены В. Шматовым, В. Пуцко. Развитие просветительских идей Скорины в истории братского книгопечатания на землях Белоруссии и Украины в XVI — первой половине XVII в., а также в творчестве Симеона Полоцкого прослежено в публикациях Г. Голенченко, Л. Звонаревой. История изучения изданий первопечатника в отечественной и зарубежной славистике посвящены обстоятельные статьи А. Мыльниковой, Е. Немировского, М. Ботвинника. Рецензируемая работа ценна освещением социальных и культурных условий возрожденческой эпохи в Великом княжестве Литовском, той национально-исторической почвы, на которой родился и реализовался творческий гений гуманиста-просветителя (статьи З. Копыскового, А. Грицкевича, Э. Дорошевича, Н. Высоцкой). Воссозданию колорита скорининской эпохи служит также богатый иллюстративный материал книги — факсимиле титульных страниц, воспроизведение гравюр, заставок, заглавных букв из книг Скорины, других старопечатных белорусских изданий и некоторых европейских инкунабул (гравюры А. Дюрера из «Всемирной хроникi» Г. Шеделя и др.).

Однако, как ни хороши различные публикации о Скорине, они не заменят изданий собственных творений знаменитого первопечатника, давно ставших биб-

лиграфической редкостью, практически недоступной для читателей. Предпринятое белорусскими энциклопедистами (издательство БЕЛСЭ) репринтное переиздание всех 23-х ветхозаветных книг «Бив-

ли русской», надеемся, устранил эту несправедливость и вопрос о возвращении пророка в отечество будет окончательно закрыт.

Казко А.

Slavistický odkaz F. L. Čelakovského (Práce z dějin slavistiky. T. XI). Praha, 1988, 264 s.

Славистическое наследие Ф. Л. Челаковского (Труды по истории славистики. Т. XI)

Солидным исследованием пополнилась научная литература об одном из крупнейших деятелей национального возрождения западных и южных славян, поборнике идеи славянской взаимности, известном чешском поэте, фольклористе и филологе Франтишке Ладиславе Челаковском (1799—1852). В серии «Труды по истории славистики», которую издает Карлов университет в Праге, под редакцией Я. Петра и З. Урбана вышла книга «Славистическое наследие Ф. Л. Челаковского». Авторы задались целью оценить вклад Челаковского в научное и литературное освоение языка и культуры славянских и балтийских народов, в расширение и углубление их духовного общения между собой.

В открывающей книгу главе Я. Петра «Ф. Л. Челаковский и славянское языкознание» содержится целостная картина научной и педагогической деятельности Челаковского, и впервые подробно описано его обширное рукописное языковедческое наследие с четкой классификацией видов работ и с научной оценкой сделанного. Недостаточное знакомство с этим наследием не позволяло до сих пор в полной мере ощутить масштабы языковедческой деятельности Челаковского — он всегда больше ценился как поэт и фольклорист. Между тем исследование Я. Петра убеждает, что Челаковский был эрудированным лингвистом, развивавшим заложенные его старшим современником Й. Добровским основы славянского языкознания и продолжавшим работу Й. Юнгмана в области лексикографии.

В главе охарактеризованы все виды работ Челаковского по отдельным славянским языкам и по общему славянскому языкознанию. В архиве Челаковского хранится, например, почти законченный корневой словарь чешского языка, мыслившийся как дополнительный, шестой, том к знаменитому словарю Й. Юнгмана, а также суффиксальный чешский словарь. Он работал над этимологическим слова-

рем родного языка. Им составлены два словаря польского языка, грамматика этого языка (подробно описанная в главе), он создал словарь и грамматику сербо-лужицкого языка, им написана сербская грамматика. Общеизвестны занятия Челаковского русским языком, которым он хорошо владел и даже пользовался в частной переписке, особенно для выражения «недозволенных» мыслей. Архив Челаковского содержит большую картотеку русских слов, в частности, объединенных по суффиксальному при знаку, и другие выписки. Он интересовался украинским языком и изучал его. Занятия отдельными языками были тесно связаны с широкими общеславянскими интересами Челаковского. Он собирал материал для словаря славянских корней (несколько тысяч карточек), для этимологического словаря славянских языков, серьезно работал над сравнительной грамматикой славянских языков. Оценивая деятельность Челаковского, Я. Петр последовательно соотносит ее с уровнем науки его времени и с современными научными представлениями, отмечает достижения и в то же время не обходит слабых сторон в разработке тех или иных вопросов. В итоге делается вывод, что профессиональный и исследовательский уровень Челаковского гораздо выше, а его интерес к славянским языкам намного шире, чем принято считать в славистической литературе. Высоко оценена его преподавательская деятельность во Вратиславльском (Вроцлавском) и Пражском университетах, его роль в распространении интереса к славистике и славянской культуре.

В последующих главах освещается интерес Челаковского к культуре отдельных славянских и балтийских народов и его связи с ними. Большими достоинствами обладает глава З. Урбана «Челаковский и восточные славяне», где прослежен духовный путь Челаковского от стихийного народного русофильства и

славянофильства к более сложному пониманию общности судеб славянских народов. Опираясь на тщательное прочтение обширной переписки Ф. Л. Челаковского и учитывая исследования последних десятилетий (в том числе советские), автор существенно корректирует широко бытовавшие ранее представления (повторенные и в недавней книге А. Заводского) об отношении Челаковского к русскому царизму, показано, что оно было критическим не только в первой половине 30-х годов, но и позднее.

Рассмотрены особенности интереса Челаковского к русскому песенному народному творчеству, история возникновения трехтомного собрания «Славянских национальных песен» (1822—1827), характер и мотивы отбора русского материала для этого собрания, особенности поэтических переводов. Трудно лишь согласиться с тем, что сравнительно небольшое число русских эпических песен былинного типа в собрании Челаковского объясняется поздним — якобы «только на завершающей стадии подготовки последнего тома» — получением Челаковским «на более длительное время» собрания былин Кириши Данилова (s. 75). Это не совсем так. Еще в январе 1822 г. (когда продолжалась работа над первым томом и русский его раздел не был сдан в цензуру) Челаковский уже имел в своем распоряжении это собрание и даже вынашивал план его перевода. Он писал тогда Камариту: «Хочу также приступить к переводу старинных русских стихотворений (т. е. «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова — С. Н.). Мне кажется, что такое предприятие могло бы удасться...». Если Челаковский имел возможность переводить эту книгу, то, конечно, ничто не мешало ему взять из нее и песенные тексты для своего собрания. И не сделал он этого именно потому, что намеревался выпустить перевод собрания Кириши Данилова отдельным изданием. Другое дело, что перевод так и не был осуществлен (он перевел лишь былинку «Поток Михайло Иванович») и в известной мере это компенсировалось созданием собственного поэтического сборника Челаковского «Отзвук русских песен» (1829), в котором стихотворения по мотивам былин занимают центральное место. Этот поэтический сборник и его творческая история также получили должное освещение в главе, и здесь также корректируются некоторые точки зрения. Читатель найдет в главе емкую и законченную характе-

ристику отношения Челаковского к украинскому песенному творчеству, сведения о его знакомстве с белорусским языком и поисках белорусских песенных текстов. Много нового сказано З. Урбаном о подготовке Челаковским книги «Мудрость славянских народов в пословицах» — одного из первых в мире собраний пословиц, построенного по сравнительному принципу. Чрезвычайно интересны сведения о том, что некоторые русские пословицы, воспроизведенные в этом издании не только в оригинале, но и в переводе составителя на чешский язык, проникли вскоре в художественные произведения Б. Немцовой и других чешских писателей и стали затем общепотребительными у чехов. З. Урбан отмечает также обширную осведомленность Челаковского в русской и украинской литературе, высоко оценив, в частности, его хрестоматию по русской литературе (2-й том «Общеславянского начального чтения»), значение его переводов русских поэтов для развития чешской литературы и т. д. Не будет преувеличением сказать, что глава З. Урбана — своего рода сжатая монография об отношении Челаковского к восточным славянам и их культуре, подводящая итог изучению этого вопроса и, вместе с тем, вносящая много нового.

Картину знакомства и связей Челаковского со словенской, хорватской и сербской культурой создал в третьей главе книги Я. Квапил. Одна из особенностей этой главы заключается в том, что автор как бы персонифицирует югославянские связи Челаковского, раскрывая их чаще всего через его взаимоотношения с конкретными лицами — В. Караджичем, Л. Гаем, С. Вразом и др. Глава содержит описание материалов архива Челаковского по истории письменности названных народов. Отмечена попытка Челаковского включиться в спор о путях развития словенской поэзии, в частности, о просодии, и стимулировать ее отход от механического подражания немецким образцам. Интересны мысли о воздействии чешского типа культуры эпохи национального возрождения на развитие словенской литературы.

В главе «Ф. Л. Челаковский и болгары» (З. Урбан) показан приоритет чешского слависта в сравнительном подходе к болгарскому народному творчеству, которое он первым попытался включить в общеславянский контекст. Сохранившиеся в архиве Челаковского болгарские фольклорные материалы, под-

готовленные им для одного из томов упоминавшейся общеславянской хрестоматии, свидетельствуют о непревзойденном для своего времени уровне подбора текстов. К сожалению, составитель успел издать только польский и русский тома хрестоматии.

С Польшей Челаковского связывали самые широкие интересы. Его постоянное внимание привлекал и польский язык, и фольклор, и литература. Длительное время он вел кафедру славистики во Вратиславльском университете. Польский раздел книги (Ян Витонь) интересен прежде всего раскрытием отношения Челаковского к польскому вопросу в разные периоды его жизни и в разных исторических ситуациях. Думается, однако, что говоря об отношении Челаковского к русскому царизму, автор местами вступает в известное противоречие с выводами З. Урбана, а они, как уже говорилось, достаточно убедительны. Польские связи Челаковского широко исследованы в известном труде М. Шыйковского «Польское участие в чешском национальном возрождении», изданном еще в 30-е годы. Может быть, поэтому автор соответствующей главы в рецензируемой книге, к сожалению, несколько скупо освещает собственно фольклористические и литературные исследования Челаковского. В главе как бы взят иной масштаб по сравнению с остальными разделами. В противовес этому очень обстоятельно показано (Я. Петром) большое внимание Челаковского к судьбе, языку и культуре сербо-лужицкого народа. Впечатляет его дружба с Й. А. Смолером, его помощь сербо-лужичанам в их

патриотических начинаниях (создание сербо-лужицкой Матицы и т. д.).

Завершает книгу глава Л. Ржегачека «Отношение Челаковского к фольклору, языку и литературе балтийских народов». Чешского филолога глубоко интересовало балто-славянское языковое родство. Еще будучи молодым человеком в одном из писем он с радостью сообщал, что просмотрев даже очень неполный словарь литовского языка, он нашел более шестисот общих славяно-балтийских корней. Привлекала его и литовская народная поэзия. В главе излагается творческая история книги Челаковского «Литовские национальные песни», содержавшей более семидесяти текстов литовских дайн в его поэтическом переводе. Пять из этих песен были позднее положены на музыку А. Дворжаком. С другой стороны, не менее интересна судьба собственного сонета Челаковского (из поэмы «Столепестковая роза»), который в 60-е годы был опубликован в вольном переводе Ю. А. Адунана в Латвии и стал потом известной латышской песней, которую нередко исполняют народные хоры.

Книга о Челаковском представляет интерес как для истории славистики, так и для изучения межславянских и славяно-балтийских литературных связей. Очень важно также, что она отсылает к архивным материалам, которые могут быть использованы и другими исследователями — особенно в канун двухсотлетнего юбилея со дня рождения Челаковского, который будет отмечаться в 1999 г.

Никольский С. В.

НОВАЯ КНИГА О ЛИТЕРАТУРЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Постоянно увеличивающийся фонд книг советских авторов о литературе Чехословакии пополнялся новым трудом Р. Р. Кузнецовой «Роман 70—80-х годов в Чехословакии» (М., 1988, 472 с.). Охвачен литературный процесс примерно по 1986 г., а частично и явления литературной жизни 1987 г. Ретроспективы в «медальонах», посвященных отдельным писателям, дают читателю возможность окунуться и в развитие всей послевоенной литературы, а иногда и в межвоенный процесс становления чешской и словацкой социалистической литературы. Широкие горизонты этого историка литературы естественно, не могли открыться внезапно,

они раздвигались десятилетиями. Труд Р. Р. Кузнецовой далеко не первая ее книга обзорного и обобщающего характера о чешской и словацкой прозе. На протяжении многих лет автор прослеживает эволюцию этих литератур, начиная с 20-х годов нашего века, делая то, над чем обычно трудятся целые коллективы ученых. Автор принадлежит к числу наиболее плодотворных и влюбленных в свое дело исследователей литературы Чехословакии за ее пределами, да и в чехословацкой науке не так много подобных энтузиастов. Среди ее книг: «М. Майерова. Жизнь и творчество» (М., 1982); «Становление романа-эпопеи нового типа в чешской про-

зе» (М., 1975); «Чешский межвоенный роман» (М., 1980); «Роман 70-х годов в Чехословакии» (М., 1980).

Одна из отличительных особенностей книги «Роман 70—80-х годов в Чехословакии» состоит в том, что в ней как бы объединяется труд историка литературы и литературного критика. Кузнецова пишет, так сказать, по горячим следам литературного процесса, внимательно следя за каждым новым произведением «своих» авторов, оперативно реагируя на критические отзывы и дискуссии в чехословацкой печати, хорошо зная десятки писателей и критиков нередко и по личному общению. Одновременно она вносит в свой труд опыт исследований, уже накопленный литературной историографией. Автор, таким образом, стирает границы между историографией и критикой. Но не только это. Своими размышлениями о творческом методе и особенно о динамике жанров она раздвигает рамки исследования и в сторону теории.

Нельзя обойти вниманием еще одно качество книги: многочисленные попытки сопоставления чешской и словацкой литератур с произведениями советских авторов или писателей славянских народов. Правда, такие сопоставления носят не систематический характер, но они оттеняют, иногда весьма неожиданно, стиль и национальную специфику отдельных писателей. Ценны и многочисленные упоминания о преемственности современной литературы по отношению к классике, в том числе чехословацкой социалистической классике 20—30-х годов. Вообще, работы Р. Р. Кузнецовой всегда обнаруживают ее способность чувствовать живой поток традиций и их постоянное возобновление и развитие, а порой находить и скрытые связи между литературой разных эпох и народов.

Каждое такое исследование чешской и словацкой литературы «со стороны», восприятие ее глазами ученого другой страны, выросшего в специфической атмосфере своей родной культуры, вносит в ее оценку и изучение неповторимые и неожиданные ракурсы, своеобразные и оригинальные суждения, возникновение которых на собственной почве почти невозможно или, во всяком случае, менее вероятно. Одновременно в таких оценках и суждениях отражается и современное состояние литературы и науки о литературе в данной стране.

Мы сейчас переживаем переходный этап развития литературоведения. Многие тезисы, касающиеся социологии ли-

тературного процесса и даже судеб отдельных писателей и их творчества, их художественного метода, подлежат критическому пересмотру. Сам литературоведческий подход к явлениям прошлого и настоящего подлежит такому пересмотру. Советской литературе возвращаются имена, которые до недавнего времени отсутствовали в учебниках и историко-литературных трудах. Аналогичный процесс, хотя и со своими специфическими чертами, происходит и в Чехословакии. Книга Р. Р. Кузнецовой сдана в набор в июне 1987 г. и подписана к печати в феврале 1988 г. Нельзя не оценить оперативности не только автора, но и издательства. И все же, наверное, целесообразнее было бы повременить и зарегистрировать некоторые изменения в отношении чехословацкой критики и историографии к определенным писателям и явлениям литературы Чехословакии, а также и к некоторым фактам советской истории, приведенным в работе, это относится, например, к толкованию статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» (с. 87). Несомненно, в свете исторических открытий 1987—1988 гг. более позднее завершение этого большого и пионерского труда имело бы свои выгоды. Об этом надо откровенно сказать, несмотря на то, что не все зависело от автора, который отражает состояние советской богемистики и литературных дел в Чехословакии на 1986 г.

Недавно Ч. Айтматов обнародовал свою концепцию журнала «Иностранная литература», главным редактором которого он стал. Он сообщил о своем замысле напечатать в ближайшее время переводы произведений передовых писателей мира. В числе таких всемирно признанных авторов оказался и член Союза чешских писателей Богумил Грабал. Он регулярно печатается в Чехословакии, его произведения экранизированы и инсценированы. После Гашека и Чапека появился новый чешский прозаик мировой известности (если не считать Богумила Ржигу — автора детских книг). Однако имя Грабала даже не появляется в книге Кузнецовой, что, конечно, существенно нарушает объективную картину литературного процесса в Чехословакии. Это упущение было бы понятно, если бы автор последовательно рассматривала лишь развитие жанра романа, как это заявлено в заглавии книги. Но вторая ее глава, насчитывающая 40 страниц, посвящена «малым жанрам и роману сегодня».

Определенный субъективизм при вы-

боре писателей, субъективизм, корни которого, безусловно, находятся в Праге и Братиславе, и который Кузнецовой не удалось преодолеть, повлиял и на тот факт, что один из самых переводимых за границей чешских прозаиков, автор многих романов, разоблачающих современное мещанство, заслуженный писатель Чехословакии Владимир Парал, также выпал из поля зрения исследователя, как и автор исторических романов и пьес Иржи Шотола, авторы нашумевших романов Петр Проуза («Жизнь чередуется со смертью»), Зденек Заплетал («Полуночные бегуны») и Станислав Рудольф, написавший ряд романов, которые вызвали интересную дискуссию. Обращает на себя внимание и факт, что о высокохудожественной лирической прозе Оты Павела или об историческом романе «Герцогиня и кухарка» Ладислава Фукса, который считается одним из лучших исторических романов последнего времени, обладающим глубоким философским подтекстом, сказано буквально несколько слов. То же несоответствие объективному состоянию вещей можно наблюдать и в характеристике творчества Иржи Швейды, роман которого «Авария» и другие принадлежат к числу произведений, выдвигавших в свое время острые нравственные вопросы. Недооценка вклада «северочешской школы» (Парал, Швейда, Волак и др.) в общенациональную литературу, пропуск таких романов, как «Свадьба столетия» Я. Костргуна, романов о медиках В. Стибловой или серии добротных детективов В. Эрбена — весьма неприятное упущение автора, особенно если учесть, что анализу романа Я. Козака «Гнездо аиста» посвящено 20 страниц (всему его творчеству 30 страниц), характеристике романа «Горсть мелочи» А. Беднара — 24 страницы и анализу произведений писателей, далеко не достигающих художественного уровня Грабала, Павела, Фукса, тоже отведено довольно много места.

Если вдуматься в структуру книги Кузнецовой, то можно прийти к выводу, что субъективность труда вытекает, кроме всего прочего, из совершенно органичного (по отношению к предыдущим работам исследователя) и понятного стремления выявить в литературном процессе Чехословакии в первую очередь пути литературы к эпичности или даже к эпопейности. В свете этого как более низкое качество оцениваются такие явления, как камерность (с. 38) и, наоборот, как высшее качество — широкий охват действи-

тельности. Несмотря на справедливость тезиса советского исследователя М. Кузнецова о важности стремления писателей «глубоко погрузиться во все многообразие народной жизни, дать широкий социальный эпический фон» (с. 78), нельзя не учитывать и других тенденций и течений в литературе, в которых нередко чувствуется и национальная специфика чешской литературы (связь с авангардом) или словацкой прозы («лирическое течение» в прозе). Вряд ли правомерно выдвигать «масштабную эпическую» в качестве «магистральной линии» развития литературы (с. 52) и, таким образом, создавать иерархию жанров во главе с романом-эпопеей. По отношению к чехословацкому контексту о тяготении к «масштабной эпике» вообще можно говорить только как об одном из важнейших течений в литературе, но вместе с тем по сравнению с русской прозой в нашей литературе гораздо сильнее взаимопроникновение традиции авангарда и реализма (это сказывается и в структуре жанров и стиле многих писателей). В литературе Чехословакии, например, сильнее выражено пристрастие к стремительному действию, к атрактивности (правда, часто в ущерб глубине мысли и философской универсальности проблематики).

Далее. Автор нередко слишком добр в своих оценках по отношению к творчеству чешских и словацких писателей — добр будь то во имя идеала широкой эпики или из деликатности. Р. Р. Кузнецова многим авторам прощает серьезные художественные просчеты, защищает, например, Я. Паппа от упреков словацкой критики в иллюстративности и в использовании старых схем, выдвигает на первый план у Ф. Гечко развитие горьковской традиции, но не упоминает о его признании, что он учился у Шолохова и Бабаевского (!), высказывается против упреков критики в адрес П. Яроша, указавшей на то, что в его романе «Око не висмлет, ухо не зрит» исторический материал мало связан с ведущими сюжетными линиями и т. д. В большинстве случаев Кузнецова мотивирует свою позицию анализом, но иногда не соглашается с чешской или словацкой критикой, вообще никак это не аргументируя. На с. 469 автор полемизирует с И. Суликом по пяти выделенным им направлениям словацкой прозы, но самих этих направлений не называет.

Книга начинается с главы о традициях 40—60-х годов, рассмотренных в связи с современным литературным развитием.

Несмотря на то, что литература 60-х годов характеризуется весьма обще и поверхностно (чешскому литературоведению, однако, тоже еще предстоит разобраться в противоречиях тогдашнего литературного процесса более глубоко, чем это сделано до сих пор), глава представляет хорошую мотивировку дальнейшего направления авторской мысли и подготавливает анализ литературы 70—80-х годов. После тщательного разбора романов Яна Козака (особенно «Гнезда аиста») и Зденека Плугаржа следует исторический экскурс в генезис и дальнейшее развитие чешского романа-баллады (термин автора книги), после чего идет анализ этого жанра у И. Крженека, Ф. Ставиноги, Я. Поницана и Я. Йоганидеса. Здесь встречаются некоторые неточные обобщения («Чешские писатели издавна имеют склонность к романтизации изображаемого» — с. 131; сравнение героев Крженека с персонажами А. Ирасека) или пропуски (ничего не сказано о романе Крженека «Томаш и Маргарита», типичном романе-балладе), но идейно-тематический и художественный анализ ведется в единстве и в существе своем представляется убедительным. Это касается и мыслей о переключках между произведениями чешских авторов и творчеством В. Быкова или «антигероями» В. Клевиса и С. Есина.

В главе, посвященной теме становления героя и общественного сознания в послевоенные годы в книгах современных авторов, удачно характеризуется творчество таких писателей как Кадлец, Костргун, Мисарж, Моравцова, Балаж, Крно и других и раскрывается их связь с традициями (например, Майеровой, Илемницкого), а также созвучие с советской литературой — Горьким, Астафьевым и др. Правда, в анализе заметна типичная для советского литературоведения стыдливость при оценке функции любовных сцен в произведении. При разборе «Карловарского ноктюрна» И. Кадлеца, построенного именно на изображении любовных переживаний стареющего интеллектуала, тема этих переживаний, составляющих стержень сюжета, заменяется разговорами о «свежих впечатлениях». Вряд ли можно согласиться и с суждением о якобы неоправданной гротесковости при нагромождении грубых сцен у Костргуна. «Отвратительные сцены» далеко не всегда эстетически неприемлемы.

Седьмая глава посвящена теме труда — прежде всего в прозе М. Рафая и Б. Рот-

теровой. Здесь справедливо подчеркивается значение романов Рафая, хотя не аргументировано их зачисление в разряд романа-баллады. Рафай был одним из тех писателей, которые вносили в свои произведения острые конфликты, обнажали бесперспективность ситуаций, когда карьеристы насаждали на ведущих постах вопреки воле трудящихся таких же карьеристов. Кузнецова снисходительна к слабостям прозы Рафая, особенно к «дидактизму» его рассказов, как и к схематичности Б. Роттеровой. Хорошо, что анализ подкреплен цитатами из корреспонденции и из бесед с авторами, что способствует оживлению научного текста (исключением является сугубо личное, панибратское, ничего существенного о творчестве не говорящее письмо Я. Козака И. Томану — с. 391).

Уже давно особым доверием и вниманием Кузнецовой пользуется Иржи Марек. Не удивительно, поэтому, что его творчеству отведена отдельная глава. Это соответствует популярности и значению Марек у себя на родине. Марек чудесный рассказчик, его телевизионные «сериалы» также отличаются динамикой действия и выразительностью характеров. Кузнецова больше всего сосредоточивает внимание на его таланте сатирика, сближая писателя с Я. Нерудой и К. Полачком. Poleмика исследователя с чешской критикой насчет понимания главного героя романа «Мой дядюшка Одиссей» требовала бы отдельной статьи. Думается, что различие позиции отражается уже в переводе заглавия, оно неточно: Марек ведь назвал свой роман «Мой дядя Одиссей».

Несмотря на излишнюю детализацию в пересказе сюжетов глава о романах-гротесках А. Беднара может служить образцом всестороннего анализа, разбора идейно-тематического и художественного смысла произведений, оценки метода, его истоков, связи с творчеством других писателей, в том числе английских и американских, которых Беднар переводил. Также можно оценить и главу о творчестве Э. Дзвоника, в которой особенно выделяется анализ композиции. Автор критически сопоставляет полярные мнения чешской и словацкой критики. В анализах книг В. Швенковой звучит полемика со словацкой критикой. В главе о творчестве Я. Пашпа заметна избыточная «пересказочность» в передаче действия произведения и стремление не видеть слабых сторон авторского метода.

Надо сказать, что словацкую прозу

автор рассматривает по большей части в статьях об отдельных писателях (кроме названных — о Я. Йонаше и В. Шикеле), в то время как чешских писателей читатель видит скорее в обзорных статьях, в которых говорится и о аналогичных жанрах словацкой прозы (исторический роман, тяготеющие к роману-эпопее). Исторический роман доминировал в чешской литературе 70-х годов (развивался, естественно, и в Словакии), и поэтому, пожалуй, заслуживал более широкой характеристики и более глубокого анализа, особенно его оригинальных черт, выдвинувших этот роман «на видное место в европейской литературе». Можно было бы более критично отнестись к случаям явной халтуры (исторический роман Ваньковой). Не совсем точно воспринята полемическая направленность исторической прозы В. Эрбена. Страницы о творчестве Л. Баллека считаю очень удачными, как и многие рассуждения о форме романов П. Яроша. Роман И. Габая Кузнецова опять упорно защищает перед критическими замечаниями словацких критиков.

Книга Р. Р. Кузнецовой представляет собой обстоятельный обзор определенных тенденций чешского и словацкого литературного процесса 70—80-х годов и не претендует на комплексность картины даже в пределах жанра романа. Больше всего внимание концентрируется на проблеме эпичности и эпопейности, ее эволюции, на вопросах новаторства, связанного с традицией. В целом ситуация чехословацкой литературы выглядит в книге более благоприятной, чем ее видит

чешская и словацкая критика. Опять-таки это связано скорее всего с тем, что во взаимоотношениях между советской и чехословацкой литературой и критикой долгое время господствовал неписанный закон «некритичности» и молчания о недостатках другой стороны. Это сказалося и в оценках отдельных писателей, нередко они представляются советскому читателю как бы линейно, с недостаточным оттенением их сильных и слабых сторон. Кузнецова хорошо чувствует этот недостаток, однако остановилась на полпути, вступая в полемику с критикой, но оставаясь предельно доброй по отношению к самой литературе. Такую же реакцию надо ожидать по отношению к самой книге Кузнецовой со стороны нашей критики, причем не только из-за «деликатных» взаимоотношений, но и потому, что мало кто из чешских и словацких критиков и историков литературы занимается нашей литературой с такой широтой и столь оперативно и последовательно следит за развитием обеих национальных литератур Чехословакии. В этом отношении книга Кузнецовой является явным вызовом нашей богемистике и словакистике и идеальной почвой для необходимого нам критического разговора о родной литературе. Не может быть лучшей оценки литературоведческой книги, чем констатация того, что она актуальна, полезна и нужна как для читателей, так и в процессе научного освоения и осмысления литературного развития.

Заградка М.

С. ПЕТКОВИЋ. Морача. Београд, 1936, 272 с.

С. ПЕТКОВИЧ. Морача

Серия «Художественные памятники Югославии» на протяжении последних двух десятилетий зарекомендовала себя высокими в научном отношении и прекрасными по полиграфическому исполнению монографиями. В ее состав вошла книга, посвященная ансамблю черногорского монастыря Морача, находящемуся севернее Колашина. Она написана известным историком искусства, профессором белградского университета С. Петковичем — автором фундаментального исследования «Стенная живопись на территории Печской патриархии. 1557—1614» (Нови Сад, 1965), моногра-

фии «Монастырь Святой Троицы возле Плевалья» (Белград, 1974) и других работ. Югославская историческая наука сделала доброй традицией исключительно внимательное отношение к памятникам отечественной культуры, получившее наглядное выражение в различных сериях фундаментальных книг о них. Монография о Мораче — одна из них, причем достаточно показательная.

Морача и ранее привлекала внимание искусствоведов. В частности, о ней писали А. Дероко и Н. Л. Окунев, ей посвятила отдельную работу А. Скворан. Большое исследование С. Петковича,

с одной стороны, подготовлено длительным и разносторонним изучением прославленного памятника, с другой — освещает и работы как бы оставшиеся в тени, ибо, обобщив результаты всех предыдущих научных разысканий, оно достойно завершило многолетний труд, показав живое наследие различных времен, счастливо уцелевшее до наших дней.

Начало монастырю Морача было положено сооружением Стефаном Немаичем в 1251—1252 г. однефной церкви Успения Богоматери, украшенной каменной резьбой. Автор книги кратко освещает возникновение монастыря, его архитектуру и пластический декор; более обстоятельно — фрески XIII в., вернее — их остатки, среди которых самыми известными и значительными являются росписи диаконника с их житийным циклом пророка Ильи. Этот памятник монументальной живописи, датируемый около 1260 г., с его 11-ю сценами детально описан и мастерски анализирован, вследствие чего ярче выявлены иконографические и стилистические особенности, а также их обусловленность характером культа Ильи в христианском средневековье, в частности — в Сербии.

За период XIII—XVI вв. о Мораче крайне мало известно, видимо, вследствие запустения монастыря в конце XV — первой четверти XVI в. О последовавшем обновлении наглядно свидетельствуют стенописи, датируемые 1577—1578 гг. С. Петкович увидел за этими внешне провинциальными росписями живую струю, цитавшую творчество мастеров, из круга которых вышел известный живописец поп Страхиња из Будимля. Из морачских фресок указанной эпохи яркостью портретной характеристики выделяется датируемое 1574 г. изображение князя Вукича Вучетича, лишь тремя годами отделенное от изображения инога ктитора — Стефана Вукановича, представленного в монашеских одеждах, с моделью храма, позволяющей реконструировать первоначальный архитектурный облик сооружения. Следующее столетие тоже оставило в Мораче свои следы. В 1616 г. появляются фасадные фрески главного храма с известными изображениями св. Георгия и Дмитрия в образе всадников, а вскоре — и стенопись притвора, жертвенника; около 1635 г. была устроена малая церковь св. Николы, расписанная в 1639 г.; в 1642 г. выполнены росписи придела с житийным циклом архидиакона Стефана. Исследователь достаточно объективно оценивает художественные

достоинства названных образцов монументальной живописи, разграничивая итоги творчества знаменитого попа Страхињи, исполнившего с двумя местными иеромонахами фрески жертвенника, и мастеров скромных дарований. Но и в работах последних тоже есть заслуживающие внимания черты, такие, как бытовые элементы в житийном цикле св. Николы. С. Петкович ведет повествование ровно, акцентируя существенные особенности, с большим уважением к творческому труду людей многих поколений.

Предметом особого внимания историка искусства по праву служит морачский иконостас с произведениями попа Страхињи (1599—1600) и Георгия Митрофановича (1616—1617), увенчанный монументальным крестом 1606—1607 гг. и украшенный деревянной резьбой. Он неоднократно был освещен в специальной литературе, как и иконы середины и второй половины XVII в. Среди них выделяется икона, изображающая сербских святых и Кирилла Философа (около 1644 г.). Ризница не богата произведениями искусства. Мало что осталось и из некогда находившихся в Мораче иллюминированных рукописей. К счастью, уцелели украшенные перламутровой интарсией двери начала XVII в., ведущие из притвора в наос церкви Успения Богоматери и пользующиеся заслуженной известностью.

С. Петкович не обошел вниманием и судьбу Морачи в XVIII—XIX вв., когда малочисленное монастырское братство по мере сил стремилось поддерживать обветшавшие постройки. В конце XVIII в. морачский архимандрит Авксентий направляется в Россию, куда стремятся переселиться и некоторые монахи из Морачи. Утративший значение как очаг культурной жизни, монастырь окончательно захирел в XIX в., и лишь по мере роста национального самосознания Морача снова оживает, превращаясь в объект пристального изучения. Итоги этого налицо в рассматриваемой книге, столь органично соединившей доступность изложения материала со строгой научностью. Обширные примечания в конце текста дают исчерпывающее представление об этапах и состоянии изучения морачских памятников. Они же показывают, что обращение С. Петковича к жанру монографии — следствие его предшествующих статей, посвященных отдельным произведениям и общим проблемам. Издание сопровождается об-

ширным изложением содержания на английском языке, черно-белыми и 60 высококачественными цветными репродукциями, а также тщательно выполненными схемами расположения фресок, отражающими их иконографию и состояние. Все отмеченные черты делают книгу о Мораче исключительно ценной, полезной и интересной. Большой формат и изящное оформление придают нарядность, коренным образом отличающуюся от броскости «подарочных» изданий, часто не имеющих своего адресата. Эта книга предназначена для всех, кого интересует славянское культурное наследие.

Нашим историкам искусства, специализирующимся в изучении средневековых памятников, Морача хорошо извест-

на, а широкий зритель мог еще в 1970 г. познакомиться с копиями некоторых фресок [1], а в 1981 г. — с морачскими иконами [2]. Книга С. Петковича дает представление о тех произведениях, которые не подлежат перемещению в пространстве, делает далекую Черногорию более близкой и исключительно привлекательной.

Пуцко В. Г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Югославские средневековые фрески: Сербия, Македония, Черногория. № 29—32. Л., 1970.
2. Искусство Черногории с древнейших времен до наших дней. Каталог выставки. № 61, 62, 81. М., 1981.

Етимологічний словник української мови. Т. 3. Київ, 1989

Этимологический словарь украинского языка. Т. 3

В рецензии на 1-й том этого издания [1] нам уже приходилось более или менее полно характеризовать основные особенности нового украинского этимологического словаря — и несомненные достоинства, и принятые в словаре спорные композиционные решения. Не останавливаясь подробно на этой стороне дела, подчеркнем все же, что в словаре по-прежнему выдерживается неудачное, как нам представляется, сочетание гнездового построения статей, отвлекающего внимание читателя от многочисленных внутриславянских параллелей в области производной исконной лексики, с обилием статей, посвященных недавним заимствованиям в украинский (в том числе, международной терминологической лексике) и содержащих более или менее последовательный перечень их инославянских параллелей. Парадоксальным следствием является иллюзия того, что весьма значительная часть украинского словаря, объединяющая его с другими славянскими языками, состоит из так называемых «интернациональных» лексем, что, конечно, заведомо неверно.

Не вполне благополучной кажется и ситуация с собственно этимологическими истолкованиями многих недавних приобретений украинского словарного фонда. В ряде соответствующих статей в недостаточной степени принимается во внимание проблема «Wörter und Sachen», хотя, казалось бы, это легче осуществить

по отношению к недавно возникшим словам, чем к лексике древнего происхождения. В результате читателя пытаются убедить, например, в том, что укр. *мультфильм* — это сложение из «усеченной основы *мультипликаційний* и слова *фільм*», между тем как перед нами совершенно бесспорное заимствование из рус. *мультфильм*, которое даже допускает достаточно точную датировку. Как ни элементарно рассмотренное слово этимологически, предложенная в словаре версия все же есть ошибка, которая, к сожалению, не раз повторяется на страницах рецензируемого издания.

Решения, предлагаемые для собственно славянских слов и ранних заимствований, в целом находятся на высоком этимологическом уровне и в большинстве случаев убедительны и интересны. В то же время в этимологическом словаре обычно не принято интерпретировать материал на основе таких историко-фонетических концепций, которые еще не в достаточной степени проверены и не являются общепринятыми. В словаре это доброе старое правило, увы, нарушается: к примеру, широко используется теория А. С. Мельничука (см., например, в последнее время [2]), согласно которой в индоевропейском имелись корневые варианты с плавными или носовыми сонантами и без таковых. Не вдаваясь в обсуждение этой концепции по существу, отметим, что общепринятой она пока

не стала и, обнаружив следы ее применения в украинском этимологическом словаре S. V. *мороква*, читатель испытает лишь вполне обоснованное недоумение.

Существенным недостатком рецензируемого тома следует признать и то обстоятельство, что в ряде случаев за пределами словаря оказались легкодоступные русские диалектные параллели к главным украинским словам. Здесь мы ограничимся отнюдь не полным перечнем таких форм, представленных в [3; 4] (изданы в 1981 и 1982 гг. соответственно!): укр. диал. *лигать* 'бежать большими шагами' — рус. диал. *лыгать* 'прыгать', укр. диал. *лизун* 'сказочное существо, живущее в лесу' — рус. диал. *лизун* 'домовой', укр. диал. *лиска* 'птица *Fulica atra* L.' — рус. диал. *лыска* то же, укр. диал. *лохман* 'лохмотья' — рус. диал. *лохман* то же, что укр. диал. *мазепан* 'грубиян, неумный человек' — рус. диал. *мазепан* 'грязнуля', *мазепный* 'грязный', укр. диал. *мимохид* 'конвульсии у детей' — рус. диал. *мимохода* 'родимец, помешательство, апоплексический удар, паралич', укр. диал. *мотушний* 'хмурый' — рус. диал. *мотушный* 'расточительный, распутный'. Примерно такое же положение наблюдается и с белорусской диалектной лексикой, также не полностью использованной в словаре.

Бесспорным достоинством рецензируемого издания является широкое привлечение данных украинских говоров — таким образом в славистику вводится значительный корпус слов, ценных с этимологической и историко-культурной точек зрения. Вместе с тем, как правило, эти слова в ходе этимологического анализа вынуждают авторов либо признать их происхождение неясным, либо обращаться к гипотезе о разнообразных контаминациях. Первое, однако, явно предпочтительнее, поскольку, предполагая контаминацию, этимолог берет на себя ответственность каким-то образом ее доказать, что часто оказывается практически невозможным.

кориворот: предполагается контаминация **приворот* и *коловорот*; более простое объяснение *кориворот* < **коли-ворот* (словообразовательно близкого к *коловорот*) с ассимиляцией.

*лизун*³: допускается контаминация *слизун* 'слизень' и *лизати*, что было бы в принципе возможно, если бы не наличие рус. диал. *лизун* 'слизняк' [3, с. 44—45].

мамуха: контаминация слов *мох* и *пух* представляется результатом народной

этимологии; вероятно, идентично *мамуха* в значении 'мать, мама'.

Ниже предлагаются некоторые замечания и дополнения по отдельным словарным статьям.

кораби: едва ли связано с нем. *Korb* или укр. *корба*. Скорее следует думать о фонетической передаче укр. *короб* (во мн. ч.), что хорошо объясняет и значение — 'корзина для ношения на спине'.

корга: скорее всего, тождественно рус. диал. *корга* 'пень, кривое дерево'.

коромпавий: сближение с болг. *коруба* 'дуло', *коруп* (из *коруб!*) 'дуплистое дерево', с.-хорв. *кору́ба* 'желоб, улей, кора' фонетически непримлемо; перед нами, бесспорно, аффективно-фонетическое преобразование укр. *коропавий*, что вполне допустимо ввиду значений *коромпавий* — 'трухлявый, гнилой, дуплистый'.

козтитися: не исключено, что в этом слове следует видеть остаток праславянского диалектизма **ko-(j)eziti* с исходным значением 'пригибать, привязывать', отражающего соответствующий славянский корень с огласовкой -е- и без протетического **v-*.

крами: это слово, обозначающее 'плечи', едва ли может быть объяснено как результат слияния предлога с диал. *рама* 'плечи' (далее — к *рамена*). Заслуживает внимания иная возможность: не соотносится ли форма *крами* как образование с продленным вокализмом со слав. **кромѣ* 'сторона, край'?

кріврати: бесспорно, из словосочетания *крів рвати*, букв. 'рвать кровь' > 'тяжело работать, надрываться'.

кроси: видимо, неотделимо от ремесленного термина *кросно*. Значение 'усики ползучих растений' прозрачно связано с терминологическим употреблением слав. **krosno*.

куведраха: объяснение из сложения *куви* (как имитация звуков, издаваемых птицей) и *драти* является народно-этимологическим. Данное название *Fringa totanus* L., очевидно, восходит к **кувердра* и, далее, связано с *кувердя* и *кувирдь*.

куйда: предполагаемая связь с *куйовда* 'кудлатый человек или животное' семантически возможна, но необязательна (значение *куйда* — 'женщина, которая лениво и плохо работает'), а фонетически встречает известные трудности. Можно допустить, что *куйда* образовано по модели рус. *пройда* и восходит к **ки-йьда*.

кустрець: очевидное производное от *кустра*. В семантическом плане перед на

ми метафора, уподобляющая неровности кожи нечесаным волосам.

кутерногий: в связи с первым компонентом этого слова интересно — ввиду его значений 'хромой; колченогий' — привлечь и болг. *кутър* 'маленький', *кутре* 'мизинец'.

кучки: это обозначение средних суставов пальцев, вероятно, отражает, как и болг. *кучки* 'отростки на кусте или на дереве, которые следует обрезать', слав. **куьска*, производное от **кука* 'кряк, изгиб'.

кучма (в выражении *кучму дати комуь* 'причинить кому-л. хлопоты, неприятности'): вопреки авторам словаря, лишь омонимично *кучма* 'высокая баранья шапка' и этимологически непосредственно связано с *кучити* 'надоедать, причинять неприятности'.

куцавий: скорее всего, производное от *коций* — фонетический вариант к *коцавий*.

лаустити: экспрессивный глагол со значением 'болтать', вероятно, восходит к **la-ustiti* и далее к **usta*.

лазуряка: обозначение 'лесного разбойника' едва ли, как предполагают авторы словаря, может быть связано с *лазити* в любом из значений последнего. Можно было бы предложить здесь гипотезу об усвоении данного слова устным путем из рус. *разорьяка.

ламак: производное от *ламати* с прозрачной мотивацией 'бить, рвать' > 'лохмотья, тряпье'.

либати: допуская возможность связи между значениями 'моргать' (как у *либати*) и 'улыбаться, скалиться', естественно связать *либати* с слав. **lybati*.

липтавий: идентично с.-хорв. *липтав* 'дрожажий, трепещущий' и подтверждает реконструкцию **lǫpъtavъ* в [5].

листопруг: для объяснения этого названия *Nymphaea L.* нет никакой необходимости предполагать, что второй компонент сложения восходит к *круг*. На самом деле, морфема *-пруг* продолжает слав. **rg-g-/*preg-*.

логарня: производное от незасвидетельствованного *логар*, тождественного рус. диал. *логарь* 'ручка сохи' [3, с. 104].

ломтити: вопреки авторам словаря, не является видоизменением *ломтити*, но вместе с рус. диал. *ломтить* 'стучать, ломать' [3, с. 125] образует самостоятельную глагольную форму **lomъtiti*.

лопасня: данное название *Erysimum austriacum Baumg.* вместе с рус. диал. *лопасна* 'плоская часть кичиги' [3, с. 131] и подмосковным РН и МН *Лопасня* вос-

ходит к субстантивированному прилагательному ж.р. **lopastъna*, далее — к **lopastъ*.

лопаття: едва ли контаминация *лапаття* и *лопатень*, против чего, в частности, указывает и рус. диал. *лопотьи* 'крупные листья' [3, с. 143]. Для *лопаття* '*Nymphaea alba L.*' естественно предполагать прямую связь с *лопата*.

лопки: ботанические особенности дурмана прямо указывают на возможность видеть в этом его названии субстантивированное прилагательное мн. ч., ср. *лопкий* 'сдкий'.

луна: сосуществование омонимов *луда* '(оптический) обман' и *луда* 'бельмо', *луна* 'эхо, отблеск' и *луна* 'бельмо' заставляют подозревать в обоих случаях вторичное формирование омонимии на основе исходной филиации значений в рамках единых этимологических образований.

люгати: значение 'говорить правду в глаза, срамить' подсказывает возможную связь с **lygati* и реконструкцию оригинального праславянского диалектизма **l'ugati*, отражающего по-видимому исходную огласовку **leugh-*, как в германском, ср. гот. *liugan* 'лгать'.

маклава: предположение о каких-либо связях с *батлама* (также 'болотная трава') совершенно излишне. К *маклава* ср. еще *моклавина* 'болотистая почва, болото', *моклина* то же. В основе их лежит слав. **toklъ* 'мокрый, влажный'.

манатиси: вместе с фонетическим вариантом *минатиси*, *манатиси* 'напоминать кого-л., походить на кого-л.' продолжает **minati*, соотносительное с **mъniti*.

марібе: в этом обозначении скелета (значение 'смерть' представляется нам производным) можно усмотреть префиксальное образование **ma-gebyje*, соотносительное с синонимичным **ko-gebyje*.

мартопляс: это слово, обозначающее франта, ветрогона (а ранее — фокусника), разумеется, нельзя вслед за авторами словаря возводить к сложению слов *март* и *плясати*. Оно неотделимо от блр. *мартаплясы* 'потрепанные поля одежды', а равно и от укр. *мартопляж* 'неудачно испеченный хлеб'. Далее, на наш взгляд, к этому же гнезду надлежит отнести и *матербас* 'вид грубой ткани'. Нерегулярные фонетические соотношения внутри этой группы слов указывают на их заимствованный характер, а их семантика ('фокусник', названия ткани) — на так сказать 'рыночный' характер заимствования. Это дает нам основание ви-

деть источник перечисленных форм в нем. Marktplatz.

мазорити: едва ли к *мазер* 'жулик, маклер' из нем. Mächer. На исконный характер *мазорити* 'обманывать' указывает параллель в рус. диал. *мазоря* 'разиня' [4, с. 51].

мерковей: вместе с *марковой* 'Echium vulgare E.' это название в первой своей части связано с *меркнути*. Семантическая мотивация основана на обильном, 'слепящем' рассеивании семян растения.

мяшкурка: это оригинальное название ладони наряду с *м'яшкурити* 'мять' продолжает любопытный композит **тъпѣ-скога* (к семантическому развитию ср. *жменя* 'горсть').

молодойка: ввиду значения 'кукурузная мука, сваренная на сладком молоке', естественно объяснять данную форму как преобразование исходного *молокодойка*, ср. соотношение *молокосис*: *молосис* 'Salamandra maculosa'.

москородити: едва ли связано с *москати* и *мошкородити* (о последнем см. ниже). Соотносится с рус. диал. *москородный* 'некрасивый, гадкий' [4, с. 285].

мошкородити: глагол со значением 'делать фокусы' имеет соответствия в рус.

диал. *машкара* 'проказница; ряженые, которые ходят по домам', *машкароваться* 'рядиться' и под. [4, с. 59] и в конечном счете связан с названием маски.

мудохатиси: как и синонимичное рус. *мудохаться*, едва ли связано с др.-рус. *мудити*. Перед нами, по-видимому, отыменное производное, прямо связанное с укр. *мудоха* 'лобковая вошь'.

мукдарите: едва ли вариант *мукарить* 'мучить'. Значения *мукдарити* 'заставлять, болеть, ныть' указывают возможность понимать эту лексику как преобразование словосочетания *муку дарити*.

Орѣл В. Э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орѣл В. Э. Рец. на кн.: Етимологічний словник української мови. Т. 1.— В кн.: Етимологія 1983. М., 1985, с. 182—186.
2. Мельничук А. С. Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании.— В кн.: Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989, с. 21—35.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1982.
5. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15. М., 1988, с. 132.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ», ПОСВЯЩЕННЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ФРАНЦИСК СКОРИНА И ЕГО ВРЕМЯ»

Энциклопедия, посвященная Скорине, стала темой «круглого стола», проведенного 14 июня 1989 г. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР совместно с Московским обществом белорусской культуры им. Ф. Скорины, Советом по белорусской литературе при правлении Союза писателей СССР.

Это солидное издание, без малого в сотни печатных листов, содержит более 700 статей, множество иллюстраций и, что особенно ценно, воспроизведенные тексты скорининских предисловий и послесловий, а также акты и другие источниковедческие материалы XVI в., непосредственно связанные с биографией гуманиста-просветителя, первопечатника из Полоцка. В конце тома помещен выборочный список литературы (1006 наименований), также показательный для понимания повышенного интереса, проявленного к Скорине со стороны многих видных представителей отечественной и зарубежной славистики — Ф. И. Буслаева, А. И. Пыпина, В. В. Стасова, М. А. Богдановича, Е. Ф. Карского, И. Франко, М. Драгоманова, Й. Лелевеля, В. Копитара, С. Линде, Й. Добровского, П. Шафарика, В. И. Пичеты, А. В. Флоровского, И. Н. Голенищева-Кутузова и многих других.

В «круглом столе» приняли участие сотрудники ИМЛИ АН СССР: канд. ист. наук А. К. Кавко, д-р филол. наук М. Ф. Мурьянов, Е. А. Осокина; сотрудники Института литературы им. Я. Купалы АН БССР: д-р филол. наук А. И. Мальдис, А. Жлутко, И. В. Саверченко; сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР: канд. ист. наук Ю. А. Лабынцев, канд. ист. наук А. И. Рогов; канд. ист. наук А. С.

Василенко (Ин-т международного рабочего движения АН СССР), проф., д-р филол. наук В. В. Авиченко (Гомельский госуниверситет им. Ф. Скорины), канд. филол. наук Л. У. Звонарева (журнал «Литературная учеба»), М. И. Ткаченко (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), канд. искусствоведения В. Г. Пуцко (Калужский краеведческий музей), проф., д-р филол. наук Б. Бялокозович (Ин-т славяноведения ПАН), И. В. Ухваронок (Министерство культуры РСФСР). В ходе дискуссии были обсуждены многие важные стороны биографии, творческого наследия Скорины, его роли и места в белорусской, всей славянской и мировой культуре, а также некоторые дискуссионные проблемы скориноведения.

Во вступительном слове А. К. Кавко был подчеркнут энциклопедический характер личности Скорины, открывшего эпоху белорусского, всего восточнославянского книгопечатания и обогатившего многовековую просветительскую традицию сочетания просвещения (образования) и духовного просветления человека, этики и эстетики, глубокого патриотизма и общечеловеческой отзывчивости.

Выход в свет данной энциклопедии — крупный шаг на пути к всестороннему, целостному освоению скорининского наследия, преодолению примитивно-вульгаризаторского отношения к Библии, ко всей христианско-культурной традиции, вне которой невозможно по достоинству оценить сделанное Скориной.

Один из узловых вопросов, затронутых в дискуссии, был связан с характером скорининского гуманизма, примечательного социально-общественным, конфессиональным демократизмом, морально-эти-

ческой заостренностью, национальным самоутверждением и в то же время широкой международной коммуникативностью. Важно, как отмечалось выступавшими (А. Г. Кавко, А. И. Мальдис, Б. Бялокович, Ю. А. Лабинцев), всесторонне исследовать типологические свойства этого гуманизма в соотношении с эволюцией старобелорусской культуры, синтезированной на местной почве восточновизантийские и западноримские начала.

Следующая весьма важная, также малоизученная проблема касается писательского статуса Скорины. Достаточно ли оснований для того, чтобы именовать переводчика, автора предисловий к библейским текстам писателем? По всем восточноевропейским и средневропейским меркам того времени, большинству западноевропейских Скорина, подчеркнул в своем выступлении Ю. А. Лабинцев, является крупным писателем, в творчестве которого соединились две величайшие ветви мировой культуры — западная и восточная, оригинально преломились идеи европейского Возрождения. Однако целостная характеристика поэтики Скорины, по мнению участников дискуссии, — дело будущего. Свообразие образно-стилевой структуры, художественного языка переводчика «Библии русской» — темы, достойные тщательного литературоведческого анализа.

Интересен Скорина как гимнограф, но и эта сторона его творчества, несмотря на имеющиеся исследования и прежде всего недавнее открытие А. Туриловым скоринских акростихов, по настоящее время как следует не изучена. Затрагивая эту проблему, И. В. Саверченко обратил внимание участников «круглого стола» на общее состояние изученности греческой и славянской гимнографии, отсутствие скрупулезных источниковедческих разработок по церковным песнопениям, что отразилось и на уровне отдельных статей обсуждаемой энциклопедии, посвященных канонам и акафистам. Сказалась также и многолетняя недооценка советской медиевистикой средневековой греко-латинской философской мысли. В развитии герменевтики и обстоятельном осмыслении экзегетики видится, по мнению выступающего, одна из реальных возможностей выхода скориноведения на новую, более высокую ступень.

Языку Скорины было посвящено выступление В. В. Аниченко, указавшего на лексикографическое новаторство гуманиста-первопечатника, который широко обогащая, в известном смысле реформи-

руя церковнославянскую языковую основу своего перевода Библии тогдашней живой белорусской речью («русским языком»), обеспечил общедоступность своим книгам как у себя на родине, так и во всем восточнославянском регионе. Важным представляется уяснение характера заимствований Скориной чешской, польской лексики. Сюда же примыкает и проблема, на которую указал Б. Бялокович: влияние старобелорусского языка на развитие польского. Значение Скорины, заметил польский ученый, во всей полноте можно раскрыть лишь с учетом культурного и языкового многообразия Речи Посполитой, многонационального федеративного государства. Один из кардинальных вопросов скориноведения связан с дальнейшим, более углубленным исследованием словаря Скорины на основе текстологического анализа его перевода и древнееврейского, древнегреческого, латинского (Вульгата), чешского текстов Библии.

Творчество Скорины в свете традиций русской письменности рассмотрел А. И. Рогов, отметив, в частности, обширные для своего времени книжные связи между Московской Русью и Великим княжеством Литовским. Белорусский первопечатник был, естественно, знаком с русскими библейскими рукописями, о чем свидетельствует сопоставительный анализ его переводов (ранее проделанный Т. Н. Копреевой) с книгами Геннадиевской Библии. Не менее важен факт бытования скоринских изданий в московско-русской среде. Изучение различных надписей и записей на этих книгах в течение XVI—XVII вв. (исследования Г. Я. Голеченко) подтверждает тезис об их распространенности в русских землях, в частности в библиотеках ряда монастырей, в личной библиотеке патриарха Никона и особенно среди русских старообрядцев. Этому не помешала известная осторожность официальной церкви, отдельных ревнителей православного благочестия (кн. А. Курбский) по отношению к переводам Скорины в связи с их отличным от церковнославянской традиции языком, непривычным графическим оформлением, включая гравюрный портрет ученого-переводчика (светское лицо) в изданной им Библии.

А. С. Василенко коснулся влияния Скорины на развитие украинской старопечатной книги, в свое время отмеченного М. Драгомановым, М. Грушевским и другими украинскими исследователями.

Вопросу о непреходящем значении наследия Скорины посвятил свое выступле-

ние А. И. Мальдис, проследив влияние гуманистических идей просветителя в истории, современных тенденциях белорусской литературы (творчество Я. Купалы, М. Богдановича, В. Быкова, В. Короткевича). Далее докладчик отметил созвучие мыслей первопечатника о свободе личности, терпимости, миролюбии с гуманистическими исканиями современной культуры. Ценен в этом отношении, например, и конфессиональный демократизм Скорины, католическое вероисповедание которого не препятствовало его творческому подвигу в интересах родного «русского», в массе своей православного народа. Идеи Скорины об уважении к людям разных конфессий, к «иноверком» созвучны экуменическому движению современности.

Л. У. Звонарева, М. И. Ткаченко, В. Г. Пуцко уделили внимание художественно-графическому оформлению скорининских книг, соединившему в себе местную оформительскую традицию, восходящую к древнерусским рукописям, с западноевропейской (немецкой, итальянской) гравюрной школой. Был поставлен вопрос о дальнейших, более выверенных исследованиях гравюрного портрета Скорины. Не исключено, полагает В. Г. Пуцко, что за изображением, однозначно воспринимаемым как скорининское, кроется портрет известного комментатора Библии Никола де Лира (ок. 1270—1340), толкования которого активно использовал Скорина.

О проблеме поиска новых документальных источников, связанных со Скориной, говорил А. А. Жлутко, отметивший трудодоступность документов на латинском и других языках, хранящихся, вероятно, в архивах Праги, Вены, Нюрнберга, Па-

дуи, других западноевропейских культурных центрах, прямо или косвенно связанных с именем восточнославянского первопечатника. Решению этого чрезвычайно важного для науки вопроса способствовали бы целевые командировки советских исследователей в упомянутые центры, что, в свою очередь, предполагает подготовку в наших университетах соответствующих специалистов.

Участники дискуссии высказали также ряд критических замечаний по обсуждаемой энциклопедии. В числе упущений отмечены отсутствие ряда персоналий, недооценка современных разработок о Скорине на Западе, в частности научных трудов представителей белорусской эмиграции.

Было высказано несколько предложений практического характера: о создании в Минске постоянно действующего скорининского научно-просветительного центра (обоснование его необходимости представлено в директивные органы БССР), о факсимильном переиздании скорининской «Бивлии русской» (готовится к выпуску в 1990 г. издательством «Беларуская Савецкая Энциклапедыя»), о создании Международной ассоциации белорусистов.

Всобщее одобрение участников «круглого стола» встретило предложение о традиционном проведении «Скорининского семинара», где могли бы осуждаться творческие традиции Скорины, старобелорусской культуры в общеславянском историко-культурном контексте.

Материалы дискуссии готовятся к печати.

Кавко А. К.

CONTENTS

<i>Semiryaga M. I.</i> September 17-th, 1939. <i>Parsadanova V. S.</i> To the History of the Polish Army Soldiers and Officers Interned in the USSR. <i>Selicki Frantisek.</i> (PR). Francisk Skorina in Polish Science. <i>Labyntsev Ju.</i> Zertsalo zhitiya. <i>Lifanov C. V.</i> «National songs» by J. Kollar as a Source for Study of Middle-Slovak Folklor-Poetical Coynee. <i>Nevskaja T. V.</i> Etymological Notes on Some Russian Slang Words. <i>Dell Agata Giuseppe.</i> (Italy). Russian Translation of the «Kingdom of Slavs» by Mauro Orbini	3
---	---

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Aksenova E. P.</i> «Expelled from the Academy» (N. S. Derzhavin and Academic Slavic Studies in the 30-ies of the XX c.)	69
--	----

COMMUNICATIONS

<i>Zaborovskiy I. V., Zacharyina N. S.</i> Twenty Years of the Department of Medieval History in the Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR	82
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Valeva E.</i> Francis Conte. Les Slaves. Aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale (XI ^e —XIII ^e siècles). <i>Mylnikov A. S.</i> Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. <i>Kavko A. K.</i> Франциск Скорина — белорусский гуманист-просветитель, первопечатник. <i>Nikolskiy S. V.</i> Slavistický odkaz F. L. Čelakovského (Pracé z dějin slavistiky. T. XI). <i>Zahradka M.</i> (CSFR). New Book on Czechoslovak Literature. <i>Putsko V. G.</i> С. Петковий. Морача. <i>Orel V. E.</i> Етимологічний словник української мови	91
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kavko A. K.</i> The Conference Devoted to the Encyclopaedia «Francisk Skorina and His Time»	109
--	-----

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.06.90	Подписано к печати 13.08.90	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8 Усл. кр.-отт. 13,2 тыс.	Уч.-изд. л. 11,3 Бум. л. 3,5
Тираж 1296 экз.	Зак. 95	Цена 1 р. 20 к.

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трублиновский переулок, д. 30а.
 Телефон 290-27-40
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Уважаемые читатели!

**Начата подписка на журнал
«СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ» на 1991 г.**

С 1991 г. журнал намерен из номера в номер публиковать «Уроки старославянского», которые будет вести старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Э. Орел. Цикл публикаций задуман таким образом, чтобы любой читатель журнала смог овладеть начальными сведениями по старославянскому языку, познакомиться с его грамматикой и словарным составом и уметь самостоятельно разбирать старославянские тексты. Старославянский язык — язык первых славянских переводов Святого Писания, на его основе сформировался употребляемый сегодня в богослужении язык — церковнославянский. Без начатков знаний в этой области не обойтись никому, кто стремится к постижению Ветхого и Нового Заветов.

* * *

В историческом разделе журнала планируется продолжить публикацию материалов «круглых столов», конференций и дискуссий по проблемам международных отношений в Европе в XX в. и современных подходов к строительству «новой Европы»; опубликовать статьи, посвященные Константину Леонтьеву, связям чехословацкой разведки и движения Солротивления с СССР накануне Великой Отечественной войны, неизвестным страницам «дела Тухачевского», русскому зарубежью в славянских странах, концепции политики царизма в Восточном вопросе К. Маркса и Ф. Энгельса и др.